АНГАРА

№2
АПРЕЛЬ
ИЮНЬ
1961

АНГАРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Орган Иркутского отделения Союза писателей РСФСР

№ 2 (51)
АПРЕЛЬ ИЮНЬ 1961

СОДЕРЖАНИЕ

Обложка художника *Г. Г. Леви*
Рисунки художника *Б. Куприянова*
Репродукции картин на вклейках художников
Н. В. Шабалина и *В. П. Томиловского*

Адрес редакции:
г. Иркутск, улица 5-й Армии, дом 36, отделение Союза писателей.
Телефон 56—76

ИРКУТСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1961

Великая победа

Страна Советов открыла новую эру в прогрессивном развитии человечества.

12 апреля 1961 года первый в мире советский космический корабль «Восток» с человеком на борту, совершив полет вокруг земного шара, благополучно вернулся на священную землю нашей Родины. Вековая мечта человечества — свободный полет в космическом пространстве — осуществлена.

Первый человек, проникший в космос,— гражданин Союза Советских Социалистических Республик Юрий Алексеевич ГАГАРИН. Великий подвиг славного капитана первого звездолета будет жить в веках как величайшее достижение человечества.

Пионеру освоения космоса Юрию Алексеевичу Гагарину за героический подвиг — первый полет в космос, прославивший нашу социалистическую Родину,— за проявленные мужество, отвагу, бесстрашие и беззаветное служение советскому народу, делу коммунизма, делу прогресса всего человечества присвоено звание Героя Советского Союза и первому из первых — звание летчика-космонавта СССР.

Первому космонавту СССР, Герою Советского Союза, герою человечества честь и слава!

Слава советским ученым, конструкторам, инженерам, техникам, рабочим — покорителям космоса!

Подвигу советского народа слава!

Слава Коммунистической партии! Слава нашей социалистической Родине!

Весь мир приветствует триумфальный полет советского человека на космическом корабле вокруг Земли, славит гений великого советского народа.

Инн. Луговской

АСТРОНАВТУ!

Так огромна весть,
Что нервы
Не выдерживают вести той...
Юрий Алексеевич, Вы первый
Пролетели над Землей-звездой!
Это Вы по воле дерзновенной,
Что не снилась деду и отцу,
С бесконечно вечною Вселенной
Встретились лицом к лицу!
Человек ведь никогда
Там не был...
Что ж там видел первый человек?
Черное, как бездна, небо?
Звезды, неподвижные вовек?
Солнце,
Голубое, грозное,
Убывающее за земной чертой?
А какой высокою и звездною
Там Вас потревожило мечтой?
Да! Неведомые дали пройдены.
Да! Отвагой всех Вы превзошли,
Славу нашей милой Родины
Пронеся
Вокруг Земли!

Марк Сергеев

ЗЕМЛЯ, ПРИМИ КОСМИЧЕСКИЙ ПРИВЕТ!

И снова мы теряем равновесие,
И в поднебесье пристально
глядим:
Там космоса коснулся наш
ровесник,
Наш современник, друг
и побратим.
Все выше, все смелее час от часу,—
(Двадцатый век, ты соткан из
чудес!)
Не мы ль в тайге прокладываем
трассы
И создаем невиданные ГЭС!
А вот сегодня наш обычный
парень
Рванулся ввысь, как вешняя
гроза,
И вышел к звездам космонавт
Гагарин,
Заглядывая вечности в глаза.
Он был один в полете
необычном,
Но будут люди помнить много
лет
Две фразы:
«Самочувствие отлично!
Земля, прими космический
привет!»

Петр Реутский

ВЕЛИКАЯ ТРАССА

Я не думаю о счастье
на Марсе,
Туда полетят совсем не
за счастьем.
Космонавты пройдут
в торжественном марше,
Как проходят по Красной
военные части.
Желто-бурая пыль на
скафандры осядет,
Пролежавшая там
миллионы столетий.

У гранитной скалы,
как во время осады,
Космонавты поднимут
космопистолеты.
И послышится залп боевого
салюта,
Хотя Марс —
бог войны —
людям сдается без боя.
И тогда два огромных мира
сольются
Через небо
торжественно-голубое.
Люди верят, что эта
великая трасса
Будет столь же обычной,
как Куйбышев — Горький,
И что к ней мы привыкнем
с первого раза,
Как привыкли в детстве
к салазкам и горке.
Я не знаю, какая там жизнь
на Марсе,
Мне она представляется
светлой и юной,
Со звенящей капелью
в улыбчивом марте,
С неземными рассветами
в тихом июне.
А какие там звезды?
Какая погода?
Есть ли там, как у нас,
соловьиные ночи?
Там в два раза длинней
продолжительность года,
Значит, время рабочее
вдвое короче.
Впрочем, там и не будет
рабочего времени,
Ни заводов, ни шахт,
ни лебедок, ни тачек,
Потому что на Марсе
мы жить будем временно,
Потому что он будет
не домом, а дачей.
Мы построим на Марсе
спортивные клубы
И каскадом фонтанов
украсим бассейны,
А в садах разобьем
шестигранные клумбы,
Где левкои с тюльпанами
будут посеяны.
«Место радостных встреч
и счастливых свиданий»,—
Это скажут влюбленные
и туристы.
А для них этот путь
не такой уж и дальний,
Все равно, как пешком от
Коломны до Истры.
Может быть, потому лишь
и будем на Марсе,
Что костры и романтику
с детства мы любим —
Белорусы, грузины, якуты
и манси, —
Словом, все простые
советские люди.

Александр Гайдай

ЭТО ПРАЗДНИК!

Этот день останется навеки
В благодарной памяти людей:
На орбите в сказочном разбеге —
Пионер космических путей.
В сполохах огня,
в раскатах грома,
Выверив и сердце, как прибор,
Он взлетел звездой с ракетодрома
В голубой распахнутый
простор.
Вот когда сбылись мечты фантастов
И пророчества ученых книг!
Космонавт сказал Вселенной:
«Здравствуй!..»
Языком коротких позывных.
Он прошел рассчитанной дорогой
На одной из высших скоростей.
С гордостью,
восторгом
и тревогой
Ждали мы из космоса вестей.
Нам ли не гордиться!
Русский парень,
Рядовой советский человек
Юрий Алексеевич Гагарин
Открывает миру новый век.
Знать, не зря корабль
«Востоком» назван —
Солнце всходит с нашей
стороны.
Это утро. Это гордый праздник
В коммунизм нацеленной
страны.

Виктор Конев

ТАКОГО ДАЖЕ В СКАЗКАХ НЕ БЫЛО

Труд вдохновенный, светлый,
титанический
Прославил вновь страну мою
навек:
Вокруг Земли в свой первый
рейс космический
Отправился
советский человек.
Мы все — полета этого
вершители:
Ученые, колхозники, поэты.
Отныне мы родного неба жители,
Строители дорог на дальние
планеты.

Такого даже в сказках прежде
не было.
Что сказка! Сказка выглядит
убого.
Большевики сегодня даже небо,
Как прежде Землю, отняли
у бога.
В полет межзвездный,
радостный, свободный
Родные космонавты понеслись.
Вот что такое ум и труд
народный,
Вот что несет с собою
коммунизм!

НАВСТРЕЧУ XXII СЪЕЗДУ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

А. В. Гриценко,
председатель исполкома Иркутского областного Совета депутатов трудящихся

РУКОВОДСТВО СЕЛЬСКИМ ХОЗЯЙСТВОМ — ДЕЛО ЖИВОЕ, ТВОРЧЕСКОЕ

Сельское хозяйство нашей страны после известных постановлений партии и правительства за последние годы удвоило темпы своего развития. Январский Пленум ЦК КПСС, зональные совещания передовиков сельского хозяйства еще раз наглядно показали, какими неисчерпаемыми возможностями располагают колхозы и совхозы для дальнейшего увеличения сельскохозяйственных продуктов.

Выработанная Коммунистической партией и Советским правительством программа крутого подъема сельского хозяйства последовательно проводится в жизнь. Советские люди видят в этой программе верный залог решения задач коммунистического строительства. Всенародный размах социалистического соревнования за увеличение производства хлеба, молока, масла, мяса — яркое свидетельство того, что трудящиеся считают новые мероприятия партии и правительства по подъему сельского хозяйства своей родной, кровной политикой, а проведение этой политики в жизнь — своим делом.

Но было бы ошибочно думать, что принятые партией и правительством решения и взятые тружениками сельского хозяйства социалистические обязательства претворятся в жизнь сами собой. Практика коммунистического строительства убедительно показывает, что решающее слово остается за организаторской работой.

Образец целеустремленности и деловитости в работе показывает Н. С. Хрущев. Никита Сергеевич после январского Пленума ЦК КПСС поехал в Киев. Затем он побывал на зональных совещаниях передовиков сельского хозяйства в Тбилиси, Ростове-на-Дону, Воронеже, Свердловске, Новосибирске, Целинограде, Алма-Ате. Всюду своей кипучей энергией он вдохновляет коммунистов и всех трудящихся на преодоление трудностей, показывает образец принципиального и неутомимого борца за дело коммунизма.

Нам, участникам Пленума ЦК КПСС, хорошо запомнилась обстановка, в которой проходила работа Пленума. В ходе всех заседаний царил дух требовательности, непримиримого отношения к недостаткам. Многие республики, края и области, в которых допущено ослабление руководства сельским хозяйством, подвергались острой критике.

На совещании передовиков сельского хозяйства краев и областей Сибири также чувствовалась большая озабоченность положением дел в сельском хозяйстве. От нашей области, как известно, на совещании с докладом выступал первый секретарь обкома КПСС С. Н. Щетинин. Он доложил Центральному Комитету партии и правительству о делах в сельском хозяйстве Иркутской области, сообщил об обязательствах, принятых тружениками сельского хозяйства на 1961 год. На этом совещании также выступили кукурузовод тов. Балушкин и директор совхоза тов. Сугак.

В своем выступлении в Новосибирске Н. С. Хрущев высоко оценил роль и значение

Сибири в народном хозяйстве страны. Людьми, верными своему слову, назвал он сибиряков. Н. С. Хрущев упоминал и нашу Иркутскую область, привел данные о количестве освоенных нами целинных земель за предыдущие годы, отметил работу опытной и селекционной станций и некоторых передовиков сельского хозяйства.

За два года семилетки в Иркутской области валовой сбор зерна увеличился на 45 процентов, а заготовки хлеба — на 56 процентов. В 1958 году наши колхозы и совхозы сдали государству 19,9 миллиона пудов, в 1959 году — 29,9 миллиона пудов, в 1960 году — 32,1 миллиона пудов хлеба. За минувшие годы семилетки заготовки картофеля увеличились в три раза, овощей — почти в два раза, мяса — на 20 процентов, молока — на 25 процентов, яиц — на 80 процентов.

Жизнь показывает, что можно обеспечивать себя не только продуктами растениеводства, но и животноводства. Для этого имеется все необходимое. Накоплен опыт подъема сельского хозяйства. Смогли же мы в короткий срок удвоить поголовье коров в колхозах и совхозах, поднять удои молока с 1000 литров до 2071 литра, освоить 426 тысяч гектаров целинных земель, более чем на 40 процентов увеличить посевные площади.

В нашей области имеется немало передовых доярок, которые своим трудом доказали, что можно резко поднять продуктивность коров. Мы гордимся лучшими доярками Н. Е. Петровой, М. Н. Кислицыной, М. Е. Козловой, А. И. Долгих, которые выступили инициаторами областного соревнования за высокие надои молока — по 100 тонн на группу коров. Их почин нашел горячую поддержку доярок многих колхозов и совхозов области. Теперь дело за тем, чтобы повсеместно усилить борьбу за надои в летний период. Успеха в этом деле, как правило, добиваются там, где по-настоящему сумели организовать пастбищное содержание скота.

Знатный свинарь области В. А. Иванов, работающий в Зиминском совхозе, в прошлом году откормил и сдал 1196 свиней с живым весом 1158 центнеров. По 23 поросенка на основную матку и по шесть на разовую получают и выращивают в Куйтунском районе свинарки И. А. Мешкова и В. Я. Конторовская. Много в нашей области передовых животноводов, успешно борющихся за увеличение производства мяса. Это наши маяки, указывающие путь дальнейшего роста продуктивности животноводства, на них надо держать курс.

Сейчас все шире распространяется лозунг — от рекордов отдельных передовиков к высоким показателям хозяйств в целом. Этот замечательный почин, родившийся в Серпуховском районе, Московской области, как известно, одобрен Центральным Комитетом партии.

В нашей области сотни доярок, механизаторов, откликнувшись на почин серпуховцев, решили вывести в ряды передовиков своих товарищей. Они обязуются оказывать им повседневную помощь, систематически встречаться и обмениваться опытом, взаимно контролировать друг друга, выступать активными пропагандистами и организаторами внедрения передового опыта. В этом видно единодушное стремление колхозников и рабочих совхозов поставить на службу семилетки все резервы, выявить и использовать все возможности роста своего колхоза, совхоза.

В апреле 1961 года на шестом пленуме областного комитета партии обсуждался ход выполнения социалистических обязательств, принятых тружениками сельского хозяйства. Пленум отметил, что работа с людьми — это главное в деятельности партийных, советских органов, партийных и хозяйственных руководителей. Нельзя претворить в жизнь решения партии и правительства без усилий всех советских людей. Самотеком, автоматически ничего не сделать. Чем ответственнее и сложнее задачи, тем более широкой по размаху и глубокой по содержанию должна быть наша организаторская работа с людьми. А вести ее надо с учетом того, что люди не безлики, отличаются по своему опыту, жизненным судьбам, профессиям, уровню развития. Кто умеет подтягивать отстающих до уровня передовиков и новаторов, тот добьется успешного решения стоящих хозяйственно-политических задач, а кто этого не сделает, тот будет плестись в хвосте.

Именно по этой причине отстают, например, Усть-Удинский и Нукутский районы. Они в 1960 году не справились не только с принятыми социалистическими обязательствами, но и с выполнением государственного плана. Вот как выглядел на фоне областных показателей Усть-Удинский район. По заготовкам мяса план 1960 года он выполнил на 94 процента, а область — на 112 процентов, по молоку район — на 91 процент, область — на 100 процентов, по заготовкам яиц район — на 72 процента, область — на 107 процентов. Устьудинцы провалили план по загдтовкам овощей и картофеля. Не лучше показатели были у Нукутского района. План по мясу выполнен на 91 процент, по молоку — на 94 процента, по

картофелю — на 49 процентов. Отстают по заготовкам молока Братский, Боханский, Жигаловский районы. В них можно насчитать сотни людей, отвечающих за животноводство. Они выступают с речами об увеличении производства молока, не скупятся на обещания, принимают высокие обязательства. Много слов, горы исписанной бумаги и... мало молока!

Если бы руководители отстающих районов, колхозов, совхозов перешли от слов к делу, изменив методы руководства хозяйством, картина была бы совершенно иной. Принять обязательство — это лишь начало дела. Главное — организовать работу так, чтобы принятые обязательства были выполнены. Этим теперь повсеместно оценивается способность и качество любых руководителей, на каких бы постах они не стояли. Во внимание берутся прежде всего не слова и обещания, а конкретные результаты.

В соответствии с постановлением январского Пленума ЦК КПСС бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совет Министров республики утвердили нашей области контрольные цифры по заготовкам зерна, мяса, молока и яиц на 1962—1965 годы. Область должна будет заготовить в 1965 году 41,5 миллиона пудов зерна, на 9,5 миллиона пудов больше, чем фактически было заготовлено, и на 50 процентов больше плана прошлого 1960 года. Мяса должны заготовить 87 тысяч тонн в живом весе, или больше на 76 процентов, молока — 371 тысячу тонн, или в два с лишним раза больше, яиц — 50 миллионов, или в полтора раза больше, чем было заготовлено в 1960 году.

Обсуждая решения январского Пленума ЦК КПСС, колхозы и совхозы нашей области приняли социалистические обязательства: продать в 1961 году государству 60 тысяч тонн мяса, или на 20 процентов больше, чем в 1960 году, 210 тысяч тонн молока, или на 18,6 процента больше, 40 миллионов штук яиц, или на 19 процентов больше, и 1100 тонн шерсти, или на 8 процентов больше, чем в 1960 году. Эти обязательства были включены в обращение, принятое участниками новосибирского совещания передовиков сельского хозяйства, и опубликованы в печати.

У нас есть все возможности для выполнения этих обязательств. Надо обратить особое внимание на рост поголовья коров, на сокращение падежа животных.

В целях выполнения социалистических обязательств по продаже мяса государству колхозы и совхозы в текущем году должны откормить 320 тысяч свиней и произвести 27,5 тысячи тонн свинины — в два с лишним раза больше, чем было произведено в 1960 году.

Особого внимания требует строительство животноводческих помещений. Без этого невозможно увеличить поголовье скота. А нам требуется к 1965 году удвоить поголовье коров. Новые животноводческие помещения следует строить с расчетом внедрения передовых форм содержания скота, без чего невозможно повысить производительность труда в животноводстве и снизить себестоимость мяса и молока. Необходимо смелее и решительнее внедрять беспривязное содержание коров и крупногрупповое содержание свиней. В скотных дворах нужно предусматривать простейшие системы водоснабжения.

Важнейшим условием повышения производительности труда и снижения себестоимости сельскохозяйственной продукции является внедрение в сельскохозяйственное производство передовых форм организации труда на базе комплексной механизации всех процессов в животноводстве. У нас до сих пор остаются немеханизированными многие работы в животноводстве.

Коллективы предприятий Иркутского совнархоза решили оказать помощь колхозам и совхозам в комплексной механизации трудоемких процессов в животноводстве. В 1961 году предприятиями совнархоза будет изготовлено 500 доильных агрегатов, 500 универсальных дробилок кормов, 1000 комплектов парообразователей КВ-200, 200 навозоподборщиков, 200 комплектов приспособлений для внесения аммиачной воды под плуги и лущильники. Это позволит нам уже в 1961 году перевести на машинное доение примерно 100 тысяч коров, или 71 процент поголовья, и высвободить не менее 7 тысяч доярок из расчета закрепления 25 коров за дояркой. К концу года колхозы и совхозы области будут иметь уже более 1100 доильных агрегатов вместо 360 имеющихся в данное время.

В решениях шестого пленума областного комитета партии и первой сессии областного Совета депутатов трудящихся подчеркнута необходимость правильного использования земли. Обком КПСС и облисполком приняли меры к тому, чтобы структура посевных площадей полностью соответствовала требованиям увеличения производства сельскохозяйственных продуктов. В 1961—1965 годах предстоит освоить 300 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Иркутская область в числе двенадцати областей отнесена к целинной области. Это налагает на нас большую ответственность.

Для того, чтобы продать государству в 1965 году 41,5 миллиона пудов зерна и обеспечить животноводство зернофуражом, колхозы и совхозы должны довести производство зерна до 110 миллионов пудов. Для этого уже в текущем году мы должны освоить новых земель 60 тысяч гектаров. Расчеты показывают, что для выполнения обязательств по продаже хлеба государству в 1961 году в размере 32,5 миллиона пудов и создания необходимых фуражных фондов нам требуется в этом году валовой сбор зерна иметь не менее 85 миллионов пудов —1400 тысяч тонн, а в прошлом году мы получили 1235 тысяч тонн. Для этого надо вырастить и убрать урожай на колхозных и совхозных полях не менее чем по 15 центнеров с гектара с уборочной площади зерновых более 900 тысяч гектаров.

Особого внимания требует кукуруза. В нашей области она явилась той основной кормовой культурой, которая помогла иркутянам добиться увеличения производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов.

В колхозах и совхозах имеется немало передовых кукурузоводов. Взять, например, А. Т. Балушкина из колхоза имени Чапаева, Боханского района. Выращиванием этой ценной культуры он занимается не первый год. Массивы у него подобраны на южных склонах, где почва хорошо прогревается; землю он удобряет аммиачной водой, вовремя высевает сортовые семена, на всей площади имеет хорошие квадраты. Обработка их производится в двух направлениях. Все это способствует выращиванию высокого урожая. С площади 100 и более гектаров тов. Балушкин получает по 570—600 центнеров зеленой массы кукурузы, а с отдельных участков он получает по 100 центнеров початков молочно-восковой спелости.

Молодой кукурузовод Аларского совхоза Д. Д. Дадуев в 1960 году с площади 153 гектара получил 750 центнеров зеленой массы. Посевы кукурузы Воронежская 76 дали початки молочно-восковой спелости по 80—90 центнеров с гектара. Тов. Дадуев так же, как и другие передовики полеводства, соблюдает все основные правила агротехники возделывания кукурузы.

Опыт передовиков показывает, что успехов больше там, где кукурузу возделывают квадратно-гнездовым способом. Вот почему мы постоянно напоминаем руководителям, чтобы они овладели техникой квадратно-гнездового сева.

Н. С. Хрущев говорил, что квадрат на кукурузном поле — это не только агротехника, это политика, потому что, проводя посевы кукурузы квадратно-гнездовым способом, мы выращиваем хорошие урожаи зеленой массы и початки, а это позволяет поднять продуктивность животноводства. Больше получаем мяса, молока, масла для населения.

Всем известно, как последовательно, настойчиво Н. С. Хрущев внедряет кукурузу в сельскохозяйственное производство. Он требует проводить отбор участков, сеять кукурузу по лучшим землям, обеспечивать получение квадратов. Только в этом случае кукуруза даст большой урожай зеленой массы и початков, а следовательно, будет много дешевых кормов. Кукуруза — более трудоемкая культура, чем овес. На гектар она требует больше труда, но по затратам на единицу продукции эта ценнейшая культура самая выгодная.

На гектаре при посеве квадратно-гнездовым способом в междурядиях 70×70 сантиметров получается 20,4 тысячи гнезд, в которых насчитывается более 40 тысяч растений Если взять вес стебля, равный одному кило-грамму, то получается 400 центнеров массы Это по меньшей мере 8000 кормовых единиц А овес, например, при урожайности 15 центнеров даст до 2000 кормовых единиц, и это вместе с соломой. Таким образом, гектар ку-курузы заменяет четыре-пять гектаров овса

Выступая на январском Пленуме ЦК КПСС и на зональных совещаниях передови-ков сельского хозяйства, Н. С. Хрущев под-черкивал, что нам надо со всей решитель-ностью внедрять кукурузу, преодолеть отста-вание, научиться выращивать высокие урожа этой ценной культуры не только в отдельных колхозах и совхозах, но и на всех площадях

В этом году колхозам и совхозам області предстоит убрать 140 тысяч гектаров кукуру-зы. Если повсеместно труженики сельского хо-зяйства овладеют практикой возделывания ку-курузы, появится возможность регулироват производство кормов, иметь их не только дл удовлетворения нужд животноводства на те-кущий год, но создавать резерв силоса, чтоб застраховать себя на будущее. И тогда на не страшны неблагоприятные климатически условия.

Большим резервом в создании прочно кормовой базы является сахарная свекла. П сбору кормовых единиц она превышает даж кукурузу. О большой ценности сахарной све-клы знают уже многие колхозы и совхозы на-шей области. В прошлом году бригаде то Никольского из совхоза «Усть-Ордынский» н площади 20 гектаров удалось получить ур-жай сахарной свеклы по 500 центнеров с ге-тара. Если принять во внимание, что в кил-грамме сахарной свеклы содержится 0,26 ко

мовой единицы, то эта бригада только за счет корней, не считая ботвы, собрала по 13 тысяч кормовых единиц с каждого гектара посева. Это очень хороший показатель.

Колхозы и совхозы области должны посеять сахарной свеклы 10 тысяч гектаров. Надо оказать помощь колхозам и совхозам, чтобы они вырастили высокий урожай этой культуры.

Немало придется вложить труда, чтобы вырастить необходимое количество картофеля и овощей. Природные условия области позволяют выращивать в достаточном количестве капусту, огурцы, морковь, редис, лук, салат, кабачки, столовые сорта гороха, помидоры.

Партия и правительство проявляют большую заботу о механизации сельского хозяйства Сибири. Нашей области на 1961 год выделено 1100 тракторов, 700 самоходных комбайнов и другая техника. Дело за тем, чтобы правильно использовать капиталовложения, умело распределить технику, разумно применить все льготы по кредитам, а также распределить долгосрочные кредиты, отпускаемые в этом году колхозам.

Приходится особо обращать внимание на организацию использования техники, на ее ремонт. Известно, что без этого нельзя добиться дальнейшего подъема полеводства и животноводства.

Предприятия Иркутского совнархоза имеют полную возможность оказать колхозам и совхозам помощь в уборке урожая. Успех уборки и хлебозаготовок, конечно, будет зависеть от работы с людьми. Значит, надо так поставить дело, чтобы людей окружить заботой, вниманием. Каждый человек, занятый в поле, должен знать и видеть, что о нем заботятся, стремятся создать хорошие условия для производительного труда. Нельзя затягивать организацию специальных уборочных звеньев и агрегатов. Следует по-настоящему провести необходимую учебу механизаторов, обратив внимание на молодые кадры. Все это будет способствовать проведению уборочных работ в сжатые сроки и без потерь.

Большое значение для дальнейшего развития производительных сил в сельском хозяйстве имеет опубликованное в феврале 1961 года постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О реорганизации Министерства сельского хозяйства». Теперь коренным образом перестроен аппарат сельскохозяйственных органов. Он превращен в центр по внедрению в производство достижений науки и передового опыта.

Помочь всем колхозам и совхозам догнать передовое хозяйство, освоить, внедрить в производство достижения науки и практики новаторов — это самое необходимое дело сельскохозяйственных органов. Они теперь занимаются организацией семеноводства и селекционной работой, племенным делом, ветеринарией, борьбой с болезнями и вредителями сельскохозяйственных культур, подготовкой кадров высшей и средней квалификации.

В связи с новой структурой сельскохозяйственных органов новые задачи возлагаются на областные сельскохозяйственные опытные станции. Например, наша областная опытная станция является одновременно и отделом науки областного управления сельского хозяйства, а ее директор тов. Малиновский — первым заместителем начальника управления. Приближение научного учреждения к практикам позволит оперативнее давать колхозам и совхозам области полезные научные рекомендации, внимательнее и глубже изучать и вскрывать резервы, обобщать опыт передовиков и делать его достоянием всех хозяйств.

До сих пор в нашей области несколько сот специалистов земледелия и животноводства было занято в районных инспекциях по сельскому хозяйству. Их труд был малопродуктивным, давала себя знать канцелярия. Из инспекций нередко рассылались общие директивы. Как правило, специалисты за бумагами плохо видели живое дело в колхозах и совхозах, а значит, они не могли глубоко и всесторонне изучать опыт новаторов. Так произошло, например, в большинстве районов Усть-Ордынского бурятского национального округа. По животноводству здесь дано немало письменных указаний и рекомендаций, но их выполнение плохо подкрепляется организаторской работой.

Теперь сельскохозяйственные органы построены на новой основе — на опытно-показательных хозяйствах, призванных быть маяками, на которых равнялись бы все соседние колхозы и совхозы. Специалисты и ученые стремятся сейчас не только накапливать собственный опыт, но и активно распространять его в хозяйствах с тем, чтобы обеспечить ведение полеводства и животноводства на высоком уровне достижений науки и практики.

В разработанных Коммунистической партией мерах по подъему сельского хозяйства видное место занимает перестройка и улучшение организации государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов. Это новое дело также назрело. На январском Пленуме ЦК КПСС заготовительные органы подвергались серьезной критике. Недостатки в организации заготовок хлеба и продуктов животноводства имеются и в нашей области.

Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР сочли необходимым перестроить и улучшить организацию закупок сельскохозяйственных продуктов и проводить государственные закупки зерна, мяса, молока, технических культур, овощей и других сельскохозяйственных культур и сырья в порядке контрактации — путем заключения договоров с колхозами и совхозами.

Система контрактации позволяет предварительно определить конкретные сроки продажи, качество, ассортимент и количество всех видов сельскохозяйственных продуктов.

Для руководства организацией закупок всех сельскохозяйственных продуктов и сырья в районах созданы государственные инспекции по закупкам. Их возглавляют главные государственные инспекторы. Каждый из них имеет группу инспекторов.

Приняты меры к улучшению деятельности потребительской кооперации по закупкам сельскохозяйственных продуктов. Теперь колхозники, получив возможность избавиться от необходимости перевозить на дальние расстояния для продажи излишки своих сельскохозяйственных продуктов, не будут отрываться от производственной работы в колхозах.

На производстве и заготовках сельскохозяйственных продуктов положительно должно сказаться образование новых совхозов. В этом году 90 колхозов преобразованы в совхозы. На базе земель и имущества этих колхозов организовано 12 новых хозяйств, 11 существующих укрупнены.

После образования новых совхозов и укрупнения существующих их удельный вес в сельском хозяйстве области значительно возрастет. Совхозы должны будут в 1961 году произвести и продать государству 312 тысяч тонн хлеба, что составляет 62 процента к плану хлебозаготовок области. Удельный вес совхозов в заготовках мяса составит 53 процента, молока — 63 процента.

Образование новых совхозов следует рассматривать не только с точки зрения увеличения производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов. Дело в том, что с приходом в совхоз вчерашний колхозник становится рабочим. Меняются его привычки, нравы. В его труд внедряется индустриальная культура.

Входят в жизнь новые формы руководства сельским хозяйством, совершенствуется стиль работы колхозных и совхозных кадров, еще выше растет производительность труда. Производительные силы в деревне, могучим потоком устремляясь вперед, несут с собой изобилие. Трудящиеся преисполнены решимости новыми производственными успехами встретить очередной XXII съезд КПСС.

Возглавить этот трудовой подъем масс, вызванный подготовкой к XXII съезду КПСС, — значит добиться, чтобы каждый колхоз и совхоз выполнил свои обязательства.

Послушайте, что сейчас говорит народ о предстоящем съезде! Разговоры о нем ведутся всюду: в цехе завода и глубоко под землей в забое, в кабинете ученого и в правлении колхоза, на собраниях и дома за семейным столом. Хорошие это разговоры! И если их собрать воедино, выделить главную мысль, то она очень ясна и конкретна: достойно встретим XXII съезд КПСС!

Чрезвычайно знаменательно, что в дни подготовки к внеочередному XXI съезду КПСС зародилось новое замечательное движение современности — соревнование за звание коллективов и ударников коммунистического труда. Сейчас под знаменем этого патриотического движения находятся сотни тысяч энтузиастов, решивших задания семилетки выполнить досрочно. Они, используя резервы и возможности, прокладывают новые пути, дерзают по-коммунистически.

Радостные, поистине незабываемые дни переживает наша социалистическая Родина. Весь мир взволнован грандиознейшим событием, положившим начало полетам человека в космос. Герой Советского Союза первый летчик-космонавт Юрий Гагарин осуществил полет в космическое пространство, еще раз доказал, как сильна и могущественна наша держава, на свершение каких чудес способна советская наука и техника, что способен сделать гражданин Советского Союза.

Никогда за все годы существования нашего государства не было такого мощного взлета творческой активности простых тружеников, как сейчас, перед XXII съездом КПСС. Да и как не быть ему, этому взлету, если цель, к которой мы так упорно шли 43 года, уже близка, зрима! И она будет достигнута в недалеком будущем. Своим творческим трудом советские люди добьются новых побед в коммунистическом строительстве.

Инн. Луговской

СИНЯЯ ЧУШКА

Иркутский алюминиевый гигант выдал первую плавку

Новорожденная чушка
Лежит на моей руке...
И вспомнилась мне речушка,
Бегущая в тальнике.

Тихо звенящие сосны.
Посвист охотничьих пуль.
Бег молниеносный,
Вспугнутых нами косуль.

Дорога. Рассказы дорожные
Совсем не седой старины,
Как хрюкали здесь таежные
Чушки и кабаны.

Все это было, было
Недавно, невдалеке...
И потому-то мне мило
Чушку держать в руке.

* *
*

Друг мой,
По этому поводу
Мне отступленье позволь...
Льются по медному проводу
Тысячи тысяч вольт.

Двуногая мачта на плечи
В дорогу взяла провода.
Далече ли?
Очень далече!
Куда?
А пошлют куда!

Дело мое — не отлынивай:
Неси, согревай, свети.
Шагаю на алюминиевый...
Чудесно!
Нам по пути!

И вот мы идем неторопко,
Как ходят спокойные все:
Мачты — по снежным сопкам,
Я — по шоссе.

Направо — река и пашни,
Налево — хребты до небес,
Прямо — не лес вчерашний,
А труб металлических лес.

Неужто, где с песенкой гулкой
К цеху подходит ток,
Я шлялся когда-то с тулкой
На косачиный ток?

* *
*

Друг мой,
По этому поводу
Еще отступить разреши...
Льются по медному проводу
Частицы нашей души!

В то время,
Когда плотина
Над Ангарой вознеслась,
Не лампой ли Аладдина
Первая лампа зажглась?

И если сказать откровенно,
Не встретил ли ты рассвет,
Любуясь на обыкновенный
И все же волшебный свет?

И если сказать, как было,
Мы сказки отбросили прочь:
Одна эта ночь затмила
Тысячу и одну ночь!

* *
*

Так вот.
По лесному заречью
В сиянии зимнего дня
Пришел я на вечную встречу
Родимой руды и огня.

И мастер по алюминию,
Совсем молодой новожил,
Чушку, горячую, синюю,
На руку мне положил.

Не ту, не из дикого стада,
Что роет саянский лес,
А ту, которую надо
Нам позарез:

Для городов,
Для колхозных
Необозримых полей
И, прямо сказать, для звездных,
Космических кораблей!

Ив. Полушин

Большой друг леса

Очерк

1

— Взгляните на эти фотографии!

Евгений Васильевич подал мне два снимка. На одном из них пышный кедровый лес, на другом какой-то «сухарник»: голые, лишенные крон стволы стоят, словно скелеты... Этот снимок сделан год спустя.

— Что случилось? Пожар?

— Нет, здесь прошел сибирский шелкопряд. И какой же большой участок кедрача погиб!— Эти слова Евгений Васильевич произнес с душевной болью.

Мы беседуем в домашнем рабочем кабинете ученого, и это очень удобно: под руками альбомы, описания опытов, коллекции, препараты. Евгений Васильевич берет со стола покрытую марлей стеклянную банку. В ней на веточке кедра ползают молодые черно-серебристые гусеницы шелкопряда.

Мы мысленно переносимся в необъятную сибирскую тайгу. В зеленом океане, простирающемся от Урала до Курил, встречаются довольно большие тусклые пятна — своеобразные кладбища леса. Мертвое безмолвие царит здесь. Покидают эти места звери и птицы: нет им тут ни пищи, ни пристанища. Нечего делать здесь и охотнику.

Не хочется верить, что опустошения в тайге производят вот такие гусеницы, которых мы разглядываем сейчас в стеклянной банке.

...В лесу порхает безобидная серая бабочка. В середине лета она откладывает на хвое деревьев сотни яичек. Через некоторое время из них выходят маленькие гусеницы. Набравшись сил, перед наступлением зимних холодов они спускаются с ветвей на землю, прячутся в моховой подстилке и засыпают. Весной, едва растает снег, голодные насекомые набрасываются на деревья и безжалостно уничтожают сочную хвою. Сибирский шелкопряд не брезгует никакими хвойными породами, но излюбленные его «блюда»— кедр и лиственница. Гусеницы буквально облепляют попавшие в беду деревья. Особенно страшен шелкопряд кедровым — золотым лесам Сибири. Не обладая способностью быстро восстанавливать утраченную хвою, поврежденный, обглоданный гусеницами кедр погибает.

Время от времени для шелкопряда складываются благоприятные условия, и тогда он размножается вспышками, наступает широким

фронтом. И нипочем ему любые преграды, он свободно перемахивает через горные вершины и большие реки. Это легкокрылое существо с помощью ветра способно перелетать на десятки километров.

Сибирский шелкопряд наносит огромный вред лесному хозяйству. Убытки от его нашествий огромны, не поддаются точному учету. Гибнут миллионы кубометров древесины, подрывается сырьевая база лесообрабатывающих предприятий.

Подсчитано, что только в Иркутской области шелкопряд погубил более миллиона гектаров превосходного многолетнего кедра. В Читинской области он уничтожил свыше двух миллионов гектаров лиственницы. «Шелкопрядники»— участки погибшего пихтового леса — на территории Томской, Кемеровской областей и Красноярского края составляют полтора миллиона гектаров. Крупный очаг шелкопряда на площади в 300 тысяч гектаров имеется сейчас в нашей Иркутской области. Свежие очаги обнаружены недавно в лесах Бурятии — бабочки перемахнули через Байкал!

Нашествие прожорливых гусеничных орд бывает страшнее опустошительного пожара. На гарях через несколько лет обычно вырастает новый молодой лес, а мертвые «шелкопрядники» остаются пустынными на многие десятилетия.

Как бороться с шелкопрядом? Можно ли покончить с ним?

Было время, когда Евгений Васильевич Талалаев не ставил перед собой таких вопросов. Его научные интересы находились в другой плоскости. Доцент Иркутского университета, руководитель кафедры физиологии и микробиологии, он занимался изучением микробиологических процессов. Ранее, в тридцатые годы, когда он работал в Институте растениеводства, его увлекала проблема морозостойкости культурных растений, в особенности озимой пшеницы. За совокупность исследований в этой области ему была присвоена степень кандидата биологических наук. Но шелкопряд?

Простой случай круто повернул внимание Талалаева к новой научной теме, ставшей затем делом всей его жизни.

Несколько лет в Иркутске существовал опорный пункт Института лесного хозяйства. Занимался он разработкой методов борьбы с вредителями леса. И вот однажды (было это весной 1949 года) заведующий опорным пунктом Владимир Осипович Болдаруев зашел в университет к Талалаеву и с горячностью сказал:

— Евгений Васильевич, тайгу съедает шелкопряд. Очень неприятная штука. Опыление химикатами не дает эффекта. Вот если бы найти против него бактерии и заразить шелкопряда...

— Я не энтомолог. Нужно хорошо знать природу шелкопряда. А я, признаться, и гусениц в глаза не видел...

Талалаеву было известно, что попытки бороться с вредителями леса при помощи бактерий пока не дали ощутимых результатов. Неудачи многих ученых породили недоверие к самой этой проблеме.

— А вы все-таки попробуйте, Евгений Васильевич,— сказал на прощанье Болдаруев.— Дело очень важное.

2

Талалаев не дал тогда Болдаруеву определенного ответа. Но думы о шелкопряде с тех пор не давали ему покоя. Евгений Васильевич кропотливо штудировал литературные источники, осмысливал и сопоставлял факты, выяснял причины неудач своих предшественников. Шаг за шагом прослеживал он все известные способы борьбы с вредителями леса.

Химический метод применяется наиболее широко. Но на огромных лесных массивах Сибири он малоэффективен и дорогостоящ. Рассеиваемый с самолетов дуст лишь частично оседает на кронах деревьев, быстро осыпается на землю под действием ветра или же начисто смывается дождем. К тому же этот химикат почти совсем не действует на гусениц старших возрастов. Следовательно, с помощью одной химии покончить с шелкопрядом невозможно.

Есть еще и паразитарный метод — заражение шелкопряда насекомыми-паразитами. Однако этот способ не разработан в той мере, чтобы на него можно было серьезно рассчитывать. Оставалось одно: найти микроорганизмы, которые бы помогли быстро и навсегда очистить леса от шелкопряда.

Сама идея использовать микробы против вредных насекомых не нова. Впервые она была сформулирована еще И. И. Мечниковым в 1879 году. Почему же микробиологический метод с вредителями растений не получил распространения? Очевидно, потому, что теоретически и практически он не был разработан. Но он перспективен и заслуживает самого серьезного внимания. Об этом говорит хотя бы успешная борьба таким методом с японским жуком в США и сосновым пилильщиком в Канаде.

«Какие микробы способны погубить сибирский шелкопряд?— размышлял Талалаев.— Для заражения гусениц необходим препарат, легко приготовляемый в заводских условиях. Значит, это должны быть микроорганизмы, хорошо размножающиеся в искусственной питательной среде. Таковы бактерии, вирусы и грибки. Большой убийственной силой обладает вирус, но для приготовления вирусного препарата требуется дорогостоящий живой белок. Свободно и быстро размножается грибок, однако он мало заразителен. Союзником человека в борьбе с шелкопрядом должны стать бактерии».

Но бактерий, известных и неизвестных, великое множество. На каких из них остановиться? В конце концов Евгений Васильевич решает: бациллы, то есть бактерии, способные образовывать споры,— вот кого призвать на помощь! Они выносливы, не гибнут от воздействия прямых солнечных лучей, низких температур и высыхания. Препарат, приготовленный из спор такой бациллы, и явится тем грозным средством, которое уничтожит шелкопряд, сбережет стране богатства сибирской тайги.

Теперь Талалаеву оставалось найти смертоносную бациллу. И когда Болдаруев вновь предложил ему заняться шелкопрядом, Евгений Васильевич, несмотря на отпуск, немедленно отправился в тайгу.

В районе поселка Большой Глубокой, в семидесяти километрах от Иркутска, в то время был очаг шелкопряда. Туда и направился Евгений Васильевич со своими помощниками. Задача на первый раз простая: собрать погибших гусениц — исходный материал для исследований.

Новое дело увлекло ученого. В тайге он задержался надолго. Изучая причины гибели шелкопряда, Талалаев обнаружил признаки десяти различных бактериальных заболеваний. Какое же из них самое сильное?

Чтобы определить это, потребовалась не одна сотня опытов. Евгений Васильевич высушивал трупы гусениц, превращал их в порошок. Строго определенное количество праха растворял в стерильной воде. Таким препаратом он опрыскивал ветки кедра и помещал их вместе с живыми здоровыми гусеницами в стеклянные банки.

Искусственно вызванное заболевание гусениц, находившихся в четвертой банке, оказалось самым губительным. Талалаев назвал его «заболевание номер четыре» и стал детально исследовать в своей походной лаборатории. И вот победа! Он открыл новую, неизвестную ранее биологической науке бациллу — возбудителя «заболевания номер четыре». Впоследствии ее стали называть «бациллюс дендролимус» или просто «палочка Талалаева».

Открытая Евгением Васильевичем спороносная бацилла вызывает у гусениц шелкопряда гнилокровие. Заразившись, они погибают в каких-нибудь два-четыре дня. Это хорошо. Но не слишком ли смертоносным будет препарат, не слишком ли поспешно он будет убивать гусениц, не дав им возможности заразить сотни себе подобных тварей? Ведь главное назначение препарата вызвать эпизоотию — массовое заболевание шелкопряда. Для ответа на этот вопрос требовались опыты и опыты, проверка в лабораторных и естественных условиях.

И еще: не опасна ли бацилла для животных и для человека? Впервые установить это помог случай.

Проводя лабораторные опыты, Евгений Васильевич опрыскивал ветки кедра губным пульверизатором. При этом часть жидкого препарата бесполезно рассеивалась в воздухе. «Слишком расточительно»,— подумал Талалаев и поставил веточку в стеклянную банку. Но когда он дунул в пульверизатор, струя жидкости, отразившись от стенок банки, ударила ему в лицо. Евгений Васильевич кинулся было к умывальнику, но тут же остановился: поздно — бактерии, конечно, попали в организм. От новой бациллы не было еще средств защиты.

В томительном ожидании прошли две, три недели. Никаких признаков болезни не появилось. Однако «случайный опыт» Талалаев счел недостаточным. Однажды, идя на риск,— это он сказал по секрету,— Евгений Васильевич взял и проглотил чайную ложку своего препарата. К счастью, и на этот раз обошлось благополучно. Биологическая закономерность, по которой смертельное для насекомых заболевание не опасно для человека и животных, подтвердилась еще раз.

3

На поиски и изучение бациллы ушло три года. Теперь надо было определить условия, способствующие возникновению и распространению эпизоотии шелкопряда. Творческий подход к проблеме, изучение ее с позиций передовой мичуринской науки помогли Талалаеву сказать новое слово. Взявшись за дело со всей страстью и неутомимостью ученого-коммуниста, он показал, что причиной неудач ряда исследователей была недооценка факторов внешней среды и физиологического состояния

самого вредного насекомого в развитии искусственно вызываемой эпизоотии. Мало иметь оружие, нужно еще знать, когда и как им пользоваться.

Поиски нового всегда связаны с успехами и с неудачами, огорчениями. Были они и у Талалаева.

В 1954 году Евгений Васильевич в содружестве с работниками лесного хозяйства впервые перенес свои опыты из лаборатории в Быстринский очаг. Новым препаратом обработали большой участок леса. Наблюдение, однако, показало, что гибели гусениц не произошло. «Заболевание номер четыре» в естественных условиях тайги словно изменило само себе.

Неудача! И снова упорные поиски. Кажущаяся неудача впоследствии дала ключ к важному открытию.

Летом 1955 года в Читу, опорный пункт Института лесного хозяйства, было отправлено для исследовательских работ несколько тысяч гусениц шелкопряда, которых собрали в том самом Быстринском очаге, где Евгений Васильевич год назад проводил опыление. И вот радость: из Читы сообщили, что все до одной гусеницы погибли.

— Действует препарат!— воскликнул Евгений Васильевич, получив это известие. Ему стало ясно, что «бациллюс дендролимус» вызывает эпизоотию шелкопряда лишь при определенных условиях.

Дело в том, что полный цикл развития шелкопряда чаще всего занимает два года. Причем различают «летный» год, когда бабочки откладывают свои яички, из которых потом проклевываются маленькие гусеницы. Подрастая, они засыпают на зиму в моховой подстилке. Второй год —«межлетный», самый страшный для леса. Весной голодные гусеницы поднимаются с земли на кроны деревьев и нещадно пожирают хвою. Затем они опять уходят на зимовку, а на следующий год снова появляются бабочки — разносчицы заразы.

Сообразуясь с этими биологическими особенностями шелкопряда и опираясь на результаты своих опытов, Талалаев сделал очень важные выводы, явившиеся основой его бактериологического метода.

В университетской лаборатории Талалаева была получена не только чистая культура бациллы, но и разработана технология изготовления препарата, названного дендробациллином. Выпуск его освоил Московский завод бактериальных препаратов. В одном грамме дендробациллина, наполнителем которого служит каолин, содержится 520 миллиардов спор шелкопрядной бациллы. А для гусеницы достаточно одной споры, чтобы обречь себя на верную гибель.

Как вызвать эпизоотию шелкопряда? Евгений Васильевич подчеркивает, что следует различать первичное заражение гусениц от вторичного. Первичное достигается распылением с самолета дендробациллина, а вторичное заражение происходит при миграции гусениц от больных к здоровым.

Очень важно соблюсти сроки, выбрать момент для нанесения решающего удара по шелкопряду. Первичное заражение необходимо производить в «межлетный» год, тогда эпизоотия произойдет в очередной «летный» год, в период окукления, являющийся критическим в развитии шелкопряда. Благодаря коконам с трупами гусениц создаются предпосылки закрепления заразы на кронах деревьев. Заражение гусениц в «межлетный» год приводит к массовому образованию так называемых здоровых бациллоносителей. Миграция гусениц способствует распространению заразы на местности.

Вопрос о миграции оказался настолько важным, что потребовал целую серию опытов. Евгений Васильевич выбирал не затронутые шелкопрядом участки леса, обрабатывал их сухим препаратом и выпускал сюда гусениц. Как-то на опытную делянку он привез в больших фанерных ящиках сто тысяч гусениц. Из ящиков доносилось такое грозное шипение, что казалось: вот-вот они разразятся страшным взрывом.

— Открывайте!— кивнул Талалаев своему проводнику. Тот приблизился к ящику, прислушался и... отказался.

— Нет, не могу!

— Не из смелого вы десятка,— шутливо проговорил Евгений Васильевич и, взяв топор, вскрыл ящик. Черно-бурая шипящая масса гусениц валом хлынула через край и стала расползаться по местности. Противные твари облепили высокую плотную фигуру Талалаева, набивались в карманы, заползали за ворот.

Опытами установлено, что гусеницы шелкопряда обычно мигрируют на расстоянии 350—450 метров. «Ну и прекрасно,— отмечал Талалаев. — Отсюда ценный практический вывод: можно не производить сплошного опыления «больного» леса. Достаточно рассеивать препарат полосами в 50 метров с интервалами между ними до 500 метров в зависимости от травяного покрова. Остальное сделают сами гусеницы: мигрируя, они создадут «цепную реакцию» заражения».

Так бактериологический метод борьбы с сибирским шелкопрядом был доведен до широких производственных испытаний.

4

...Лазоревая «волга» быстро неслась по таежному шоссе. За рулем Евгений Васильевич. Кроме него, в машине еще трое: инженер-лесопатолог Ирина Сидоровна Молодцова, лесничий Алексей Александрович Ерышев и летнаб лесной авиации Александр Васильевич Савельев. Их сдружило новое большое дело. Перебрасываясь редкими фразами, они думают о том, как лучше провести первое производственное испытание, дать первый бой сибирскому шелкопряду.

В приподнятые стекла автомобиля влетал ласковый летний ветерок. Освежающее дыхание тайги придавало бодрость, создавало хорошее настроение.

Позади осталась Усть-Орда — центр бурятского национального округа. Когда проезжали Манзурку, где в прежнее время находился в ссылке революционер-большевик М. В. Фрунзе, Евгений Васильевич, вероятно, по ассоциации вспомнил о своем отце. Василий Тимофеевич Талалаев, студент Петербургского университета, в конце прошлого века был сослан в с. Чечуйское, Иркутской губернии, как один из активных членов ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Здесь он женился на крестьянской девушке. Потом семья перебралась в Киренск, где в 1902 году и родился Евгений Васильевич. Следующим этапом жизни Талалаевых стал Иркутск. В предреволюционные годы отец Евгения Васильевича занимался журналистикой, редактируя газету в Иркутске, выступая со статьями в столичной прессе.

Коренной сибиряк, Евгений Васильевич хорошо знает родной край. В молодости он был заядлым охотником. С ружьем, а в последнее время и с походной лабораторией исследователя он провел в тайге многие дни и месяцы. И тайга закалила и как бы в благодарность за любовь к природе наполнила его своими могучими силами.

...С тракта машина свернула на проселок. И — началось! «Волга» никак не хотела мириться с раскисшей после дождя лесной дорогой, буксовала на подъемах, застревала в низинах. Не раз пришлось вытаскивать ее общими силами. Глава экспедиции и хозяин машины Евгений Васильевич ловко орудовал топором и лопатой, подкладывал жерди под буксующие колеса «волги», вместе с другими подпирал ее своим плечом, помогая ей выбраться из зыбкой трясины.

Костюм Талалаева был забрызган грязью. раскрасневшееся лицо покрылось капельками пота и как-то особенно резко подчеркивало его седеющую шевелюру. Энергии и бодрости этого уже немолодого человека можно было позавидовать. В тайге Евгений Васильевич чувствует себя также свободно и уверенно, как и в шумной студенческой аудитории, как и в тиши своего рабочего кабинета.

В лагерь близ улуса Байши, где жили лесники, добрались в четвертом часу утра. Через час сюда из Иркутска должен был прилететь самолет, чтобы начать опыление лесного массива.

— Хлопцы, давайте быстрее расставлять сигнальные флаги!— торопил Талалаев. Увлеченные его примером, люди, позабыв об усталости и бессонной ночи, быстро закончили подготовку.

Ровно в пять над лесом показался самолет АН-2. Ориентируясь по флагам, он опылял размеченный участок. Легкое белое облако медленно оседало на кронах деревьев.

Евгений Васильевич не спускал глаз с самолета. Когда летчик, окончив дело и ложась на обратный курс, приветливо помахал крыльями машины, Талалаев, довольный свершившимся, сказал своим спутникам:

— Начало положено. Теперь будем ждать результата.

Результат получился обнадеживающий. Это первое испытание бактериологического метода проведено в июле 1959 «межлетного» года. Гибели гусениц почти не наблюдалось, но бациллоносительство среди них зафиксировано в крупных размерах. Эпизоотия шелкопряда, как и предполагал Талалаев, произошла в следующем, 1960 году во время окукления. На опыленной дендробациллином площади в 240 гектаров погибло до 85 процентов гусениц.

Производственные испытания подтвердили выводы предыдущих опытов. Теперь Евгений Васильевич смог передать работникам лесного хозяйства практические рекомендации по применению бактериологического метода.

Десять лет настойчивых поисков увенчались успехом. Е. В. Талалаев дал в руки лесоводам не только оружие, но и метод борьбы с сибирским шелкопрядом.

К ученому-сибиряку пришла известность. О результатах своих исследований Талалаев докладывал на конференции по развитию производительных сил Восточной Сибири, на пленуме Всесоюзной сельскохозяйственной академии, на совещаниях ученых и работников

лесного хозяйства. С большим интересом слушали сообщение ученого из Иркутска участники Международной конференции биологов в Праге. Специальное научное совещание по шелкопряду, проведенное в Новосибирске, рекомендовало метод Талалаева для применения на территории всей Сибири.

* *
*

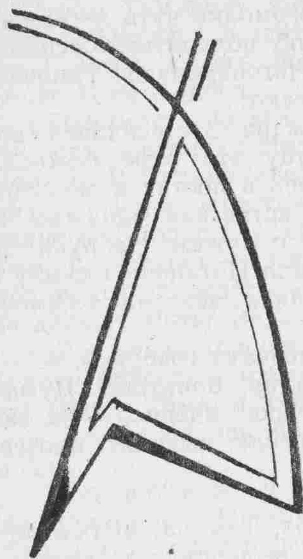
Талалаева-ученого можно с полным правом назвать большим искренним другом леса.

— Тот день, когда сибирская тайга избавится от шелкопряда,— говорит он,— будет самым счастливым в моей жизни.

Евгений Васильевич полон новых творческих планов. Сейчас в его лаборатории ведутся исследования средств борьбы с шишковой огневкой и лиственничной мухой. Эти вредители уничтожают семена лиственницы и кедра, сокращая естественное возобновление ценнейших древесных пород.

— Найдем и на них управу!— улыбается Евгений Васильевич.

Михаил Давыдов

Душа человеческая

Очерк

I

Если бы меня спросили, за что бригадиру маляров Ольге Яковлевне Потаповой присвоили высокое звание Героя Социалистического Труда, я бы ответил:

— За высокое мастерство педагога.

Чтобы быть учителем математики, надо знать математику. Обучать профессии маляра может лишь тот, кто сам превосходный маляр. А для того,чтобы учить жить, надо быть человеком. Человеком с большой буквы. Ольга Потапова — Человек с большой буквы. Сама жизнь сделала ее педагогом, воспитателем, матерью тех, кому довелось с нею встретиться и работать вместе.

И, может, горячая любовь к людям появилась у нее в ту памятную ночь, о которой она рассказала мне в самом конце нашей беседы.

— Жили мы тогда в Бодайбо,— говорила Потапова.— Муж бухгалтером в райзо работал, я заведовала Домом колхозника. Собрался как-то наш конюх в лес по жерди. И выпросился с ним младший сын Толик. Совсем еще ребенком был...

* *
*

— Ну, стало быть, приехали.— Толик и не заметил, как они въехали в лес.— Стало быть, прыгай, соскакивай. Смотри, благодать какая,— говорит мальчику конюх.

Толик прыгает с телеги и словно зачарованный смотрит вокруг. Ух ты, и впрямь благодать! Как все сразу ожило после зимы. Снега будто и не бывало. Зеленеют полянки. Текут ручейки, звенят на камешках. Толик любит лес. У них в семье все любят лес. Особенно мама. Здесь она становится совсем как девочка: прячется за деревьями, аукает. Тогда Борис и Толик долго ее ищут. А если папа с ними, то и он ищет. Когда мама видит, что им не найти ее, она поет. Хорошо поет мама, особенно по-украински...

— Ты, стало быть, здесь, у костра, грейся, а я пойду жерди рубить.— И ушел.

Потом он то и дело возвращался к телеге, приносил жерди, подкладывал сена Буланке и уходил опять.

Так продолжалось долго, и Толику надоело играть у костра. Он побежал на стук топора.

— Экой ты, стало быть, непоседа,— заворчал старый конюх, увидев Толю.— Вертайся к костру. Домой будем собираться. Смотри, как далеко ушел. Заблудишься еще, костра не найдешь.

Толя не нашел костра. А самого его искали потом всю ночь.

...Изменчива весной погода на севере: днем ярко светит солнце, а к вечеру, глядишь, повалит снег. Так случилось и тогда. Небо вдруг обложили тяжелые тучи и посыпался на землю мокрыми хлопьями снег. В такую погоду

не только ребенку, взрослому заблудиться немудрено.

Изменчива весной погода на севере.

Но тверд и нерушим закон: не бросай товарища в беде. Если знают, что блудит по тайге человек, все выходят на поиски.

Падал мокрыми хлопьями снег. В такую пору хорошо в тепле. Но люди не нарушили закона севера: вышли на поиски. Кто первый сказал им, что у Потаповых беда? Кто первый вышел из жарко натопленного дома в эту белесую мглу, где за три шага человека не видно? Какая разница — кто. Люди вышли на поиски. Шла вместе с ними и мать. Когда кончился снег и на чистом небе заблестела луна, спускаясь с гольца к ручью, Потапова заметила свежие следы медведя. Случается, такой и зимой шатается по тайге. Ей уже доводилось встречаться с ним. И тогда она перепугалась насмерть. А теперь вот вновь идет по медвежьему следу и за себя ей не страшно — страшно за сына. Было у нее четверо детей. Двое умерли. Остались Борис да Толя. Разве легко матери, когда умирают дети?

Идет она по следу медведя. И нет страха. Есть решимость:

— Если в лапах медведя найду — из лап вырву!

Все обошлось благополучно. Толика нашли под утро живого и невредимого.

* *
*

Морщины появляются тогда, когда появляются заботы.

Семья приносит заботы, приносит и морщины: случай с Толиком отметился на лбу. Теперь у Потаповой новые заботы — новые морщины. Недаром зовут ее в Ангарске матерью бригады. Мать в семье. Мать в бригаде. Легко ли?

— И вот, знаете, после того, как с Толиком это случилось, самым главным в жизни считаю дружбу человеческую. Быть другом человеку в беде — вот что надо. Что бы мы тогда без людей? Люди поддержали. Люди помогли. За судьбу человека все люди в ответе. Трудно это — за человека отвечать.

2

Вышла замуж Тамара. За хорошего парня, моряка. Работящий. Скромный. Ребенок у них родился. Жить бы да радоваться.

Но случилась беда: скончалась Тамарина мать. Осталась молодая женщина в четырех стенах одна с часто болевшим ребенком. Муж на работе. Подруги заходят редко — далеко от стройки Тамара живет. Забегут стайкой, расскажут о делах, только душу разбередят. Бригадир приходит еще реже: некогда, дела. А бабки-богомолки чуть не каждый час. Придут «ребеночку поладить», о «святом» каком рассказать. Наговаривают. Нашептывают. Тем светом пугают...

И приумолкла Тамара. Застеснялась своей веселости,— не к лицу это рабе божьей,— начала коротать жизнь в постах и молитвах.

Ольга Яковлевна встретила однажды Тамару на улице. Идет с мужем. На руках ребенка держит. Заметила Потапова тесемку на Тамариной шее. Поняла все: на тесемочке крестик.

«Значит, правду девчата говорили. А я-то не верила. Эх, бригадир, бригадир! Думала по гладенькой дорожке идешь, а на ней, глянь, ухабы. Проморгала, выходит, прозевала человека...»

И вслух:

— Это что у тебя, Тамара, медальон?— И, словно невзначай, выдернула тесемочку с крестиком.— Тома!

Щеки молодой женщины пылали. Еще сильнее прижала она к себе ребенка и, казалось, готова была сквозь землю провалиться. Хмуро глядел Никита, Тамарин муж. Да и Потаповой было не по себе.

— Не осудите, Ольга Яковлевна. Не говорила я раньше, что в бога верю. Или такую в бригаду теперь не возьмете?

— Причем тут «не возьмете», Тома? Кончится отпуск, и приходи. Только не замечали мы раньше насчет бога, никогда ты в него не верила. Кто это тебя надоумил?

— Верила я, верила. В приметы, например. Никто меня не наставлял, сама я.

И разговорились две женщины. Одна, умудренная опытом жизни, другая — совсем юная и мягкая как воск: бери и лепи. Превосходно поняла Потапова, что чуткое, на ласку отзывчивое сердце Тамары без труда покорили те, кто захотел это сделать. Приди бы она вовремя, распознай горести молодой подруги — и не случилось бы этой беды. А теперь выручать надо. «Выручим, девонька, вырвем мы тебя из этого омута!»

— Ну, мне пора.— Потапова распрощалась с Тамарой и ее мужем.— Заходите, Никита, ведь рядом работаем.

— Я зайду, Непременно зайду,— встрепенулся Никита.

И пришел.

Ой, как встретили его девчата!

— А-а, морячок пожаловал. Давно ждали. Ну, рассказывай, как жену в монастырь сдал?

— Да что вы, девушки!.. Да разве я... — Никита тяжело переживал свалившееся на не-

то горе. И хотя знал, что так век продолжаться не будет, но ничего путевого придумать не мог, чтобы Тамарину хмарь разогнать. Приглашение Потаповой зайти в бригаду обрадовало Никиту. «Здесь помогут»,— твердо решил он. И не ошибся.

— Понимаете, Ольга Яковлевна, горе какое,— откровенничал Никита.— Не знаю, что и делать. В Тельму съездила. Ребенка там втайне от меня окрестила. Дома постничает. Молчит все больше. Требует, чтобы я радиоприемник продал — грех, мол. Начинаю ее уговаривать, убеждать — плачет. Что делать? Как дальше жить? Ведь люблю я ее...

— Это очень хорошо, что любите. Значит, в беде не бросите,— откликнулась Потапова.— Беда ведь у Тамары. Беда.

— Да что вы, как же я брошу? Жену с ребенком.

— Так вот я же и говорю. А мы что-нибудь придумаем, Никита. Надо вас поближе к бригаде, в город перевести. С этого и начнем, пожалуй,— и улыбнулась своей мягкой улыбкой, улыбкой доброй матери, от которой всегда на душе светло становится.— Выше голову, Никита!... морячок...

Хлопотали долго, но все же выхлопотали для них квартиру в городе. Сына устроили в ясли. Тамара вернулась из отпуска. А бригада повела наступление широким фронтом, развернула настоящий бой за человека в беде. Ольга Яковлевна написала в городскую газету статью «Ты заблуждаешься, Тамара». Комсомольцам посоветовала:

— Вы ее к песне верните. С песней вся эта хворь пройдет.

— Споем, Тамара,— предложила как-то комсорг Валя Губрий.

— Нельзя мне, Валя. По вере моей... Понимаешь?

— Не понимаю. Может вы, девчата, понимаете? Вот ты, Галя, например?

— Я понимаю только то, что никакого бога нет. Ну какой бог, Тамара, какой? Ты видела его? Тебе его показывали? Читала, небось, наша ракета луну облетела, фотографию на землю послала. Летела по всей вселенной, а никакого бога не повстречала. Где живет-то он? Тебе-то сказывали?

— Не говори так, не говори, Галя. Есть бог.

И казалось девчатам, что на Тамару их разговоры не действуют. Не хочет она понять простые рассказы ученых о религии, которые они читали ей. Не хочет понять правду об иеговистах, которую они рассказывали ей...

День проходил за днем. Тамара по-прежнему «болела». Вот и сейчас, после обеда, сидит она молча среди своих подруг. Да и подруги разговаривают неохотно. Вчера прочитали в газете статью о судебном процессе над иеговистами. Пошатнулась у Тамары вера в них. Сильно пошатнулась. Ишь ты, святые: живут по поддельным паспортам, прячутся в подпольях, антисоветские листовки печатают. Нет, кажется, не по пути с ними Тамаре. У нее отец в Великую Отечественную погиб... Неужто заблудилась? Зачем-то сына окрестила. Вырастет, смеяться над ним его дружки станут: крещеный и имя такое несовременное — Серафим. Грустно Тамаре. Молчит.

Кто это запел? Бригадира Ольги Потаповой голос. Его ни с каким не спутаешь: душевный, ласковый. За живое берет. А песня ее, Тамарина, любимая.

Тайга заглянула в окошко...

Девчата подпевают. Хорошо так, будто плывешь, на тихих волнах качаешься. Плывешь... Плывешь...

И Тамара запела тихонечко. Услышала свой голос, встрепенулась, поглядела кругом: не смеются ли подружки над ней, не перестали бы петь? Нет, не смеются. Нет, не перестают петь. Галя положила свою руку на Тамарино плечо. Валя обняла их обеих.

В тайге, у Байкала, гармошка...

В глазах у Вали Губрий нетрудно прочитать: «Девочки, пойте, пойте, не спугните Тамару». Глаза Гали говорили: «Наша берет!» А Ольга Яковлевна нет-нет, да и вздохнет. Это вздох облегчения: «Вернулась Тома в строй»...

Эх, песня, песня! Кому не способна ты душу разбередить?! Так-то хорошо стало в бригаде. Тепло так. Покойно. И если из чьих-нибудь глаз катились в этот миг слезы,— это были хорошие слезы, нужные сейчас. Плакала и Потапова. Так плачут матери, когда после тяжелой болезни выздоравливает ребенок. Они готовы зацеловать его. Они уже позабыли бессонные ночи, проведенные у постели больного, позабыли все пережитые муки. Есть о чем вспоминать, ведь ребенку теперь ничто не угрожает, он будет жить!

* *
*

— Вот так и отстояли мы нашу Тамару, вызволили из беды,— закончила Потапова свой рассказ.— Впрочем, не ее одну. С Ниной история, пожалуй, еще почище.

3

Нину в бригаде перестали узнавать: разнаряженная, расфуфыренная.

— С чего бы она, Ольга Яковлевна?

— А я знаю?

В бригаде одевались красиво, со вкусом и всегда скромно. А тут вдруг такой кричащий наряд. Ярко-пунцовые губки. Ярко-красный маникюр.

— С чего бы?

— Поживем, узнаем.

У Нины изменилась походка. И голос. И взгляд. В бригаде видели все это. И наблюдали. Наблюдали молча. Потому что знали: рано или поздно Нина сама все расскажет.

И она рассказала:

— Уйти из бригады хочу. В артистки. У меня в театре сестра работает. Ну, не то, чтобы уже артисткой — статистом пока. Так вот и я... У меня... талант.

— О-о-ох!— прокатилось в бригаде.

Каждого человека в своей бригаде Потапова знает не только по имени и фамилии. Она знает, кто и как дома живет, чем занимается, в чем нуждается, к чему склонности имеет, какие у кого мечты. Полюбит иная девчина — Ольга Яковлевна и про это знает, как матери, ей об этом рассказывают. Замуж кто соберется — к бригадиру за советом. Горе случится — к бригадиру за утешением. И Нина ведь не раз Потаповой свое самое заветное доверяла. Так же вот, как и теперь.

— А что, разве актрисы должны этакие вот, как ты, наряды носить? Не встречала, не встречала. И походка у них, как у всех, и голос, и взгляд... Нет, Нина, как я понимаю, артистка из тебя не получится. Не подумала ты...

— А вам какое дело? Суетесь во все дыры. Терпеть вас...

Другая бы отступилась. Но не такова Потапова, она за человека в ответе, за каждого. И вот теперь чем больше наблюдает она за Ниной, тем яснее ей — артистки не получится.

— Что же будем делать, девочки?

— Открыть ей глаза надо, Ольга Яковлевлевна.

— А как?

— На собрании.

Собрание было бурным и длилось долго. Высказывались все. А когда расходились, знали:

— Все будет хорошо.

— Хорошо будет, Нина!

— Я понимаю. Нехорошо только, что я Ольгу Яковлевну так обидела. Извиниться надо.

— Это уж непременно.— Подруги обнялись, запели и пошли в город.

Возвратилась домой и Ольга Яковлевна. Радостная, веселая: ведь победили они, не дали человеку заблудиться. Пришла домой, не успела переступить порог, а Толя уж тут как тут:

— Мам, давай бороться!

Это уже не прежний бодайбинский парнишка. Это — стройный семнадцатилетний юноша, заводила среди ребят — молодых монтажников на работе и десятиклассников в вечерней школе. Любит Толик свою профессию, — «не кочегары мы, не плотники», — а еще больше свою маму.

— Ну, мам, давай, давай...

— Да отцепись ты. Сказывся, чи шо? Я сегодня уже боролась,— весело смеется Ольга Яковлевна и рассказывает все, что произошло с Ниной.

— Ну, давайте ужинать.

...И наступил для Потаповых обычный вечер.

После ужина сражались в шахматы. Раньше, когда дома жил Борис, играли на двух досках. Теперь у Бориса своя семья. Живет в Москве, учится в военной академии. Теперь Потаповы играют «на мусор» — кто победит. И звание чемпиона попеременно переходит то к одному, то к другому члену семьи.

Не умеют скучать Потаповы. Не шахматы — так радио. Не радио — так книги. Да и гости часто не к жене, так к мужу. К Михаилу Михайловичу родные приезжают из Кимильтея, Иркутска, Москвы. Родственники Ольги Яковлевны живут на Украине. И никак не удается встретиться: ни им к ней в гости заглянуть, ни ей в родные места наведаться. А тянет туда, в Шепетовку, в деревушку свою, Полянь, на берег речки Горини, чем-то напоминающей Китой.

* *
*

Утро бригаду Потаповой застало на рабочих местах. Как всегда, спокойно и уверенно Ольга Яковлевна делала раскомандировку.

— А ты, Нина, начинай в новой квартире.

Нина оглядела подруг: «извиниться»? Те молча показали на ведро и кисть. Забрала Нина свои инструменты.

— Поняла я все, Ольга Яковлевна.

— Ну вот и хорошо,— чуть заметно вздохнула Потапова и чуть заметно кивнула головой.

Расходятся девчата по рабочим местам. Провожает каждую Потапова. О каждой думает: своя у нее судьба, своя дорога в жизнь. Вот Валя Викторова. О ней говорят: «Мал золотник, да дорог». Шестой год в бригаде. С виду такая хрупкая, а на работе — огонь. Приехала из Мордовии или из Чувашии — Ольга Яковлевна всегда это путает. Застенчивая

была, робкая. Ласковые руки матери приголубили, окрылили. И какая теперь работница! Хоть сегодня бригадиром ставь. Да оно, скорее всего, так и случится. Начальство из управления все норовит кого-нибудь из бригады цапнуть. А в общем, иначе и не может быть: недаром зовут бригаду Потаповой кузницей бригадиров. И Потаповой приятно это. Как приятно матери, когда дочь, вырастая, становится хорошей помощницей в семье, так и ей, бригадиру, матери больше чем пятидесяти дочерей, по-настоящему радостно, когда каждая из них вырастает в настоящего мастера. Иной раз следит она за работой какой-нибудь из своих подруг и замечает про себя:

— Выравнялась. Смотри, как орудует. Придет время, и других учить станет, как те наши...

«Те наши» — это Надя Резчик, Нина Дубовиченко, Елена Чайка, Галина Шевченко. По совету Потаповой они, как в свое время Гаганова, пошли бригадирами в отстающие бригады. Трудно было — приходили к Потаповой. Так приходят дети к матери, когда им больно. А та порой одним лишь словом умеет успокоить боль.

— Ничего, девоньки, осилите.

И осилили. Бригадам Резчик и Дубовиченко присвоили звание коммунистических.

...Расходятся девчата по рабочим местам. Провожает каждую Потапова. О каждой думает: своя у нее судьба, своя дорога в жизнь.

4

Ольгу Яковлевну пригласили в Москву на праздник пятидесятилетия Международного женского дня. Перед отъездом в парткоме напутствовали:

— Во Внуково вас должны встретить. Но мало ли какой случай — не встретят. Так вы садитесь в автобус и до площади Революции, а там до гостиницы рукой подать.

Ольга Яковлевна благодарила за совет, просила не беспокоиться. Ей было приятно, что люди вот так, от чистого сердца, заботятся о ней. Ей было очень приятно и само приглашение в Москву на женский праздник. Не верилось даже, что поедет туда.

Но вот она в самолете. Удобно устроилась в кресле и размечталась. Хорошо в самолете. Думается легко, мысли текут плавно. Ольга Яковлевна прищурила глаза, потом совсем закрыла. Нет, она не уснула. Нет. Она просто притворилась спящей. Так удобнее: никто не отвлекает от собственных дум. А ей надо о многом подумать, на многие вопросы ответить. За что, например, такая честь ей, чем она такого почета заслужила? И еще одно: о чем рассказывать, если в Москве выступать попросят?

Рассказать о делах, о бригаде, о себе? О том, что они уже на четыре месяца обогнали семилетку, что думают превратить свою бригаду из только малярной в комплексную, чтобы и самим штукатурить, самим полностью вести отделку квартир. Это очень выгодно: поднимется производительность, дешевле себестоимость будет... Нет, что же об этом рассказывать. Неинтересно. И о себе неинтересно. Ведь таких, как она, — тысячи, если не миллионы. Родилась в бедной семье, семь душ ребятишек, одна мать-кормилица, отец калекой вернулся с гражданской войны и прожил недолго. А у нее, у Ольги, вся жизнь в труде. Еще девчонкой в сельсовете и в школе прибиралась за восемь рублей в месяц. Потом вместе с матерью к брату в Сибирь приехала. Погостить. Да так и осталась. Клубом заведовала. Лесорубом была. Замуж вышла. Семьей обзавелась. В Ангарске с тех пор, когда начали там цементный строить. С тех пор и стала штукатуром... Нет, об этом она не будет рассказывать, неинтересно.

Разве вот о том, как бригадиром стала? Начальник участка давно предлагал ей принять соседнюю бригаду. А она отказывалась. Потому, что побаивалась: ответственное дело бригадой руководить. И еще потому, что не хотелось от своих подруг уходить. А тут вот забавный такой случай... Словом, был у них бригадиром тогда Николай Догойда. Славный такой парень, но малярное дело не любил: его все в милицию тянуло. Вот, говорит, работа, аж дух захватывает, все равно уйду. И ушел. Однажды утром явился на работу и сразу к Потаповой:

— Ольга Яковлевна, делайте раскомандировку, а я на сорок седьмой пойду.

В двух местах бригада работала.

На сорок седьмом сказал, что уходит к Потаповой. А сам в милицию подался, его уж там оформили.

В этот день комиссия дома принимала. Пришла на потаповский объект. Начальник управления спрашивает:

— Где бригадир?

— На сорок седьмом.

— Нет его там. Говорят, к вам пошел.

— ?

— Ну, знать, в милицию сбежал. Пусть идет, раз у него туда душа лежит. Кого же мы бригадиром назначим?

И решили: Потапову.

Ольга Яковлевна на отделке фасада работала. И об этом решении узнала лишь в обед, когда спустились с лесов. Рассердилась на начальника управления.

— Пусть бы уж лучше сразу министром назначал, раз такие права имеет.

Собралась в контору ругаться, от назначения отказываться. Подруги отговорили. Осталась. И потекли дни, полные забот и тревог... Впрочем, об этом тоже не стоит рассказывать. Не очень интересно.

Лучше рассказать о том, как звеньевых упразднили. Экономия большая получилась. Очень невыгодно было звеньями работать. На каждые пять-семь человек звеньевой, начальник, работает он мало, потому что некогда: все занят «руководством», а ему заработная плата идет, накладным расходом ложится. У них нет звеньев. Бригадир сам управляется. И расстановка сил фронту работ соответствует. Бывало, маленькое звено, а столпятся все звенья в одном подъезде — только мешают друг другу. А теперь два-три маляра на этаж. Во много раз быстрее дело идет. Не всегда, конечно, и от звеньев отказываться надо. Бывает и в них нужда. В комплексной бригаде, пожалуй, потребуются... Нет, не станет она и об этом рассказывать.

Решила рассказать, как в ее бригаду посылают отстающих учиться мастерству и воспитываться. Иной раз целую бригаду к ней вливают. Решила, но отдумала. И это показалось ей неинтересным. Ну, придет кто из управления, а может и сами Басурманов или Марьясин, поздороваются и предложат:

— Вы, Ольга Яковлевна, присмотрите пока за этой бригадой. Недельку там, две.

— Что такое «присмотрите»? — вскипает она.— У нас у самих дел что ли нет?

— Понимаем, Ольга Яковлевна. Да вот положение какое...

Ворчит бригадир, сердится. Грозит раскатать всех в пух и прах. Глядишь, мелькает неделя за неделей, а бригада, за которой присмотреть попросили, так и осталась у Потаповой. Но рассказывать об этом не стоит. Будни! Как это девчата говорят?— будни бригады коммунистического труда. Словом, обыкновенные дела. Такие, как и у всех советских людей, которых подняла к жизни великая партия Ленина. Ей, этой партии, и она, Потапова, всем обязана...

Ольге Яковлевне не пришлось держать речи в Москве, не потребовалось. А с московскими строителями беседовать довелось. Случилось это назавтра, после навек запомнившегося дня, когда Потапову пригласили в Кремль и объявили Указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда. Совершали они экскурсию на московские стройки. На одной из них окружили Потапову товарищи по профессии — маляры.

— Из Сибири? Очень интересно. Что там, в Сибири?

Рассказала.

— Очень интересно. А наш вот прораб, товарищ Яковлев, не очень о деле радеет. Вы бы, товарищ Потапова, поговорили бы, что ли...

Обещала. Рассказала потом в главке. Видать, досталось Яковлеву. Впрочем, об этом Потапова узнала значительно позже — летом, в июне, когда как член ЦК профсоюза приехала на пленум. Снова побывала на знакомой стройке.

— Э, да у вас порядок!

Навел этот порядок прораб Яковлев.

— Помогла, значит, критика,— засмеялась Потапова.

— Помогла, — засмеялись девчата на московской стройке.

Депутат Ангарского городского Совета, член бюро горкома партии, член женского совета, слушатель школы новаторов, Потапова все время на народе. И когда приходится ей критиковать кого-нибудь, вспоминает она случай с Яковлевым.

А недавно вспомнила она об этом при довольно интересных обстоятельствах.

...Где бы ни работала бригада, всюду рядом примостится их комната отдыха. Это что-то вроде вагончика трактористов. Встречаются такие на полевых станах: будочка небольшая, ее трактор перевозит с места на место. Зашла на днях Ольга Яковлевна в комнату отдыха минут за десять-пятнадцать до обеденного перерыва. Всегда в это время она здесь появлялась. Зашла и видит: вывесили очередной номер стенной газеты «Молодой маляр». Редактирует ее Рита Орлова, женщина настойчивая, принципиальная. «Молодец,— подумала Ольга Яковлевна, взглянув на газету, — все-таки выпустила, только вот маленькую почему-то». Начала читать. «Матушки, да никак меня критикуют?»

Рита в веселых тонах писала о том, что вот она пришла в обед в комнату отдыха и потянулись к ней сразу десятки рук, какие-то письма предлагают.

— Что это, девоньки?

— Заметка. Не видишь разве?

А вот и Ольга Яковлевна свой пакет вручает:

— Передовая. Давно обещала...

«Только мечты это мои, девоньки,— сокрушалась Рита,— светлые, желанные мечты. Ничего такого у нас не происходит. А жаль...»

— Так, бригадир, знай — не бог весть ты птица какая. Не задавайся. Помни своего московского знакомца.

5

— Ну вот и все. Весь и рассказ мой.

Так закончилась наша беседа. И теперь, возвращаясь домой, я восстанавливал в памяти все ее подробности. Скупо и лаконично говорила Потапова о себе, пространно и вдохновенно — о своих подругах, о тех, с кем работала и за судьбу которых считала себя в ответе.

Торопливо записывая рассказ Потаповой, я изредка поглядывал на нее. Сидела передо мной с виду ничем не примечательная женщина. Невысокого роста. В рабочей одежде. Русые волосы собраны под шерстяную шаль, заправленную за воротник телогрейки. Светлые, живые глаза, ровные, отсвечивающие перламутром зубы как-то молодили эту женщину. Только вот морщины. Следы больших забот.

«Мать большого семейства,— думал я о Потаповой.— Учитель... Волновалась вот, не могла ответить на вопрос, за что ей честь такая, за что в Москву пригласили, звезду Героя прикололи на грудь.

Славная моя Ольга Яковлевна,— хотелось сказать мне ей,— ведь это за все те дела, о которых вы собирались рассказать в Москве, да решили не говорить, признав их малозначительными, неинтересными, скучными, будничными. Так ведь нередко бывает: совершит человек доброе дело, а сам и не догадывается об этом. Люди-то заметили, воздают человеку должное за славные его дела. А сам он ничего не видит, не замечает. Скажи ему: ведь ты же герой, дорогой наш друг,— он удивится искренне, пожмет плечами и отойдет от тебя, продолжая свое, как ему кажется, обычное, ничем не примечательное дело.

Так вот и вы, Ольга Яковлевна. Руководите бригадой, по праву носящей имя коммунистической. Теперь ваша бригада комплексная, полностью ведущая отделку квартир. Воспитываете вы людей нового склада, светлых в делах своих. Сколотили дружный коллектив, научили работать не только его, но и на его опыте других. Добрая слава идет и о вас, и о вашей бригаде. А вы ничего не замечаете.

— Не о чем рассказывать. Ну что тут интересного? — искренне удивляетесь вы».

Вот что хотелось сказать мне ей. Сказать громко, чтобы все окрест слышали. Пожать руку. Поблагодарить. Но я не сказал ничего. Просто попрощался:

— До свидания!

И уехал.

Стыла над землей зимняя ночь. Плыла навстречу луна: спокойная, бесстрастная, холодная. Луна отражает свет солнца, но не дает тепла, не дает жизни. Не так ли и иные люди?— думал я.— Живут и отражают чужой свет. Холодно около таких людей. Не кипит рядом с ними жизнь. Настоящую жизнь согревает душа человеческая. Светлая, ясная душа — такая, как у Ольги Потаповой, простой и великой в своей простоте советской женщины.

Душа человеческая, простая душа! Так вот они, эти слова, которые я так мучительно искал тогда при нашем расставании. Найди я их вовремя, я бы сказал Потаповой все, о чем хотел сказать. Не нашел, и ругаю я себя за это. Ругаю за то, что не сказал ей спасибо, не отдал земной поклон за дела ее, за всю ее жизнь, которая сама по себе пример для других. Да и какими словами можно выразить благодарность человеку за то, что светит он своим неотраженным светом, за то, что согревает он теплом своей души? Какими словами? Никакими!

Анатолий Преловский

НА СИБИРСКИХ ПОЛЯХ

Северный хлеб

Его привезли из России
в году неизвестно каком,
на пашнях сибирских растили
и с местным роднили
зерном.

Его выжигали морозы,
и град его с грязью мешал,
немало с ним было мороки,
пока он
не возмужал.

Он вырос, окреп
и раскинул
колосья свои,
навсегда
леса от себя отодвинул
и сытно кормил города.

Но, требуя больше заботы,
от тех,
кто за плугом ходил,
совсем не гордился собою,
а людям
товарищем был.

Таким,
что не даст разлениться,
ловчить и угреться не даст,
пришел к нам
и стал он
частицей
и нашего края,
и нас.

Дождь

Внезапно
молния косая
сырую тучу рассекла.
Упала капля дождевая,
по стеблю в землю потекла,
и на две мелких
раскололась,
и потерялась на земле,
затем, чтоб выше двинуть
колос
навстречу утренней заре.

Зябь

Пашут зябь,
земля пылится,
трактор стонет на ходу,
и стекает пот по лицам
у рабочих,
как в страду.

Как в страду,
немеют плечи,
крепнут руки от труда.
Видно, в жизни человечьей
не кончается страда.
Не кончается забота
за судьбу и рост зерна,
и весенняя работа
в осень
перенесена.

И под плугом
грезит пашня
о весенних тех ростках,
что прочнее,
чем вчерашний
снег,
у пашни на висках.

Виктор Киселев

У БУРНЫХ РЕК

У бурных рек
Прямые русла.
Ни диабаз
И ни гранит
Реке не изломает курса,
Ее не выбьет из границ.

Она сама сломать готова
Хребет у каменной гряды
И вырвать из земной кладовой
Запасы редкостной руды.

Известно:
Капля долбит камень,
На это нужен долгий срок.
А реки крепкими руками
Стирают камни в порошок.

И ты,
Вступив в единоборство
С природой дикой,
Человек,
Пример упрямства и упорства
Бери с сибирских
бурных рек!

Юрий Федоров

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Один за всех, все за одного

Из заповедей бригад коммунистического труда

Глава первая

1

Он с усилием затянул последнюю гайку, включил мотор комбайна, прислушался к его ровному рокоту и, похлопав широкой замасленной ладонью по стальному корпусу, весело крикнул сменщику:

— Сдаю на полном ходу!

И, сгибаясь под нависшим креплением, почти бегом направился из лавы.

Потом Алексей стремительно зашагал по темному безлюдному штреку, где в полумгле сводов терялся слабый свет головного прожектора, и в такт своим шагам негромко повторял одни и те же слова:

— Успею? Надо успеть!

Наконец он не выдержал, побежал и вскочил в вагон пассажирского состава в самый последний момент. Здесь он долго с трудом переводил дыхание и ничего не отвечал на вопросы шахтеров, только улыбался.

Но лишь поезд остановился у подъема, Алексей снова зашагал, обгоняя других, а по ходку наклонного ствола поднялся саженными скачками, сразу одолевая по три-четыре ступеньки.

Не задержался он и в душевой. Стоя в облаках пара, быстро смыл со своего мускулистого тела потемневшую от угольной пыли мыльную пену, а напоследок окатился жгучей холодной водой.

Затем прохожие видели его на улице. Теплая куртка на нем была нараспашку, кепка едва покрывала макушку головы, и невысохшие после душа волосы на стылом ноябрьском ветру припудрило изморозью.

Но на душе Алексея Стрельникова было по-весеннему светло и радостно.

«Ледяной хиус дует навстречу, обжигая лицо,— ничего! Мороз кровь будоражит, а тепло, оно все равно наступит! Скользят, катятся ноги на ухабистой дороге — не беда! Заставим коммунальщиков проложить весной тротуар, заасфальтировать улицу! Не успел отдохнуть после смены, ноют уставшие мускулы — пройдет! Отдыхать ли сегодня, когда в клубе молодежный вечер, когда все ребята собрались туда, и Тоня... Тоня тоже там будет. Успеется еще отдохнуть! Как электровоз по главному штреку, мчится вперед стремительно жизнь, успевай садись на короткой стоянке, не то останешься в стороне, пролетит мимо! И пойдешь тогда пешком по темным штрекам в одиночку, в то время как твои товарищи уже выйдут из шахты навстречу солнцу, отдыху, радостям дня!»

2

Холодной фиолетовой сталью поблескивало вечереющее небо. На широком клубном крыльце Стрельникова встретили знакомые голоса.

— Опоздал, Алеша!

— Увели твою кралю танцевать!

— Не зевает товарищ Багров, новый начальник участка!

— Эх, ребятки! Недаром, видно, в песне поется:

А на прощанье она сказала,
Что не любила я тебя...

Лесовоз[1] Мишка Брижатый прикрикнул на товарищей:

— Чего скулите! Алексей сегодня после смены в лаве оставался, комбайн ремонтировал.

Острая обида кольнула Стрельникову сердце. «Вот уже второй раз встает ему на пути этот инженер. Что ему надо? Свет, что ли, клином сошелся на Тоне? Разве других девушек нет? Вон их сколько в конторе сидит, одна другой краше. Техники, инженеры! Одна Полина Васильевна, нормировщица, чего стоит! Вот бы и ухаживал инженер за ними, а то вот на тебе!.. Да еще полбеды было, когда Багров на другом участке горным мастером работал, а теперь его начальником к ним на участок перевели».

Как часто бывает в таких случаях, Алексей преувеличивал внимание окружающих к Тоне; ему казалось, что за ней ухаживали чуть ли не все его товарищи и, конечно, она уделяла многим из них самое благосклонное внимание.

Не отвечая задирам, Алексей прошел в клуб. В фойе слышались звуки баяна и шарканье ног танцующих. Дверь библиотеки была заперта. «Значит, правда...» И он окинул взглядом вальсирующих. У дальнего конца зала мелькнула знакомая каштановая головка. Он устало опустился на стул. Нервное, приподнятое настроение, владевшее им до этого момента, схлынуло. «Зачем только я пришел сюда?— мелькнула мысль.— Зачем бежал, торопился?» Погруженный в свои мрачные думы, он не заметил, как, окончив танец, подошла раскрасневшаяся, сияющая Тоня. Густые каштановые волосы рассыпались по плечам, большие карие глаза улыбались. Рядом с ней был ее партнер — высокий, худощавый, светловолосый, в новом отутюженном коверкотовом костюме, с модным ярко-красным галстуком.

— А, это ты! — весело сказала Тоня. — Я думала, что уже не придешь.

— Вижу...

— Ну, не сердись... Вот лучше познакомьтесь. Багров Константин Павлович, Алексей Стрельников.

— Мы знакомы...

— Ты, кажется, сегодня не в духе?.. Константин Павлович, в таком случае повторим еще.

И под звуки заигравшего баяна она снова закружилась и унеслась в танце.

«Что же это?»— недоуменно подумал Алексей, глядя ей вслед. Насупившись, он подождал еще несколько минут, пока ему не стало казаться, что окружающие начинают посмеиваться над ним.

«Отшила!» — зло мелькнуло в голове. И, не дождавшись конца танца, не отвечая на приветствия знакомых ребят, он поспешил к выходу.

3

Алексей с детства полюбил книги. Мальчишкой он зачитывался приключенческой литературой, и часто учителя застигали его в тот момент, когда он, не слушая урока, склонялся над спрятанной книжкой. Потом, работая учеником слесаря в шахтных мастерских, он даже в цех носил с собою книги и нередко в перерыв увлеченно читал занятные отрывки присевшим около него ремонтникам. В горнопромышленной школе он писал для библиотеки объявления, рисовал плакаты, лишь бы

---
[1] **Лесовоз** — горнорабочий, доставляющий в шахту для крепления лес.

получить интересную книгу. А начав работать на шахте, после самой трудной смены всегда находил время заглянуть в библиотеку.

Когда седенькую сморщенную библиотекаршу, ушедшую на пенсию, сменила стройная ясноглазая девушка, Стрельников сразу же отметил для себя этот факт как положительный.

Старая библиотекарша была порядком сварлива и никогда не выдавала более двух книг на руки, даже таким активным читателям, как он. А новая, после того как Алексей за три дня проглотил «Молодую гвардию», предоставила ему возможность самому порыться на книжных полках. А что может быть приятнее такого занятия для книголюба? Особенно, когда поблизости молоденькая библиотекарша, у которой крутые черные брови и внимательные теплые карие глаза.

В тот день он так увлекся, просматривая книги, что совсем не заметил, как пролетело время. Лишь необычная тишина заставила его оторваться от книжных полок. В книгохранилище, заставленном рядами высоких стеллажей, скапливалась темнота. Отрывистые девичьи шаги раздавались в читальном зале. Шуршали собираемые библиотекаршей газеты и журналы. Он хотел было слезть с лестницы, на которой стоял, но сердце ожидало чего-то, и он раздумал. Слышно было, как булькала вода, видимо, девушка поливала из графина цветы. Потом дверь книгохранилища раскрылась и тотчас же захлопнулась. Щелкнул в замке ключ. Свет погас.

«Да она закрыла меня и сейчас уйдет!»— испугался Алексей и стремглав слетел с лестницы.

Услышав грохот, девушка кинулась в книгохранилище. Здесь они и столкнулись в узком тесном проходе, так что он на мгновение ощутил на своем лице ее горячее дыхание.

— Что я наделала! Я совсем забыла про вас!

— Ничего!— утешал ее Алексей.— Я бы и здесь ночевал... Да только утром на смену надо.

Она тогда позволила ему проводить себя до дома. Так начались их встречи. А когда пришла любовь, Алексей и сам не заметил.

Все парни, друзья Алексея, гуляли с девушками, и он, Алексей, тоже одно время начал было похаживать с участковой мотористкой, крепкогрудой, черноглазой Фросей. Порою ему было хорошо с ней. Но в молодой мотористке все было ясно, и Алексей понимал, что только пожелай он, и Фрося не будет противиться ничему. Но таков уж был характер Алексея, он равнодушно относился к тому, что само шло в руки, давалось без трудностей.

А Тоня была совсем другой — своенравной, непостоянной. Она могла ласково улыбнуться при встрече, а через какой-нибудь час делала вид, что Алексей ей совершенно безразличен. Нравился ли он ей? Безусловно, нравился. Когда, работая во вторую смену, Стрельников не приходил в библиотеку, девушка заметно скучала. Ей не хватало его, и в первый день встречи после такой недельной разлуки она относилась к нему особенно ласково и внимательно. Но проходил день, другой, и Тоня уже почти небрежно отвечала на его радостное приветствие и даже говорила порой равнодушным, скучающим тоном:

— Ах, это ты? Неужели прочел все книги?

И в такие моменты Алексей не знал, что и думать, что предпринять. Радужные краски мира меркли в его глазах. А ей казалось забавным, что большой, неуклюжий шахтер становился в ее присутствии таким безропотным, несмелым и, в десятый раз переставляя одни и те же книги на полках, не спускал с нее влюбленных глаз. А Алексей все никак не мог набраться смелости, чтобы сказать ей, что не ради книг, а ради нее ходит он каждый день в библиотеку. Он и представить себе не мог, что она уже начинала сердиться на него за его робость и нерешительность.

Как-то в библиотеке погас свет. Тоня зажгла свечной огарок и при его желтом колеблющемся свете собрала газеты и журналы, отпустила читателей. Потом она прошла в книгохранилище, где он по обыкновению сидел перед книжной полкой на подшивках старых газет. Тонкие пальцы девушки взлохматили ему прическу.

— Пора!

Они были совершенно одни. Слабый свет свечки едва проникал сюда, и эта полумгла придала ему храбрости.

— Тоня! Я хочу тебе сказать...

— Ты нашел интересную книгу?

— Нет... Тоня! Я люблю тебя...

Тяжкий груз свалился у него с сердца. Он сказал ей все. Она знает.

— Почему ты молчишь?— спросил он, привлекая ее к себе.

— Ты, очевидно, думаешь, что это было для меня секретом?

Он был огорошен. Только-то! И это его объяснение в любви. Но она стремительно обхватила его за шею, чмокнула в щеку и, отпрянув, потянула за руку.

— Пойдем! Пойдем!

Какие ласковые, теплые были у нее руки. И губы пахли не то мелом, не то молоком.

Но и после этого вечера она не изменилась. Ласка сменялась равнодушием, радость встречи — холодным скучающим взглядом.

...Бесцельно шагая по кривым улочкам шахтерского поселка, Алексей вспоминал все новые и новые моменты их встреч. Горькие думы заполняли сердце.

«Что ей! Играет со мной, как кошка с мышью, и все. Да и в самом деле, зачем ей, окончившей техникум, валандаться со мной, простым шахтером, окончившим лишь горнопромышленную школу, когда есть много их... инженеров».

Он мысленно сравнивал себя с ней, представляя ее тоненькую, стройную, с упругой гибкой походкой физкультурницы, с немного откинутой назад головой, с мило вздернутым носиком. И себя... Нескладного... Угловатого... С большими неуклюжими руками, привыкшими к тяжелому физическому труду... С грубоватыми, хотя и правильными чертами лица... С вечно лохматыми, не поддающимися никаким расческам и гребням волосами... Где уж тут до этого сероглазого инженера!

Да! Сравнение было не в его пользу.

В конце концов незаметно для себя он снова подошел к знакомому крыльцу клуба, где жались по углам собирающиеся по домам парочки. И тут он услышал знакомый голос, окликнувший его из темноты:

— Алеша!

Стройная девичья фигурка отделилась от затененного забора.

— Ты прости меня. Я не хотела тебя обидеть. Выбежала, а тебя уже нет. Ты проводишь меня домой?

«А инженер?»— зло хотел сказать Алексей, но в этот момент маленькая теплая рука доверчиво легла в его огрубевшую руку, и это легкое прикосновение, словно порыв ветра, сдувающий дорожную пыль, смело с его сердца ревнивую обиду.

Молча дошли они до ворот Тониного дома.

— Когда же мы наконец поженимся, Тоня?— неожиданно спросил Алексей, и сам не узнал своего глухого хриплого голоса.

Тоня не ответила.

В эту минуту где-то во дворе забренчали засовы и старческий, прерывающийся кашлем голос окликнул:

— Эй, полуночница! Спать пора.

Тоня пожала Алексею руку и вдруг, приподнявшись на цыпочки, торопливо и неловко чмокнула его в губы и, не давая обнять себя, ускользнула в темную щель калитки.

Звякнула щеколда, заскрипел засов, и все смолкло.

Алексей постоял еще минуту взволнованный, разгоряченный, не зная, куда деть неожиданно нахлынувший избыток сил, и, подойдя к столбу, так обхватил его руками, что загудели в вышине провода. Потом ходко зашагал по тротуару. Было два часа ночи, но спать не хотелось, да и было уже некогда—скоро смена...

Глава вторая

1

Зарево электрического света еще горело над городом, а за далекими терриконниками, по которым пробегали языки пламени, уже пробивалась бледная полоска утренней зари. На дороге, ведущей к шахте, там и тут вспыхивали огоньки шахтерских лампочек. Людей, которые несли их, не было видно, и казалось, что это какие-то таинственные светлячки, махая желтыми крыльями, плывут и плывут над снежным полем.

Федор Горовой любил таким ранним утром шагать по еще не проснувшимся улочкам шахтерского поселка, испытывая неповторимое чувство любви к этому неказистому на первый взгляд, но бесконечно родному для него кусочку затоптанной, пропитанной угольной пылью и мазутом земли. Она была вся, как лицо, изрытое оспой, в корявинах шахтных провалищ. Чахлые, низкорослые березняки окружали ее, густая паутина проводов опутала сверху, серые насыпи железных дорог пересекали ее во всех направлениях. Коренастые эстакады шахт поднимались на окраинах. Окуренная дымом и гарью, почерневшая и некрасивая, эта шахтерская земля была наполнена гулом дальних взрывов, звоном и лязганьем железа, грохотом угольных поездов, свистками паровозов, тарахтеньем автомашин, ни на минуту не утихающей трудовой страдой. Только чуткая душа могла понять суровую, мужественную и своеобразную красоту ее пейзажа, только человеку, отдающему ей все свои силы и мечты, поверяла она тайну своего величавого и неутомимого движения, неугомонного и бесконечного, как сама жизнь.

Спускаясь с пригорка, Горовой увидел контуры знакомых зданий. Вот она, родная шахта! Темный хобот ее эстакады на фоне светлеющего неба, покрытые куржаком тополя у корпуса комбината, высокие решетчатые ворота с крупной надписью: «Шахта № 8-бис».

Звенят у подъема, ударяясь друг о друга, шахтные вагонетки, грохочет уголь, ссыпаясь из бункеров в железнодорожные вагоны, вспыхивают в окнах шахтерской голубые сполохи электросварки.

...Куда ни забросит тебя судьба, разве забудешь такое?

И Горовой хотя и не мог высказать всего, что каждый раз вскипало у него на сердце, но чувствовал и понимал, что могучие силы крепче стальных канатов привязывают его к этой земле. Он чувствовал это сегодня особенно остро. Именно сегодня должен был решиться вопрос, волновавший его самого и всю его бригаду, над которым они думали несколько дней, прежде чем обратились к руководителям шахты.

2

Толпа горняков сгрудилась у аляповато разукрашенной Доски показателей.

— Федор Степанович! Здорово!— приветствовали Горового шахтеры.— Опять жмешь? Ишь, на доске-то выставлено за декаду сто двадцать процентов.

— Он-то жмет, а участок ихний, глядите, в долгу как в шелку. Шестьсот тонн минуса. Тоже, «передовики» называются!

— Козлова с начальников за это самое сняли. Теперь к ним на второй инженера поставили. Недавно с института.

— Он начальничек-то какой по счету?

— Кажись, шестой али седьмой, всех не упомнишь.

— Где там! Как портянки меняют...

— Этот тоже засыплется. Потому кровля аховская. Так и сыплет, так и сыплет. Потычется, потычется, и «как не обеспечившего руководства...»

— Известное дело!

Горовой прошел к раскомандировочной. В маленькой грязной комнатушке поднимались густые клубы табачного дыма. Поломанная скамья была опрокинута, и шахтеры сидели на корточках прямо на затоптанном полу, давно потерявшем свой первоначальный цвет. Под столом начальника участка лежали грудой болты и пузатый электрический пускатель [1] со снятой крышкой. В углу, как древние пики, торчали витые буры.

Бригада была вся в сборе. Горовой поздоровался.

— Тебя, Федор Степанович, начальник шахты спрашивал,— сказал Протасов, самый старый горняк в бригаде. Его все звали запросто Егорычем.

— С бригадой?

— Одного.

Горовой оглядел всех. В последний раз задал им тот же вопрос:

— Значит, решили? Твердо?

— Попробуем!— бойко ответил Швец. За пристрастие к болтовне и многословию его прозвали Кирюха-говорун.

— Пробует хозяйка щи, чтобы не пересолить,— оборвал его Горовой.— Тебе все смешки да хаханьки.

— Да я к тому, что решили...— оправдывался Кирюха.

— Ладно... Я пойду. Вы пока без меня спускайтесь, сами знаете, что делать.

3

В кабинете начальника шахты сидел парторг Крамов. Полозов поднялся навстречу бригадиру. Его широкое круглое лицо с большим увесистым подбородком и тяжелыми, нависшими над глазами припухлыми складками, было внушительным и торжественным. Черные, словно подведенные тушью, брови топорщились кверху.

— Ну, Федор, поздравляем!

Горовой обрадованно улыбнулся, и от этой улыбки его обычно несколько суровое лицо помолодело, словно он снова стал тем задорным парнишкой-коногоном, каким был двадцать лет назад. Парторг, глядя на него, тоже заулыбался широко, простодушно, так что узкие глаза его превратились в две щелочки. Один Полозов не улыбался. Он, наоборот, насупил брови, будто решая трудную задачу, и вдруг, постучав по краю столешницы толстым, как обрубленный сучок, пальцем, прогудел басовито:

— Только вот одно условие, Федя.

— Какое?— все еще улыбаясь, спросил Горовой.

— Насчет состава твоей бригады. Я так думаю, что надо будет ее укрепить. Ведь за какое дело беретесь! За звание бригады коммунистического труда бороться начинаете. Первыми в бассейне...

Две волевые складки сменили улыбку на лице Горового.

— Ну и что ж!

— А то, дорогой Федя, что пошерстить твою бригаду придется. Кое-кого убрать, кое-кого добавить. Я уж и кандидатуры подработал. Гришу Шевелева с восьмого участка, Семена Арбузова с пятого. Не возражаешь? Это же не шахтеры, волки! С ними тебе легко будет работать. Не то что с твоими фезеошниками. Чуешь мою мысль?

— Нет, не чую!

— Как же так?

— Да очень просто. Не понял и понимать не хочу. Не согласен я, товарищ начальник

[1] Пускатель — электрическая шахтная аппаратура для пуска в работу горных машин.

шахты, бригаду свою пересматривать. Ни в какую!

— Федор Степанович! Милый ты мой человек! Да ты пойми меня получше. Я же тебе добра желаю. Ведь за какое дело беретесь! Какие заповеди на себя принимаете! Не дай бог осрамитесь, так не только вас одних, всю шахту и меня с парторгом засмеют.

— Засмеют, говорите? Ну, что ж! Правильно сделают!

Горовой подошел вплотную к столу, оперся на него большими огрубелыми ладонями, перевел взгляд на парторга, потом снова на начальника шахты.

— Слушай, Полозов, и ты, товарищ парторг, тоже слушай. Вы мне что предлагаете? Образцовую бригаду подобрать? Хороших опытных горняков в нее со всей шахты приказным порядком согнать? А моих ребят в другие бригады направить? На задворки? Тогда за что же мы бороться будем? Все хорошие, все опытные, все сознательные... Каждому хоть сегодня пропуск в коммунизм выдать можно. А я так думаю. Уж коли за такое звание бороться вступаем, принимайте нас такими, какие есть. Скидки мы на свои грехи да пробелы не просим. Зато уж коли добьемся чего...

Горовой выразительно сжал кулаки, так что побелели костяшки пальцев.

— Уж коли добьемся...

— Правильно! — поддержал бригадира Крамов. Полозов удивленно посмотрел на парторга.

— Чуть было мы с тобой, Василий Терентьевич, ошибки не дали. Верно Горовой говорит. Нельзя бригаду пересматривать, новых людей в нее в последний момент вливать. Пусть будет как было. Ведь если рядовая бригада в такой борьбе успеха добьется, это во сто крат важнее. А насчет того, чтобы не осрамиться, от них самих зависит. Так я говорю, Федор Степанович?

— Точно!

4

Горовой шагал по ходку, озаряемому неярким светом прожектора, укрепленного на каске, и думал о своей бригаде.

Ладно ли сделал он, когда отказался пересмотреть ее состав? Правда, парторг поддержал его, но прав по-своему и начальник шахты: бригада у него разношерстная, в основном из молодых горняков. Под силу ли будет им это испытание?

Одно за другим вставали перед ним лица товарищей, и каждому мысленно задавал он один и тот же вопрос:

«Справишься ли с суровыми требованиями? Не подведешь ли?..

Алеша Стрельников, любимец всей бригады, мой первый помощник на комбайне. Как ты? Готов ли изо дня в день бороться за выполнение новых заповедей? Знаю, готов! Не сдашься. Не отступишь.

А ты, старый Егорыч, уже двадцатый год дорабатывающий в шахте, и не где-нибудь на подхвате, а все время в лаве. Уже подошло время перейти тебе на пенсию, а ты все не сдаешься, не просишь отступного, не ищешь себе работы полегче. Трудно тебе теперь придется. Уж больно привык ты пользоваться крепким шахтерским словцом. А отныне и просто обругаться нельзя.

А как быть тебе, Назар Рябуха, лучший крепильщик на шахте? Любишь ты водочку, грешный человек. Тяжеленько тебе будет. Может, легче было просто по-дружески распрощаться с тобой, не испытывать зря, ведь не отрубишь ты сразу от себя все, к чему привык, что стало второй натурой.

Ну, а вы, самые молодые шахтеры из бригады, Вася Хроленок и Михаил Брижатый? Верю: в дисциплине вы не подведете. А как в работе? Мало у тебя опыта, Михаил, совсем недавно перешел ты в горнорабочие лавы из лесовозов, а ты, Вася, слишком хлипок для тяжелой шахтерской работы, хоть и стараешься изо всех сил».

Кондрат и Прокопий Ивановы крепки, кряжисты, но и у них своя болезнь. Когда они впервые появились в бригаде и, отработав первую смену, пошли мыться в душ, не у них ли увидел он, Горовой, татуировку на груди и руках. У Прокопия синела надпись: «Тамбов. Верность до гроба», а на груди Кондрата красовалось изображение сердца, пронзенного стрелой, и строка из пушкинского стихотворения: «Во глубине сибирских руд...»

— Это в школе вас так разукрасили? — спросил он в тот день братьев.

— Не нас одних. Все этим увлекались.

И повадка у братьев была под стать татуировке. От бригадира с соседнего участка Киктева переняли они поговорку: «Мы косточка рабочая! Нам галстучки не носить...» И оба носили сапоги в гармошку, над голенищами которых чуть не до полу свешивались брюки, и рубашки с застежками «молния», а на лбу у каждого виднелся косой чубчик, придававший их лицам задиристое и нагловатое выражение.

Но как ни гордо именовали они себя рабочими, Горовой видел, что много еще времени пройдет, пока оба брата поймут, какой должна быть настоящая рабочая гордость.

Всех меньше знал он Горяева и Швеца.

Помнится, вызвал его осенью помощник начальника шахты.

— У тебя двое из бригады на пенсию ушли. Возьмешь взамен других?

— А кого?

— Вот они. Знакомься.

Один из новичков, кареглазый, лобастый, сразу бойко представился:

— Швец. Прошу любить и жаловать. Отношусь к тем, про кого говорят: и швец, и жнец, и на дуде игрец.

Видно было, что парень разбитной, оборотистый... Только уж больно речист. Но к делу должен был годиться. Из техникума на шахту пришел, в комсомольском активе числится.

А второй был какой-то нескладный, угловатый, тихий.

— Откуда?

— Из студентов он,— пояснил помощник начальника шахты.

— Из неудавшихся студентов,— улыбнувшись, внес поправку юноша.

Тон, которым были произнесены эти слова, понравился Горовому. «Парень честный. Работать будет»,— заключил он и решительно заявил:

— Беру!

И вот теперь приходится вступать в самое серьезное из соревнований, имея в бригаде двух новичков.

Но, впрочем, разве не тот же Горяев, пусть нерешительно и робко, но первым в бригаде сказал, когда они прочли о почине молодежи депо станции Москва-Сортировочная:

— А что, если и нам за такое дело взяться?

Они в тот раз не стали решать ничего. Но ему видно было, что мысль о том, чтобы вступить в новое соревнование, волнует всех. Шахтеры сами не замечали, как то один, то другой, как бы невзначай, нет-нет, да и заводили разговор на тему о заповедях бригад коммунистического труда.

— Что же, значит, в таком разе, ежели и штреки чистить пошлют, отказываться нельзя?— спрашивал Назар Рябуха.

— Не в том дело, что нельзя отказываться, а в том, что самому своей охотой любой беспорядок устранять надо!— отвечал Горовой.

— Выходит, каждому из нас на комбайне придется выучиться работать?— заинтересованно спросил Брижатый.

— Всем надо все уметь, чтобы каждый мог друг друга заменять...

— Выпивку, значит, долой?— задал вопрос Рябуха.

— Ясно, долой!

— И в праздник?

— В праздник, да если с семьей, понятно, не возбраняется.

— Значит, и ругаться нельзя?— озабоченно спросил Протасов.

— Ни под каким видом.

— Ну и дела!— развел руками Семен Егорыч, словно он уже числился в бригаде коммунистического труда.

Горовой чувствовал, что все эти вопросы, даже те, которые задавались самым безразличным тоном, были по сути дела прямым обсуждением главного вопроса, интересовавшего всех. И поэтому он нисколько не удивился, когда через день на его вопрос товарищам, желают ли они откликнуться на новый почин, все ответили:

— Ясно, желаем!

Только старый Егорыч, после того как они вышли из шахты, не заторопился по обыкновению домой, а дождался Горового и спросил его как бы между прочим:

— Ты бы, Степаныч, грешным делом, пособил мне...

— В чем?

— Насчет этой ругани распроклятой.

— А ты прежде чем сказать, подумай!

— Легко сказать, подумай! Другой раз и подумать не успеешь, а язык эти самые словеса пакостные уже сработал. Допрежь всего!

Нет! Он не ошибся в своих товарищах. Они не подведут его и себя. Они готовы к трудностям. Он знает: тернистым будет этот путь. Ну что ж! Чем более суровым бывает бой, тем дороже победа...

...Шахта жила в эти зимние дни напряженной боевой жизнью. Страна шла навстречу двадцать первому съезду партии, навстречу первому году новой семилетки. Чувствовалось что-то необычное в этом новом повороте в жизни государства. Когда еще не закончилась шестая пятилетка, а партия уже наметила грандиозную программу на дальнейшие семь лет. Это походило на то, что стремительно несущемуся вперед самолету придали дополнительную скорость, значительно большую, чем прежде. Это походило... Нет! Это именно было ростом, взлетом новых жизненных сил, неисчерпаемых сил могучей социалистической системы.

И Горовой понимал: не было случайностью, что именно в это переломное время родилось движение бригад коммунистического труда. Так и в шахте, когда выработка пересекает наиболее твердые и непокорные породы, из недр начинают бить родники самой чистой ключевой воды.

Глава третья

1

Узким черным коридором рассекала угольный пласт лава. Неясные тени прятались в ее глубине. Грозно нависла тысячетонной тяжестью кровля. Страшным давлением сверху донизу были расколоты многие стойки, и, покосившись, они торчали, словно чьи-то обессилевшие растопыренные пальцы. Глухой треск лопающегося дерева доносился из темноты. Казалось бы, совершенно прочная сосновая стойка вдруг неожиданно скручивалась жгутом так, что на измочаленной древесине, будто пот от непосильного напряжения, выступала влага. Желтые глыбы песчаника громоздились в отработке. Лава жила своей напряженной и загадочной для постороннего человека жизнью.

Но для шахтеров этот мир был всегда обыденным, простым и понятным. Они вошли в лаву так же спокойно и привычно, как входили в собственную квартиру. Пришедший первым Алексей Стрельников неторопливо снял телогрейку, чтобы она не стесняла движений, и пригнулся к комбайну. Протасов и Рябуха сложили принесенные с собой инструменты и направились отбирать лес. Вася Хроленок включил свет.

Снопы желтых лучей вмиг разбежались по лаве. Оранжевые блики задрожали на борту забоя, отражаясь от гладких, как зеркало, плоскостей угольного пласта. Густой аромат смолы и свежерубленого дерева перебивал запах машинного масла и оставшихся в угле после подрывки ниши газов.

И этот теплый, как бы обогревающий людей электрический свет, развешанные на стойках телогрейки, воткнутые по-плотницки в дерево топоры, желтая щепа, рассыпанная на полу, хозяйственные приготовления шахтеров — все создавало здесь, глубоко под землей, атмосферу по-домашнему обжитого угла, спокойную и деловитую обстановку шахтерских будней.

Алексей повернул рукоятку, и ровный рокот мотора наполнил лаву.

Нигде с такой ясностью и четкостью не проявляется характер человека, как в труде. Как бы ни были однотипны и однообразны производственные операции, каждый человек выполняет их только по-своему, с присущей ему одному сноровкой и отношением к делу.

Каждый раз, приглядываясь к тому, как ловко орудуют в лаве его более опытные товарищи, шахтер-новичок Иван Горяев удивлялся их мастерству.

Назар Рябуха, наверху такой неуклюжий, медлительный, будто всегда непроспавшийся, взявшись за работу, оживился. Из-за своего громадного роста он работал, стоя на одном колене, но более чем двухметровые лесины для подхватов[1] в его мощных ладонях взлетали, как поленья. Куда девались прежние мешковатые движения! Сейчас они стали быстрыми, точными. Мгновенно, на глаз, без мерки он определял необходимую длину стойки, одним ловким ударом выбивал сломанный подхват, не тратя ни одной лишней секунды, расчищал приямок под стойку. Он работал увлеченно, напористо, яростно, словно ни на секунду не хотел отстать от кого-то.

Егорыч, наоборот, был нетороплив в движениях. Он работал легко, как бы не придавая никакого значения тому, что делает, часто отрывался от работы, чтобы помочь напарнику, вступал в разговоры. Порой можно было заметить, что он, как будто бесцельно топчется на одном месте. Но Горяев уже понимал, что это были кажущиеся, обманчивые представления. Прошедшие двадцать лет работы в лаве научили Егорыча расходовать свои силы разумно и экономно, не делать ни одного лишнего движения.

Сам Горяев, несмотря на третий месяц работы в лаве, все еще никак не мог приноровиться работать так же четко и быстро, как работали его товарищи. Но все же теперь он чувствовал себя куда сноровистее, чем в первое время. Те сентябрьские дни, когда он впервые спустился в шахту, запомнились ему навсегда.

Казалось, что было проще: грузить лопатой уголь из ниши на конвейер? Бери и кидай. А когда он принялся за работу, проклятая лопата никак не хотела лезть в угольный развал, упиралась в куски угля, застревала, вырывалась из рук.

Он успел набить себе мозоль на левой ладони, когда к нему подошел Протасов.

— Ты до почвы, парень, сперва проберись, — посоветовал старый шахтер и, взяв у него из рук лопату, быстро и ловко разобрал навал у конвейера до породной плиты. — А теперь давай!

Горяев сразу почувствовал, насколько легко было работать, подбирая уголь с почвы. Лопата легко шла под насыпь угля, каждый раз наполняясь доверху.

Но тем не менее он в ту первую смену устал до изнеможения. Устал так, что даже не захотел обедать, только немного потревожил в столовой второе, а борщ отставил в сторону.

---

[1] Подхват — верхняк — лесина, которой подпирают кровлю.

— Ты чего это? Ешь! — говорили ему товарищи. — Для шахтера первое дело — харч.

Немилосердно ныли все мускулы рук и ног, а спина словно совсем одеревенела. Он кое-как дотащился до кровати в общежитии и проспал весь вечер. Даже в кино с ребятами не ходил.

И так продолжалось с неделю. Ему все казалось, что он не выдержит такого напряжения. «Видно, шахтерский труд не по мне!» — думал он про себя и уже совсем собрался было пойти к начальнику участка попроситься на более легкую работу, но потом отказался от этого. Устыдил его все тот же старый Протасов. Выходя из шахты, он спросил Горяева:

— Что? Ломает, поди, тело-то?

— Ноет все.

— Ничего. По первости это с каждым бывает. Потом втянешься.

И Горяев втянулся. Как-то поднялся из шахты, помылся в душе и почувствовал себя не разбитым и усталым, как в предыдущие дни, а сильным и крепким. Даже совершенно ясно ощутил, как заиграли под кожей на груди и руках окрепшие мускулы.

И встал на следующий день совсем свежим, бодрым, энергичным.

Ощущение того, что труд теперь пошел ему на пользу, было таким радостным и светлым, что его в этот день впервые потянуло к стихам, которые он начал писать еще в школе. Упрямые строчки бились у него в памяти, и он незаметно для себя произнес их вслух:

— Закружился опять за спиною наш подземный сырой холодок...

— Ты насчет чего это? — спросили его товарищи.

— Да я так... — смутился Горяев и замолчал.

И как ему хотелось в тот момент сказать им горячо и страстно об их суровой и трудной профессии, радость познания которой он ощутил тогда впервые.

2

Горовой пришел в шахту, когда комбайн уже работал.

— Ну, ребята, — сказал Горовой, выключив на минуту машину, — теперь нам не за страх, а за совесть работать надо. Приняли наше предложение.

— Значит, разрешили?

— Сегодня после смены митинг.

И хотя Горовой не мог рассмотреть в полумгле лавы лица товарищей, однако внутренним чутьем ощутил, что его слова взволновали каждого шахтера.

Никто ничего не сказал, но по тому, с каким рвением все снова взялись за работу, было видно, что каждый занят теперь одной думой: не осрамиться, доказать, что они умеют бороться за взятые обязательства.

В этот день с самого начала смены участок хорошо обеспечивали и крепежным лесом, и порожняком для угля. Работа шла споро и дружно.

— Ишь транспортники-то как перестроились! — радовался Горовой, сменивший Алексея у комбайна.

Патюков, уже немолодой, видавший виды на своем веку горный мастер, подошедший сюда, рассмеялся:

— Перестроишься тут, Федор Степанович, коли начальство само за вашей работой следит. Третий-то участок уже с начала смены без порожняку стоит и лес до сих пор им не поставили. Все нам стараются.

— Эх, сволочи! — обругался Горовой.

— С тебя штраф, товарищ бригадир, — засмеялся Егорыч.

— За что?

— Обругался...

— Виноват... Не заметил. Да как тут не обругаешься, пойми ты, Егорыч! Ведь они что делают?.. Нас за счет других на щит вытащить хотят...

— Это хорошо, если помогают! — сказал Швец.

— Хорошо? Нет, худо! Хуже быть не может. С такой-то поддержкой каждая самая отсталая бригада в передовых загремит... Безобразие! Нет, я этого дела так не оставлю. Садись, Алексей, к комбайну. Пойду позвоню на-гора начальству.

— А зря, совсем зря! — сокрушался Швец, когда Горовой ушел. — Теперь для нас только лишь самое время славу завоевывать пришло. Помогают все, поддерживают, а он отказывается. Тоже чудак человек.

— Много ты понимаешь, брехун! — пробасил Рябуха.

— Беру на заметку. За ругань!

Прокопий Иванов с сомнением в голосе произнес:

— А может, и взаправду зря бригадир звонить пошел. Ежели нам условия создают, разве это плохо? Пусть другие сами о себе беспокоятся.

— А ты про наши заповеди забыл? — вмешался в разговор Стрельников. — Отстает товарищ — помоги.

— Так то ж внутри бригады, а не для других.

— Для нас чужих на шахте нет! — раздался голос возвратившегося в лаву Горового. — Все свои. Все товарищи. Да не только на шахте, а во всем бассейне, во всей стране. Понятно? — строго произнес он и, заметив смущение на лице Прокопия Иванова, усмехнулся. — Так-то вот, братцы... Жаль не дозвонился я до начальника. Придется позднее с ним на эту тему поговорить.

К концу смены уголь из лавы был откачан.

— А все-таки надо нам подумать, как работу улучшить, — сказал Алексей Горовому, когда они поднимались из шахты. — Есть у меня думка насчет этого...

Глава четвертая

1

Начальник шахты № 8-бис Василий Терентьевич Полозов относился к той категории людей, которых нельзя было представить себе нигде в другом месте, кроме руководящей работы. Сменялись секретари парткомов, управляющие трестами, происходили замены на соседних шахтах, да и на самой шахте № 8-бис приходили и уходили главные инженеры и начальники участков, а Василий Терентьевич по-прежнему находился на своем неизменном месте, как будто эти два понятия — шахта и он, Полозов, — были слиты воедино. Василий Терентьевич и сам не мог бы представить себя вне своей должности, своего просторного, с любовью отделанного кабинета, вне той повседневной суеты, которая заполняла все его время.

Он был на хорошем счету и в тресте и в горкоме партии, с рвением относился к любым поручениям, какие бы ему не давали. Его можно было неизменно увидеть в президиумах на торжественных заседаниях и слетах, где он всегда скромно сидел позади. Он уже так привык к почету, что, придя на собрание, сразу занимал место в первом ряду, чтобы быть поближе к сцене.

Впрочем, Василия Терентьевича нельзя было упрекнуть в том, что он сторонится рабочих. Наоборот, он всегда и во всем стремился подчеркнуть, что сам был когда-то рабочим, и любил в свободную минуту рассказать молодым командирам, как «они с Мишкой и Сенькой мантулили в забое на старой гришевской шахте», не преминув упомянуть при этом, что «Мишка-то, глядите, теперь в заместителях управляющего трестом ходит, а вот Сенька все еще в лаве трудится». И по тому самодовольному тону, с которым он это рассказывал, было видно, что он считает себя лучше других, умнее, безгрешней, способнее и дальновидней. На семейных рабочих вечерах, а иной раз и просто в клубе, когда собиралось много народу на какое-нибудь празднество, Полозов любил потрафить шахтерским вкусам и выходил в круг плясать вприсядку.

Но основное, чем поддерживался авторитет Полозова, было его уменье применяться к обстановке, вовремя угадать то, чего от него требовали. В этом отношении Василий Терентьевич руководствовался неизменно правилом золотой середины: никогда не встречал ничего нового в штыки и даже порой проявлял в некоторых пределах известную смелость.

Так было, например, с внедрением проходческого комбайна. Василий Терентьевич не отказался от него прямо, как другие, не сказал, что он не подходит для условий шахты. Ведь кто знает, как в тресте будет расценено такое заявление? Он спустил комбайн в шахту, подобрал и обучил бригаду, выделил особый забой, словом, казалось, сделал все, от него зависящее, чтобы машина работала. А комбайн не пошел! Так разве можно было обвинять за это его, Полозова? Слабая кровля, вода, крепкие породные прослойки — все это создано самой природой, причем же здесь начальник шахты? И Полозов с совершенно спокойной душой доложил тресту о неудаче, умыл руки и выдал на-гора комбайн, вместо того чтобы попытаться преодолеть трудности.

Или опыты с комбайном «Донбасс». Они продолжались на шахте два месяца. Полозов пошел даже на то, чтобы сохранить всем членам комбайновых бригад среднесдельный заработок. Но продвижение лавы было небольшое, и комбайн при посадке основной кровли зажимало. Выбросить этот комбайн, как поступили с проходческим, было нельзя, это была апробированная машина, положительно зарекомендовавшая себя всюду. Так что ж! Разве он, Полозов, пошел на это, разве он не оставил комбайн на втором участке, хотя он и работает там совершенно неэффективно. Но отказаться от комбайна он все равно не мог, ведь это была новая техника, а за ее внедрение строго спрашивали.

Полозов не прошел мимо и таких новшеств, как почин Мамая и Кольчика. Даже управляющий трестом похвалил его на перекличке за то, что только на одной шахте № 8-бис со скрупулезной тщательностью велись изо дня в день тетради и списки с ежесменным выполнением норм выработки. И хотя об этих тетрадях знали одни участковые нормировщики да председатель шахткома, ко-

торый брал из них цифры для отчетов, но факт оставался фактом: соревнование, как говорят, отражалось.

Одним словом, Полозов выполнял все, что от него требовалось, в строгом соответствии с определенными параграфами, инструкциями и положениями, и никому из его руководителей и начальников и в голову никогда не приходило спросить, а сколько души, сколько сердца вложено им в порученное дело?

Всего лишь три дня тому назад ему позвонил секретарь горкома Гагарин, что Полозов думает о почине молодежи депо станции Москва-Сортировочная.

— По части организации бригад коммунистического труда?

— Да.

— Будем проворачивать.

— А с народом говорил? Интересовался мнением рабочих?

— Ничего! Нам не впервые. Организуем!

— А ты сначала шахтеров спроси.

— Спросить спрошу. А работу все равно сами развернем!

Велико было его удивление, когда при разговоре с шахтерами Горового он узнал, что об организации бригады коммунистического труда они задумались еще неделю назад. И в этот раз, беседуя с ними, Полозов впервые почувствовал какую-то неловкость, словно он пришел сюда незваным и непрошеным гостем.

Теперь уже все решено. Первая в бассейне бригада, борющаяся за звание коллектива коммунистического труда, создана опять-таки не где-нибудь, а на шахте № 8-бис. Снова другие начальники шахт скажут, что он, Полозов, опередил других. Ну и что ж! Пусть пеняют на себя, раз не умеют ловить момент.

2

Полозов, довольный собой, потер руки и вызвал главного инженера Самарина.

— Мероприятия по обеспечению работы бригады Горового готовы?

Главный инженер замялся.

— А нужно ли их, Василий Терентьевич?

— Как нужно ли? Ты что! Навстречу XXI съезду идем. Обязательно нужно! Ведь в случае чего спросят, как вы организовали работу бригады, борющейся за почетное звание? Что скажем? Вот, скажем, документ. Все расписано. Чин чином, по порядку. Ну, кончайте, кончайте! Скоро митинг. Докладывать там надо.

Общая раскомандировочная была полна народу. Большой лозунг пересекал арку сцены: «Трудовыми победами встретим XXI съезд КПСС!». Над дверью висел транспарант с заповедями бригад коммунистического труда. Горовому показалось, что одна строчка как-то выделялась среди других. Очевидно, художник писал ее более густыми белилами: «Один за всех, все за одного!»

За столом уже копошился председатель шахткома. Из кабинета парторга вышли Гагарин и Крамов.

— Так какой порядок наметим? — спросил Гагарин Полозова.

— После открытия я сообщение сделаю. Что и как. Потом мероприятия зачитаю. Затем вы с приветствием.

— Какие это мероприятия?

— А вот насчет создания условий для бригады Горового.

Секретарь горкома колючим взглядом посмотрел на Полозова.

— Спрячьте лучше эти бумаги! — строго сказал он.

«Не угодил, — подумал Полозов. — Малость обмишулился...»

— Открывайте вы, — сказал Гагарин Крамову. — А потом сразу Горовому слово. Он, уверен я, лучше всех скажет. С партийной позиции, как коммунист...

Федор не в первый раз выступал на собраниях и митингах, но на этот раз мысли его рассыпались. «С чего начну? О чем скажу?» — думал он, выходя на трибуну. Он обвел глазами товарищей. Некоторые, встречая его взгляд, улыбались, а другие смотрели строго и ждали.

— Товарищи! — сказал Горовой и сам удивился своему звонкому голосу. — Партия наша родная говорит нам, что коммунизм не за горами. Мы уже распахнули дверь, которая ведет в коммунистическое общество. А в этом обществе какой закон? Самый справедливый и простой... От каждого по способностям, каждому по потребностям. Вот оно как. Понятно?

— Понятно, — глухо сказал кто-то.

— А все ли способны в это общество коммунистическое войти? У всех ли нас такие потребности, чтобы быть в нем достойными членами? Я далеко ходить за примерами не буду. Возьмем, например, Гоху Золотарева с третьего участка. Все вы его знаете. На что он способен?

Зал вздрогнул. Золотарева недавно раскритиковал шахтный «Крокодил».

— Полсмены в забое проспать!

— Чего полсмены, всю смену!

— А у нашего Назара Рябухи потребность какая? — спросил Горовой.

— Пол-литрой не обойдешься! — загоготали в зале. Кто-то даже вскрикнул:

— Здорово! Своих кроет...

— Над этим всем нам подумать надо. Сколько еще у многих людей отсталого, ненужного, дрянного. По крупинкам им надо из себя всю нечисть выковыривать, каленым железом жечь. Теперь не просто высокие проценты в работе нужны, не просто тонны. Вот она заповедь на стене написана: «Один за всех, все за одного!». Разве к нашей одной бригаде она относится? Что мы? Горсточка малая среди вас. Всем эти слова в душу должны запасть, каждому навсегда запомниться. Первой наша бригада на этот путь встает. Но если за нами другие пойдут, если все пойдете, великое дело может совершиться...

3

— Теперь, ребята, держись! Гляди в оба... — озорно сверкая глазами, восторженно говорил Хроленок, шагая по скользкому обледенелому тротуару.

— Здорово митинг прошел! Начало богатое, — не без гордости за свою бригаду высказался Михаил Брижатый.

— Заповеди наши надо будет на видном месте вывесить, — озабоченно произнес Стрельников.

— Где? — усмехнувшись, спросил Горовой.

— В участковой раскомандировочной.

— А ты подумай сперва... Место ли там им или нет?

— А что... — начал было горячо Алексей, но осекся. Перед глазами возникла вся неприглядная обстановка комнаты, в которой обычно проводился участковый наряд. Грязь, запустение, замасленные обшарпанные стены, куски железа на полу, покосившийся стол, залитый чернилами... «Действительно... Как они до сих пор не обращали внимания на все это?»

И Стрельников нисколько не удивился, когда, прощаясь, бригадир наказал:

— Завтра на шахту за час до наряда приходите. В раскомандировочной будем порядок наводить.

Кирьян Швец высказал сомнение.

— А уборщицы зачем?

— Уборщицы нашу грязь враз не перелопатят. Они сегодня приберут, побелят, помоют, а мы назавтра снова натащим железяк, грязной спецовкой стены завозим, и все пойдет насмарку. А уж коли сами сделаем приборку, так наверняка свой труд будем ценить.

— Не просмеяли бы?

— Посмеются да перестанут. А с нее, с раскомандировочной, наш путь в шахту начинается.

На следующее утро старая уборщица, пришедшая прибирать нарядную второго участка, буквально вытаращила глаза. Десятеро здоровенных шахтеров выносили из комнаты мусор, болты и детали, чинили скамьи, белили стены, скоблили полы. А прибывшие на смену горняки других участков, увидев товарищей за столь необычным занятием, столпились у раскрытой двери, не зная, как расценить такое событие.

— Вот теперь и заповеди наши можно здесь навесить без стыда, — удовлетворенно промолвил Горовой, когда уборка была закончена. — А то хоть не заходи... Срамота!

— Что же вы, голубчики, ко мне не обратились, — сетовал узнавший об «аврале» на втором участке помощник начальника шахты Кузин. — Я бы сюда нашел кого послать...

— Спасибо, — поблагодарил Горовой. — Только бы ваша помога нам пользы не оказала. К месту она будет тогда, когда чужой труд научимся уважать.

Уже в шахте, когда они ехали в пассажирском поезде на участок, Егорыч сказал, обращаясь к Брижатому:

— Ты, Михайла, неправильно ныне на-гора сказал... Не с митинга нашему делу начало положено...

— А с чего?

— С приборки грязи.

Глава пятая

1

Обычно утро в общежитии начиналось рано, задолго до того как, хрипло откашлявшись, радио возвещало о начале нового дня. В заледенелых стеклах окон еще стояла ночная мгла, а из проснувшихся комнат выбегали озабоченные жильцы, накинув на шею полотенца, с мыльницами в руках. Гулко хлопали шаткие фанерные двери, топот торопливых шагов наполнял коридор, из туалетной слышался плеск воды и фырканье умывающихся.

Но в этот раз, проснувшись, Стрельников ощутил непривычную тишину. «Неужели проспал?» — мелькнула мысль. Он быстро вскочил с постели и зажег свет. Брижатый спал, укрывшись с головой, а худенькое остроносое лицо Хроленка по-детски улыбалось во сне.

— Подымайся! — крикнул Алексей и для большей надежности стянул с товарищей одеяла.

— Ты с ума сошел, Алешка! — оторопело вытаращил заспанные глаза Брижатый, сидя в трусах на краю постели. — Сегодня же воскресенье!

Алексей растерянно взглянул на отрывной календарь. Черт возьми! Так зарапортовался, что счет дням потерял. Уснул он очень поздно, после того как Москва передала вечерний выпуск последних известий. Для Москвы он был вечерний, а для сибиряков уже ночной. Может, лечь досыпать?

— Нет, не стоит! — вслух решил он.

— Чего не стоит? — удивился, моргая глазами, Хроленок.

— Спать дольше не стоит...

Алексей окатился студеной водой до пояса и, растершись докрасна полотенцем, вернулся в комнату. Хроленок и Брижатый, поборов сон, тоже встали.

Стрельников любил дружков. Они, как и он сам, были местными уроженцами. Родители Брижатого жили в глухой таежной деревушке. Отец в свободное время занимался охотой и лесным промыслом: добывал кедровый орех, собирал для кооперации грибы, ягоды, сплавлял по таежным речкам лес. Михаил Брижатый был весь в отца: рослый, черноглазый, черноволосый, со смуглым скуластым лицом. Про него так и говорили: таежный гуран. Он очень любил тайгу и всегда с большой теплотой вспоминал про родные места, про охоту и рыбную ловлю. Иной раз в шахте, разгружая вагоны с лесом, спрашивал товарищей:

— Это какое дерево?

— Сосна, наверно...

— Сам ты сосна! Пихта. Понял? Вишь кора-то какая тоненькая, словно серебром отливает. По самым чащобам она растет, пихта. Хвоя у нее цветом как трава, только чуть иссиня, а рукой возьмешь — мягкая, не то что у елки. Стройненькая, веселая, так глаза и радует... А это, видишь, елка. Кора шершавая, сама колючая. Из нее плоты хорошо рубить, через речки переплывать, потому что на плаву она совсем легкая. Вот одного не понимаю, зачем для шахты листвень рубят? На рамы она тяжелая, начнешь поднимать — надсадишься. А на сруб для дома лучше не найти. У нас изба шестьдесят лет как срублена, а ни один венец не погнил, только от мокроты еще пуще бревна задубели.

Его всегда радовало то, что и здесь, на шахте, он постоянно встречается с лесом. Многие не раз замечали, как Брижатый, собрав в горсть свежие опилки, подносил их к лицу и, вдыхая густой смолевый запах, говорил:

— Дух-то какой ядреный! Тайгой пахнет.

Любовь к лесу отчасти и послужила причиной того, что ему больше всего нравилось работать в шахте лесовозом, хотя обычно подобрать людей на эту работу было затруднительно. Он долго не мог понять, почему шахтеры не различают доставляемый в шахту лес по породам. И на просьбу подвести стоек или верхняков всегда спрашивал:

— Сосновых лесин-то? — удивляясь, что для других это было безразлично.

Породу он называл скалой, а глыбы ее — камнями. Говорить так было ему привычнее, эти слова звучали так же, как и в тайге.

Однажды, свалив на штреке лес, Брижатый заботливо откатил в сторону коричневато-серую лесину.

— Зачем ты это?

— Это же кедр! — восторженно пояснил Михаил. — И что только за человек нашелся. Такое дерево загубил!

И после работы долго рассказывал шахтерам про удивительную красоту кедрового бора, где внизу стелется мягкий ковер мха и царит полумрак, а вверху на фоне голубого неба горит яркая зелень хвои и вспыхивает золотистыми искрами смола на увесистых шишках. Товарищи не раз спрашивали Брижатого:

— Почему ты в тайге не остался, а в город пошел работать?

— Выучиться надо. У нас там в земле руды разной, угля видимо-невидимо. Откроют шахты, и я туда поеду. Тогда моя специальность для тайги и сгодится.

По тону, каким произносил он эти слова, было видно: никаких сомнений, что в тайге скоро начнутся горные разработки, у него нет.

В противоположность Брижатому Вася Хроленок был горожанином. В городе он родился и жил и если когда выезжал в лес, то всегда чувствовал себя там временным гостем. Он рано потерял родителей воспитывался в детдоме, где еще оставался его младший братишка. Из детдома Вася перешел в горнопромышленное училище. Вся его жизнь и учеба постоянно проходили на глазах товарищей, и это приучило его к коллективизму. Хроленок с особым уважением относился к слову «мы». Даже сделав что-нибудь, он не говорил: «Я сделал...», а всегда во всеуслышание заявлял: «Сделали!.. Мы решили!.. Наша затея!» В детдоме ему по этой причине ребята дали прозвище «Мы, Николай вто-

рой...» Но на это прозвище, хотя оно и было взято из царских манифестов, Вася нисколько не обижался.

Любовь к товариществу отнюдь не обозначала, что Хроленок, оставаясь один, становился беспомощным. За любое дело он брался всегда со всей энергией. Семен Егорович Протасов часто вспоминал, как в первый день появления Хроленка на шахте Мирон Киктев, в бригаду которого он первоначально попал, поручил ему одному разгрузить и перетаскать к лаве рогатку[1] леса, у которой лопнула ось. Лесины были в большинстве своем лиственничные, их и взрослому навалоотбойщику было трудно поднять, а особенно взвалить на плечо. Егорыч, случайно оказавшийся здесь, увидел, как маленький, щупленький паренек, напрягаясь так, что на лбу и щеках выступали бисеринки пота, пошатываясь на ходу, с трудом переступал по вязкой почве штрека. Переходя лужу у насоса, он поскользнулся, упал вместе с лесиной и тут заскулил тоненько, по-щенячьи, негодуя на свое малосилие и свой позор. Но когда Егорыч шагнул к нему, глазенки парня сердито засверкали, а плача как будто и не было.

— Скользко тут... — заглушая всхлипывания, сказал он, благодарно улыбнулся, когда Егорыч помог взвалить на плечо лесину, но от дальнейшей помощи отказался, перетаскал весь лес один.

Работа в шахте была особенно по душе Хроленку именно потому, что она требовала товарищеской спайки. Так уж оно повелось: горняки под землей даже ходят обычно парами. Вместе легче поднять раму, поднести лесину, а такую работу, как передвижка привода, посадка кровли, крепление за комбайном, не сделаешь меньше чем втроем-вчетвером. И как ни ловок, ни силен такой шахтер, как Назар Рябуха, а один в лаве он тоже много не сделает. И Хроленок искренне полюбил свой тяжелый труд, втянулся в него, приноровился к работе, так что со стороны было удивительно смотреть, как тщедушный на вид человечек управляется с грузными глыбами породы и длинными лесинами. Но зато какой гордостью озарялось его лицо, когда их бригаду чествовали за производственные успехи! В такие минуты Хроленок словно на голову становился выше, внушительнее и солидней. Как-то на шахту прибыли с экскурсией детдомовцы. Седенький заведующий представил им Васю.

[1] Рогатка (коза) — шахтная вагонетка-платформа с четырьмя стойками по углам. Служит для перевозки леса.

— Товарищ Хроленок, воспитанник вашего детдома, а теперь шахтер!

Трудно было решить, чьи глаза светились в этот момент большим восторгом: Васины или детдомовских ребят...

Была еще одна любовь у Васи Хроленка. На тумбочке возле его кровати, всегда заботливо уложенный в футляр, стоял баян. Играть Вася научился в детдоме и с успехом выступал на вечерах художественной самодеятельности. А когда начал работать в шахте, из первой получки отложил на покупку баяна. Теперь у него был собственный баян, и жильцы общежития часто просили Хроленка выйти вечером в красный уголок и сыграть им что-либо новенькое. Но Вася неизменно начинал со своей любимой «Песни о баяне».

Пусть блещут планки перламутром!
Слезами вымой их, но верь,
Что скоро-скоро тихим утром
Твой друг откроет эту дверь!

Таковы были друзья Стрельникова по комнате и работе.

2

— А ну, сознавайся, кому очередь завтрак готовить? — воскликнул Брижатый.

— Мне, — заторопился Хроленок.

У ребят было давно заведено по очереди выполнять хозяйственные обязанности. В столовую в воскресенье ходили только обедать, а завтракали и ужинали в общежитии. Хроленок завернул в газету картошку и ушел на кухню. Не прошло и полчаса, как в коридоре раздался крик:

— Открывайте!

Алексей распахнул дверь. Неловко через тряпку держа обеими руками сковородку, Вася внес ее в комнату. От ломтиков румяной картошки несло теплом и вкусным запахом свиного сала.

Они не успели приступить к завтраку, как в дверь постучали, и звонкий голос Швеца провозгласил:

— Эй вы, сонные тетери! Открывайте людям двери...

— Заходи! — крикнул Брижатый.

Вместе с Кирьяном в комнату вошли братья Ивановы и Иван Горяев. Эта четверка жила в другом общежитии. Хотя оно и находилось невдалеке от шахты, но считалось менее благоустроенным, чем то, в котором жили Стрельников и его друзья.

— И не стыдно вам спать до сих пор? — поддел хозяев комнаты Швец.

Стрельников поглядел на вошедших. Все они были новичками в бригаде, и он еще не

знал их как следует, по крайней мере так, как знал Брижатого и Хроленка.

Братья Ивановы были очень похожи друг на друга. Рослые, носатые, с глубоко запавшими глазами, они отличались только тем, что у старшего, Прокопия, лицо было посуше, а у Кондрата полное и розовое. В первые же дни после прибытия на участок оба проявили свою хозяйственную жилку, деловито расспросили старых шахтеров о заработке, о том, на какой срок выдается спецодежда, полюбопытствовали, что можно купить в магазинах, а когда впервые пришли в комнату к Стрельникову, попросили показать им, какие у него костюмы и обувь.

— Мы тамбовские! — с важностью говорили они о себе, как будто эти два слова могли объяснить про них все. На работе они хотя и не знали многого, но ко всему порученному относились серьезно и рачительно, стараясь угодить самому строгому спросу. В общем, глядя на них, у всех создавалось впечатление, что эти тамбовцы, прежде ничего не знавшие о шахте, берутся за новое дело крепко и основательно.

Во многом непонятен был Стрельникову Кирьян Швец. Большелобый, с умными карими глазками, он со своей способностью складно и речисто говорить производил на первый взгляд приятное впечатление. Алексей знал, что он окончил три курса горного техникума, но почему-то ушел на производство и теперь учится заочно. Комитет комсомола считал его своим активистом: Кирьяну было поручено организовать драматический кружок. Но в поведении Швеца всегда проскальзывало желание быть на виду у всех, выделяться среди товарищей, и эта черта характера не совсем нравилась Стрельникову.

Больше всех интересовал Алексея Горяев. Высокий, хрупкий на вид, с тонкими чертами и застенчивым выражением лица, он, даже будучи одетым в спецовку, как-то выделялся среди шахтеров. Стрельникову хотелось сойтись с ним поближе.

— Шмотовская бригада опять добычу сорвала! — объявил Швец.

— Почему?

— Говорят, что с транспортом не ладилось. Ну да известное дело: нашего Макара и щепкой бьет.

— Тебя бы самого щепкой, — раздался в дверях голос Горового. — Да не щепкой, а дубиной...

— За что, Федор Степанович? — замигал глазенками Кирьян.

— За это самое... Вчера ты натяжную каретку[1] у транспортера крепил?

— Ну, я!

— Как же ты ее закрепил, если ее сразу с места сорвало, едва транспортер пустили?

— А чего они смотрели, когда смену принимали? — задиристо возразил Швец.

— Выходит, правым себя считаешь?

— Раз приняли, значит все в порядке.

— Эх ты, Кирюха, Кирюха! — с горечью в голосе произнес Горовой, подходя к столу. — Да разве в том дело состоит, чтобы кое-как свою работу спихнуть? Кому ты вчера свинью подложил? Думаешь, чужой бригаде? Нас ты всех осрамил. Ведь у нас все на доверии должно быть, а тебе, выходит, и доверять нельзя...

Швец начал было что-то торопливо объяснять Горовому, но бригадир махнул рукой, как бы считая, что разговор на эту тему окончен, и спросил Стрельникова:

— Алеша, рассказывай, что ты там придумал.

— Насчет чего?

— Как по-новому можно работать.

— Хорошо. Значит, вот так...

В этот момент в комнату вошли еще двое: Крамов и Багров. Появление парторга и начальника участка смутило Стрельникова.

— Да я еще кое-что не доделал... Чертежи тут надо... Графики... Не получается у меня.

— А почему ты к Багрову за помощью не обратился?

Крамов пристально поглядел ему в глаза. Алексей невольно отвернулся, почувствовав, что лицо его покраснело. «Не будешь же ему рассказывать, что они с Багровым соперники... из-за Тони...»

— Ну, ладно, — продолжал парторг. — Ближе к делу. Ты самую суть нам расскажи. А остальное сообща разработаем.

Алексей собрался с мыслями.

— Как бы это вам все получше объяснить? Ну, вот... У нас почему с комбайном не получается? Почему кровлю давит? Тихо лаву подвигаем. Уголь надо вынимать быстрее. Это как у штангистов. Нашего Колю на соревнованиях видели? Ну, вот. Он если выжмет штангу, так что двадцать килограммов поднимет, не больше. А если толчок сделает, так и все сто сорок одолеет. Вот и нам в лаве надо также работать — рывком. За сутки не половину цикла и даже не целую полоску угля комбайном вынимать, а сразу две. Тогда забой пойдет вперед полным ходом и лавы будут уходить от давления.

---

[1] Натяжная каретка — конечный барабан в конце транспортера, служит для натяжения цепи (в скребковых) или лент (в ленточных) конвейерах.

— Выходит, ты двухцикличный график предлагаешь?

Алексей кивнул головой.

— Многоцикличный график на Полисаевской шахте в Кузбассе уже применялся, — вставил замечание начальник участка.

— Что же! Тем лучше, — произнес Крамов. — Значит, опыт уже есть.

— Там условия работы совсем другие.

— Тогда тем более важно у нас его испытать. Как комбайн только? Обеспечит два цикла? — спросил парторг Горового.

— Машина хорошая. Не подведет.

— Я тоже думаю, что за этим дело не станет. Решаем! Вам, товарищи Стрельников и Багров, нужно разработать предложение в виде графика. Потом рассмотрим этот вопрос на производственном совещании.

— Хорошо, — согласился начальник участка.

Стрельников промолчал. На сердце было неспокойно. «Каким дураком он показал себя сейчас перед парторгом... Графика не мог набросать... Теперь помощь навязали. И главное, кого. Багрова... Того, кто ему поперек дороги в отношениях с Тоней становится. Нет! Так дальше не пойдет. Советовали ему, дурню, еще осенью в вечерний техникум экзамены держать. Побоялся, не выдержит. Вот теперь и спрашивай обо всем Багрова. Нет уж, дудки! На шахте вечерние курсы по подготовке в техникум организуются. Завтра же запишусь!»

Глава шестая

1

Иногда Багрову казалось, что все было только вчера: и институт, и лекции, и шумные студенческие аудитории, и книги, много-много разных книг, которые требовалось изучить, чтобы (как это полагали мудрые профессора и ученые) руководствоваться потом ими в будущей работе и жизни. И в то же время было это далеко-далеко, где-то там в преддверье жизни, а сама жизнь, как чувствовал Багров, уже давно умчалась вперед. И эта странная раздвоенность времени, выражающаяся то в кажущейся близости и осязаемости студенческих лет, то в том, что они отодвигались куда-то в далекое прошлое (хотя и за спиной-то всего двадцать четыре года), вызывалась только одним: огромной разницей между тем, чему учили книги, и тем, с чем приходилось сталкиваться каждый день, каждый час, здесь, в шахте.

Порой ему в голову приходили кощунственные мысли. Так по крайней мере он считал. Зачем нужно было изучать интегральное и дифференциальное исчисления, долгие часы проводить за выполнением лабораторных работ, решать задачи по теоретической механике, когда ничего этого на практике не нужно ни ему, ни даже таким руководителям, как Самарин и Полозов? Что из того, что он ломал голову над замысловатыми вопросами начертательной геометрии, рассчитывал скорость резания угля зубками врубовой машины, определял освещенность рабочих мест в единицах освещения — люксах, если за целый год после окончания института ему лишь дважды пришлось составить паспорт крепления, весь расчет которого свелся к вычислению объема расхода леса, да еще высчитать нормы выработки на новые забои. А ведь другие молодые инженеры и техники не делали даже этого, занимаясь лишь составлением и проверкой рапортов.

Много важных дисциплин пришлось изучить Багрову за время учебы в школе и институте, среди них была даже такая, которая называлась «организация производства». Доцент, читавший этот курс, отзывался о нем с важностью, говорил студентам, что «эта наука сближает вас с практикой». Но и прослушав организацию производства, Багров не вынес из нее ничего, что бы могло ответить на те вопросы, с которыми приходилось встречаться на практике. «Организация производства» отвечала на вопросы, как составить тот или иной график, как произвести расстановку рабочей силы, какой режим избрать, чтобы добиться наиболее высоких технико-экономических показателей. Но в ней ничего не говорилось о том, как работать с людьми. Что делать, если срывается доставка леса или не вышел на работу запальщик, а лава не взорвана? Как добиться выполнения плана? А ведь такие люди, как Горовой, не имеющие даже среднего образования, умело и быстро решали все эти вопросы. Пожилой начальник участка № 4 Валиулин, обучавшийся всего лишь на шестимесячных курсах, изо дня в день выполнял план, а наряд у него всегда проходил тихо, без шума и крика, не как у них, на втором. Да! Школа и институт учили многому, но только не умению руководить. Институт выпускал инженеров, но во вкладышах их дипломов в числе сданных дисциплин не значилось той, которая называется «руководство». По этой дисциплине оценку ставил самый суровый преподаватель — жизнь.

И, сталкиваясь с жизнью шахты, Багров еще и еще раз убеждался, каким наивным

мальчиком был он, когда после окончания десятилетки решил поступить в горный институт. Поступил в него не из-за истинного влечения к горному делу, а лишь потому, что труд шахтеров считался почетным, о горняках и шахтах всегда много и приподнято писали в журналах и газетах, во всем этом было что-то героическое.

Вспомнились первые месяцы работы на шахте. Они остались в памяти главным образом как перечень целого ряда ошибок и неудач. Однажды на практике в Кузбассе его отправили в шахту за старшего с тремя слесарями, чтобы перетащить насос для откачки воды из затопленного штрека.

— Мы, товарищ практикант, за трубами пойдем. Хорошо? — попросился пожилой слесарь. Он отпустил их, и один полсмены возился по колено в воде, весь измазался в ржавчине и глине, отсоединяя насос и устанавливая его на тележку. А когда пошел искать остальных, то нашел их наверху, недалеко от шурфа, где они дремали, греясь на солнышке. Как оказалось, трубы были давно на месте. И потом ему же досталось от начальника участка за то, что он отпустил слесарей.

В другой раз механик поручил ему перегнать из забоя в забой углепогрузочную машину. А у него не хватило смелости сознаться в том, что не умеет управлять ею. В институте на изучение этой машины отводилось всего четыре часа, и за это время студентов успевали только познакомить с устройством и кинематической схемой. Он так бы и не выполнил данного поручения, если бы случайно зашедший в забой проходчик, видя его полную беспомощность, не включил и не погнал машину сам. Но каким презрительным взглядом окинул он при этом молодого практиканта! В нем можно было ясно прочесть: «Чему только вас там учат?»

Но особенно запомнился ему случай, который произошел уже здесь на шахте № 8-бис, на третьем участке, в лаве. Он работал горным мастером. Надо было перетащить привод[1]. Ночью горным давлением крепь была почти совсем раздавлена, толстые рамы опустились на мотор, путь передвижки был заставлен стойками. И, как на грех, в эту смену не у кого было спросить совета. Начальника вызвали на совещание, бригадир болел. Вместо того, чтобы сначала поставить новое крепление, обеспечив свободное пространство для передвижки привода, Багров распорядился начать вырубку старой крепи. Они уже расчистили площадку и собирались тянуть привод, когда в лаву пришел начальник участка. В лаве было тихо, не слышалось ни треска, ни грохота, как бывает, когда оседает кровля. Только два—три комочка аргиллита упали на расчищенную дорожку. И тем неожиданнее и страшнее прозвучал неистовый крик начальника участка:

— Уходи! Завалится!

Кто-то дернул Багрова за рукав, он споткнулся и вылетел ничком на конвейер. И в тот же момент лава словно вздохнула, и на место, где только что они стояли, рухнула гора породы.

— Эх ты, сосунок! — сказал без всякой злобы начальник участка, довольный тем, что люди живы и невредимы. — Да разве так кто делает? Верную смерть себе и людям подготовил...

А все-таки с каждым днем пребывания в шахте она становилась ему ближе и роднее. И он нисколько не завидовал тем («ловчилам» как их называли), которые после окончания института всякими правдами и неправдами сумели устроиться в Ленинграде. Багров знал некоторых из них. Один, боясь шахты, пошел даже на то, что устроился с помощью дяди продавцом в киоск газированных вод, и некоторые любопытные студенты младших курсов устраивали специальные экскурсии, чтобы лицезреть деятеля торговли безалкогольных напитков с дипломом горного инженера в кармане. Да и какого института! Института, который воспитал целое поколение русских ученых в области горной науки. И Багров не скрывал ни от кого, что он гордится тем, что окончил высшее учебное заведение, из стен которого вышли Обручев, Терпигорев, Карпинский.

Что ж делать, если на пути к тому, чтобы стать настоящим инженером, настоящим руководителем, встретилось так много трудностей, испытано столько неудач, а впереди их, может быть, будет еще больше? Что же теперь? Бросить шахту? Переучиваться? Ведь учиться никогда не поздно... Нет! Багров еще не сбит с ног противником, как бывало раньше в институте на занятиях по боксу. Он еще поборется. Его, как говорится, заело! Начальник шахты Полозов, послав его на отстающий участок, пожелал на прощанье: «Попробуйте справиться!» А он не желает пробовать! Он хочет и должен справиться. Во что бы то ни стало. При любых обстоятельствах.

---

[1] **Привод** — агрегат, приводящий в движение (в данном случае транспортер) и работающий от присоединенного к нему электромотора.

2

Багров оторвался от своих мыслей. Торопливо глянул на часы. Батюшки! Да он уже полчаса тому назад вернулся от молодых горняков и все еще сидит за столом. Даже не разделся. А ведь сегодня выходной день. Можно отдохнуть по-настоящему. И главное — впереди такая работа. Новый график на два цикла в сутки. Здесь есть над чем подумать! Предложение, безусловно, смелое. Конечно, они сами без него, Багрова, такой вопрос не разработают. Ну и что ж! На то его и учили. А может, все-таки позвать когонибудь, посоветоваться? Ну, хотя бы этого... Стрельникова. Он на вид неглупый парень. Только стоит ли? Чем он поможет? Ни рассчитать, ни начертить, ничего он, конечно, не сумеет. На одно только и оказался способным, что мысль подал, а как спросили о графике — сразу смутился. Ладно! Обойдусь и без помощи.

Вскоре Багров уже сидел за столом, склонившись над графиком. По расчету все получалось неплохо. Вот только резерва времени почти нет, все идет одно за другим впритык. Тут уж надо добиваться большей четкости в работе. Пожалуй, Горовому не придется больше так щепетильно относиться к обеспечению участка порожняком и лесом. А то он все хочет, чтобы его бригаду не выделяли среди других, не ставили в преимущественное положение. Багрову до сих пор не понятно, что это? Действительно ли проявление высокой честности в соревновании или только внешняя показная сторона, чтобы все потом сказали: «Вот, мол, какие мы сознательные!..» Но все-таки как хорошо получилось, что такая бригада организована именно на его участке. Если то, что заложено в самой идее ее создания, довести до конца — большие дела можно будет делать. Ведь вот раньше, когда в лаву привозили лес, горные мастера пересчитывали, сколько лесин в каждой рогатке, иначе лесовозы обязательно обсчитывали их с целью приписки объема работы. А теперь в бригаде Горового сами лес считают и даже повторно использованный учитывают, тот, что вытащен из завала, причем точнее, чем любой десятник сделает.

От бригады Горового мысли Багрова перекинулись к Тоне. Она ему нравилась. Развитая, начитанная, пожалуй, даже более начитанная, чем он сам. С ней приятно и весело провести время, и, главное, свободно, не то, что с другими девушками, которые ведут разговор и о том, и о сем, а в глазах у самих словно написано: «Посватаешься, инженер, или нет?».

В дверь постучали. Голос старушки вахтера произнес:

— Вас к телефону.

В трубке что-то забулькало, женский голос нетерпеливо спросил:

— Это общежитие? Мне инженера Багрова... Константин Павлович? Я вас жду... Помните, вы обещали зайти ко мне.

— Это Полина Васильевна?

— Наконец-то узнали!

Багров недовольно поморщился. В самом деле, он обещал сегодня зайти в контору к нормировщице Полине Васильевне Евстратовой. Она собиралась в выходной день закончить какую-то срочную работу и просила его о помощи.

— Вы в отделе нормирования? — спросил он.

— Как раз нет... Я вам звоню с квартиры. Подходите к дому специалистов. Я встречу вас на улице.

— Хорошо! — ответил Багров и стал собираться. «Интересно, — думал он, выходя из общежития, — составили ли ребята график? И какой он? Есть ли в чем разница с моим?»

3

Несмотря на то, что декабрь уже прижимал морозом, на улицах было по-праздничному людно и оживленно. Под ногами десятков пешеходов хрустел молодой свежий снег. Ярко светило, но совсем не грело невысокое зимнее солнце. Навстречу Багрову, почти загораживая улицу, шагала компания загулявших горняков. Высокий парень в заломленной набекрень шапке-кубанке, из-под которой лихо вился чуб, наигрывал на баяне. Шустрая старушонка то и дело выскакивала вперед, порываясь сплясать, но красивая и нарядная женщина все оттаскивала ее за руку назад, ласково уговаривая: «Брось, тетка Аксинья!» На втором этаже восьмиквартирного дома тоже шла гулянка. Через открытую форточку доносилось нестройное пьяное пение. У крыльца сидел в одной рубашке и без шапки косматый парень, уткнув голову в колени, а рядом с ним, накинув на голову шаль, стояла девушка и что-то быстро-быстро говорила ему. То и дело Багрову встречались приодетые по случаю воскресенья шахтеры, многие здоровались с ним, и молодой инженер с удовольствием отмечал, что вне работы они приветствовали его запросто, как старого знакомого. Большая толпа стояла около магазина. Мимо нее на своем закрепленном рысаке

лихо прокатил главный инженер шахты Самарин.

— Катается главный! — ехидно заметил коренастый шахтер, кивнув в сторону уносящейся по улице кошовки.

— А чего ему больше делать! Оклад теперь прибавили, знай катайся. Так, что ли, инженер? — подмигнул его товарищ Багрову.

Наконец Багров дошел до площади, где жила Евстратова. Она, ожидая его, стояла на тротуаре около закуржавевшего палисадника. В фетровых ботиках, черной блестящей дошке и модной шапочке, она показалась ему особенно изящной и привлекательной. Да и в самом деле Полина Васильевна была хороша собой. Это еще резче бросилось ему в глаза, когда они вошли в ее квартиру. Черты лица ее были не совсем правильны, но именно в этой неправильности таилось манящее, интригующее. Рот был немного крупноват, но, глядя на него, Багров невольно подумал, что эти губы ждут поцелуя. А темные-темные глаза смотрели так пристально, что прочесть в них, о чем думала хозяйка, как ни хотелось, было невозможно. И вся она была легкая, тоненькая, миниатюрная. Крепкий аромат духов шел от ее рук, и Багров, на какое-то мгновение сравнив ее с Тоней, решил, что это сравнение не в пользу библиотекарши.

— Вот мое скромное жилище! — произнесла Евстратова, раздеваясь.

Впрочем, жилище вовсе не было скромным. Нормировщица одна занимала отдельную квартиру из двух комнат и кухни, в которой с успехом могла проживать целая семья. Квартира Евстратовой не раз становилась объектом споров и претензий со стороны нуждающихся в жилье, но всегда неизменно оставалась за нормировщицей, которая каждый раз заявляла, что ждет приезда больной матери и сестры. Поддержку ей обычно оказывал Кузин, но иной раз заступался и сам Полозов.

Комната, в которую они вошли, была заставлена всевозможными безделушками из стекла, фарфора и ракушек. На стенах висели вышивки. Вышивкой были отделаны портьеры на дверях и чехлы на диване и стульях.

— Все моя работа! — пояснила Полина Васильевна. — Чем иначе заняться по вечерам одинокой женщине?

— Я насчет нашей работы... — начал Багров.

Полина Васильевна мило и немного виновато улыбнулась.

— Вы, может быть, сердитесь на меня, Константин Павлович. Но я... Но мне так хотелось, чтобы вы побывали у меня... Одним словом, воскресная работа была только предлогом... Вот видите, я и созналась в своей маленькой лжи... Вы сердитесь? Скажите... Только откровенно. Сердитесь?

— Право же... Я думал... Вы говорили так серьезно... Впрочем... Ловко вы!

И Багров расхохотался. Полина Васильевна тоже рассмеялась и от этого только похорошела. На полных щеках ее появились забавные ямочки.

Багров уже пережил свою первую любовь, и поэтому в его отношениях к женщинам появилась некоторая настороженность. Еще на первом курсе он по-юношески безотчетно и пылко влюбился в однокурсницу Липу Рябцеву. Это была стройная, зеленоглазая девушка с пышными волосами, небрежно рассыпавшимися по плечам. Ей нравилось внимание, которое проявлял к ней Багров, один из лучших студентов группы, и она, умело кокетничая, часто пользовалась его помощью в трудные минуты контрольных работ, на экзаменах и даже при выполнении домашних чертежных заданий. Окруженная толпой поклонников, она не очень большое внимание уделяла науке. И после второго курса не вернулась с практики, предпочтя назваться инженершей, женой крупного специалиста, чем еще три года корпеть в институте и самой стать инженером. Багров мучительно переживал свою любовную драму. Однажды года через три на каком-то торжественном юбилейном вечере в институте Багров встретил ее в танцевальном зале и не узнал. Вместо тоненькой глазастой девочки перед ним стояла располневшая, изрядно подкрашенная дама, с медлительной важностью в движениях. Он так растерялся, увидев эту перемену, что не знал даже, о чем с ней говорить, и после односложных расспросов тихонько ушел с вечера. Странное дело, но после этой встречи Багров почувствовал, что груз, тяготивший его, спал, словно никакой любви никогда и не было.

...Три часа, проведенные у Полины Васильевны, прошли незаметно. Евстратова сумела занять гостя так, что Багров, вначале чувствовавший себя несколько скованно, под конец разговорился с хозяйкой совсем запросто. Она умело находила тему для разговора то о шахте и общих знакомых, то о прочитанных книгах, и инженер, сам того не замечая, увлекся беседой, пока не наступили сумерки.

— Ну и засиделся я у вас! — спохватился он.

— Посидите еще хоть минуту! Я и так всегда одна...

«Кто этому поверит, — подумал Багров.— Для этого ты слишком хороша!» Она словно читала его мысли.

— Думаете, что красивая женщина не может быть одинокой? Напрасно... У меня есть на свете из близких только мать и сестра. После неудачного замужества... Ну да об этом сейчас говорить не стоит. В восемнадцать лет это случается со многими. Встретишь интересного человека и вот уже кажется — это тот, о ком мечтала, кого желала... Теперь и расплачиваюсь за свою ошибку...

Выходя из подъезда, Багров заметил, что справа и слева у соседей занавески на окнах отодвинуты.

Любопытных глаз в поселке было не счесть.

Глава седьмая

1

Ослепительно сверкал снег, радужные сполохи вспыхивали на обледенелых скатах холмов, нежными красками были выписаны небо, облака, сосны, вереницы далеких зданий. Куржак инея садился на брови и веки, приятно охлаждая разгоряченное быстрой ходьбой лицо. Золотистые, нестерпимо яркие солнечные лучи искоса били в глаза, согревая краешек уха и щеку.

Отсюда, с возвышенности, город казался Стрельникову незнакомым. Непривычными для взора были очертания многих зданий, улиц, площадей. В неуклюжей каменной громаде он не сразу угадал школу, в которой учился, не сразу сообразил, что большое белое овальное пятно у дымящегося террикона — это всего лишь запорошенный снегом пруд, а площади с рядами крошечных построек и россыпью черных движущихся точек — запруженный народом рынок.

Но эта новизна, с которой представали теперь перед ним такие, казалось, издавна изученные и вдоль и поперек исхоженные улицы ставшего родным города, не удивляла, а радовала Алексея, как радует молодость все необычное и новое.

Все эти дни он чувствовал себя донельзя счастливым. Никогда еще Тоня не бывала с ним так ласкова и приветлива, как будто девушка хотела вознаградить его за муки ревности, испытанные им в тот вечер, когда она танцевала с Багровым.

И поэтому светлое радостное сияние зимнего дня как нельзя лучше отвечало душевному состоянию молодого шахтера.

Он озабоченно посмотрел на часы. Тоня должна была подойти с минуты на минуту. Вчера она сама назначила встречу именно здесь у ворот городского Дома культуры. Почему же она запаздывает?

Ладони в ворсистых рукавичках неожиданно закрыли ему глаза.

— Тоня, ты?

Осторожно сжав охватившие его голову девичьи руки, он развел их и ловко повернулся назад. Сиянье в его глазах померкло. Перед ним стояла мотористка Фрося.

— На свиданье пришел? — глядя на него в упор черными бездонными глазами, спросила девушка.

— А хоть бы и на свиданье!

— С библиотекаршей?

— Тебе-то что?

Она ничего не ответила и, как будто бы не заметив грубого тона его голоса, ласково произнесла:

— Ты мне насчет учебы хотел помочь, Алеша... Учиться мне надо. Все знакомые девчата в вечернюю школу записались... Вот и я...

И тут же умолкла, потому что Алексей совсем не слушал ее, устремив взгляд в глубину улицы, где из-за поворота у запорошенных снегом кустов акаций показалась стройная девичья фигурка.

— Ты опоздала... — упрекнул он девушку, когда они, наспех простившись с Фросей, отошли в сторону.

— Тебе, кажется, здесь не было скучно...

— Но Фрося подошла совершенно случайно! — оправдывался Алексей.

Однако Тоня обиделась. Она выдернула подхваченную им руку и демонстративно остановилась.

— Зачем ты повел меня сюда? Мне надо в поселок.

— Тонечка! — как можно ласковее произнес он. — Ты сердишься? Неужели ревнуешь?

— Не говори глупости!

Алексею показалось, что все вокруг померкло и светлые краски солнечного дня уже не были такими яркими, как несколько минут назад.

Помахивая сумкой, в которой лежали книги, Тоня резко повернулась и быстро зашагала вперед.

2

Тоня Калаева часто задумывалась над тем, а правильно ли она выбрала себе дорогу в жизни, став библиотекарем. С детства она любила книги. Читала их запоем, без разбо-

ра: и завлекательную приключенческую литературу, которая обладала тем удивительным свойством, что моментально выветривалась из памяти, и серьезные, глубокие произведения классиков, после прочтения которых казалось, что среди окружающих людей непременно должны встретиться герои этих книг, такими живыми рисовались они в воображении. Будучи еще школьницей, она завидовала девушкам, которые работали в городской библиотеке. Счастливые! Они каждый день общались с книгами, могли читать любую. А ей до шестнадцати лет многие книги были труднодоступны, и, заметив такую книгу у нее в руках, родители отбирали ее, говоря назидательным тоном: «Рано тебе ее читать»!

Но Тоня все-таки доставала эти запретные для нее книги через подруг и знакомых, тайком от матери и отца прочитывала их за один вечер. И хотя в большинстве книг описывалась чужая жизнь, другие люди и другое время, ей хотелось найти в них кое-что для себя. И, читая об отношениях, чувствах и поступках героев, она ставила себя на их место, воображала, как в таком случае сделала бы или поступила она.

К моменту окончания школы перед ней не возникал вопрос, где учиться дальше. Было ясно одно: там, где ближе к книгам. И Тоня поступила в библиотечный техникум. Ей часто вспоминался день, когда она сообщила о своем решении подругам.

— Тонечка! Ты решила стать библиотечной крысой!.. Это серьезно? Да ты с ума сошла! — изумлялись они.

— А вокруг так много интересного.

— Я стану летчиком! — гордо заявила пышноволосая блондинка Люся.

— А я буду знаменитым хирургом! Как Пирогов! — восторженно тараторила полненькая хохотушка Нина.

— А я выучусь на геолога и поеду искать алмазы.

— А я посвящу себя изучению органической химии! — с достоинством сказала, блеснув очками, всегда серьезная Рая.

А она все-таки ушла от этих замечательных, суливших блестящее будущее дорог, свернула на свою неутоптанную, стороннюю тропку и стала библиотекарем. Иногда она встречалась со своими школьными подругами или узнавала об их судьбе от общих знакомых. Правда, не у всех осуществились их высокие замыслы. Блондинка Люся стала не летчиком, а всего лишь женой одного из служащих аэропорта. Но муж ее, с которым она шла под руку, был одет в нарядный форменный китель и фуражку с эмблемой авиации, и этого было достаточно, чтобы она на приветливое «Здравствуй, Люся» удостоила Тоню едва заметным кивком. Рая действительно поступила в университет на химическое отделение и, встретившись с Тоней, неторопливо и важно рассказала, какие сложные науки ей приходится изучать, как требовательны к студентам профессора.

— А ты все еще в библиотеке? — сочувственно спросила она, словно Тоня отбывала какую-то тяжкую повинность. — У тебя, случаем, нет ли чего-нибудь по химии углей, — начала было Рая и тут же, махнув рукой, улыбнулась, что бывало с ней крайне редко.— Впрочем, смешно требовать, чтобы у тебя могло быть что-либо подходящее для меня.

И хотя «подходящее» в библиотеке у Тони было, имелись и книги по химии углей, которыми пользовались работники шахтной лаборатории, но она не предложила Рае ничего. После этой встречи в сердце остались только обида и боль.

Здесь, в библиотеке, она впервые поняла, что люди так же различны, как книги, ни один не походил на другого. По книгам она узнавала человека, догадывалась о его склонностях и характере. Она знала, что солидный и степенный главный бухгалтер Климович читает только приключенческую литературу, а старичок сторож Вахромеев берет только классиков, трудолюбиво одолевая все по порядку от всех известных романов и кончая перепиской писателей. А молодежь больше всего любит читать про современность, и для нее иное даже довольно серенькое произведение, написанное о наших днях, становится предметом самого острого обсуждения.

Тоня любила свое дело, но в последнее время все чаще задумывалась, а приносит ли она на своем скромном библиотечном посту пользу людям, человечеству? А что делает она для строительства коммунистического общества?

Она читала в газетах о замечательном, героическом движении молодежи, которое охватило всю страну. Как в годы гражданской войны, когда на дверях комсомольских райкомов оставляли надпись: «Райком закрыт. Все ушли на фронт», как в годы первых пятилеток, когда эшелоны комсомольцев ехали строить новые города на Севере и Дальнем Востоке, так и теперь тысячи и тысячи юношей и девушек героически поднимали алтайскую целину, трудились на стройках Сибири. Жизнь звала на новые подвиги и слагала новые песни. И на смену той, в которой когда-то пелось о том, как...

Уходили комсомольцы
На гражданскую войну...

приходили другие, такие же восторженные и немного грустные, такие же героические и теплые, но в них уже пели:

Вьется дорога длинная,
Здравствуй, земля целинная!..

И вчерашние счетоводы, школьники, официантки, учетчики становились трактористами, комбайнерами, прицепщиками, штукатурами, плотниками, монтажниками, электросварщиками, горняками. Но в газетах не писали, что кто-то из них пошел работать библиотекарем...

А она, Тоня Калаева, в это бурное время, когда все вокруг кипело, устремлялось вперед, все так же серенькой мышью сидела в своей библиотеке, где так уютно и тепло по вечерам, в то время как сотни и тысячи таких, как она, в эти часы сваривали балки на леденящем ветру или шли через тайгу навстречу снежной пурге.

Может быть, ей бросить это привычное место у широкого книжного прилавка, где всегда толпятся люди и главным образом молодежь, и тоже взять в руки мастерок и начать штукатурить стены? Тоня знала, что среди этих юношей и девушек были такие, которые приехали сюда в Сибирь издалека, именно так, как пишется в газетах: по зову сердца. Вот братья Ивановы из бригады Горового из Тамбовской области. Приехали сюда учиться в горнопромышленное училище и, окончив его, остались на шахте. А Иван Горяев ленинградец. Приехал в Сибирь, чтобы поступить в горный институт, думал, что на окраине попасть легче, но срезался, не набрал нужного числа баллов и теперь работает простым шахтером. Они приехали и одними из первых пришли сюда, к ней, в библиотеку. И когда она чувствовала, как искренне хотят они приобрести в ней чуткого советчика, друга, который поможет им отыскать нужные для них книги, разобраться в них, найти ответы на то необъятное количество вопросов, которые возникают в годы становления человека в жизни, ей хотелось верить, что здесь, в библиотеке, она на своем месте. Ведь надо же кому-то быть и библиотекарями, и счетоводами, и кассирами, как старенькая Клавдия Александровна, которая выдает шахтерам деньги вот уже двадцать лет. Только надо любить свое дело, верить в него, делать все так, чтобы твоя работа помогала людям, радовала их и они становились ближе друг другу, улыбчивей, чище.

3

Нет, не зря придумал наш народ поговорку: «Милые бранятся — только тешатся!» Алексей и Тоня еще не успели спуститься с холма к рабочему поселку, как девушка, обернувшись, спросила как ни в чем не бывало:

— Что же ты отстаешь, Алеша?

Словно это не она сама несколько минут назад убыстряла шаг, отходила в сторону, лишь бы не идти с ним рядом. Алексей поглядел на спутницу. Выражение лица у нее было ласковое, немного виноватое. И он почувствовал, что не в силах сердиться на нее.

— День-то какой хороший, Тонечка! — ответил он, подхватывая ее под руку. — А куда, собственно говоря, мы идем?

— К старичку Вахромееву... Книги ему несу. Болен он, — пояснила девушка.

Алексей хорошо знал старичка сторожа. Не было того дня, когда бы он не приходил в библиотеку, всегда в одно и то же время, к открытию. Тоня входила в фойе, а он уже поднимался ей навстречу с книгами в руках. Первым переменив книги, брал газеты и журналы и уходил в дальний угол, где усаживался за старым фикусом и просиживал там весь вечер до того момента, когда она выходила в читальню, чтобы навести порядок на столах. И вот посещения его прекратились. Было даже как-то странно не видеть знакомой лысины, склонившейся над столом, не слышать тихого старческого покашливания. И Тоня решила узнать, что со стариком, навестить его вместе с Алексеем.

С трудом отыскали молодые люди старый, готовящийся к сносу барак, где по обеим сторонам холодного грязного коридора располагались комнаты-квартиры.

Алексей постучал. Ответа не было. Он дернул за ручку, дверь оказалась незапертой. Они вошли в неуютную, нетопленую кухню, которая отделялась от жилой комнаты дощатой перегородкой. В углу на кровати, закрывшись с головой одеялом и полушубком, лежал человек.

— Кто там? — обеспокоенно спросил он, высовывая из-под полы полушубка взлохмаченную голову. — Вы?! — изумленно уставился он на Тоню. — Ах, да! Я, наверное, книги просрочил, — виновато произнес он. — Так я их непременно бы с соседкой послал. Простите, пожалуйста...

Он порывался встать с постели.

— Лежите, лежите! — предупредила его Тоня. — Я ведь не за книгами, — сказала она

старику. — Мы, наоборот, новые вам принесли.

Девушка протянула ему два темно-зеленых томика Мамина-Сибиряка. Старик умилился. В глазах у него выступили легкие старческие слезы.

— Спасибо! Такое вам, Тоня, спасибо, что не знаю, как и высказать. Книги-то для меня это... — он потряс головой. — Как это у Горького Алексея Максимовича сказано... Хорошая книга — это праздник. Теперь и выздоравливать легче!

— А ты что же сидишь, Алеша! — спросила вдруг его Тоня. — Видишь, какая холодина в комнате. Пойди затопи плиту.

— Что вы! Что вы! — забеспокоился старик. — Не к чему это. Скоро соседка со смены придет, затопит. А то и я сам...

— Врач был? — не обращая внимания на протесты старика, спросила девушка. — Не разрешил вставать? И лекарства есть? Ну раз так, значит, лежите и читайте.

Алексей растоплял плиту. Сырые щепки никак не загорались. Он раздул слабый огонек и, не замечая, что измазался в саже, радостно повторял про себя:

«Тонечка... Милая Тонечка!»

— Что ты тут шепчешь? — спросила девушка, выглянув из-за дверной занавески. И, увидев его пятнистое от сажи лицо, тихонько засмеялась, прикрывая рот кулачком. — Да ты, Лешка, настоящий трубочист! — И, присев на корточки, принялась вытирать сажу смоченным в воде платочком. Лицо ее было так близко, что он не удержался и поцеловал ее в губы. — Сумасшедший! — прошептала она и погрозила пальцем, кивнув в сторону комнаты, где находился старик.

А он видел, что Тоня, как и он, рада сегодняшнему дню и тому, что он поцеловал ее в чужой кухоньке, и их походу с книгами к старому сторожу, и тому, как быстро, словно легкая тучка, набежала и исчезла между ними минутная ссора, ибо она все равно не могла заслонить собой радость, наполнявшую их сердца.

Глава восьмая

1

У кабинета помощника начальника шахты Матвея Абрамовича Кузина, как всегда, толпилось много народу. Под предлогом усиления контроля на шахте был заведен порядок, что даже требование на рукавицы без подписи Кузина считалось недействительным. И эта постоянная зависимость от него многих людей придавала ретивому хозяйственнику самое высокое мнение о значении собственной персоны.

Когда Горовой и Стрельников подошли к кабинету, Алексей хотел пройти вне очереди, но Федор одернул его, показывая на ожидавших:

— А они чем хуже?

В это время выходящая из кабинета женщина распахнула дверь и зоркие глаза Матвея Абрамовича увидели Горового.

— Федор Степанович! Проходи, милый, проходи! — замахал он приглащающе рукой. Приветствуя шахтеров, он привстал и потряс каждому руку.

— Знатному бригадиру мое почтение! С чем изволите? Всегда готов помочь...

— Вы бы лучше очередь вперед отпустили, — посоветовал Федор.

— Ох, запарился, Федор Степанович, запарился! Думаете, я людям враг, что в очереди их держу? Рад бы всех скорее отпустить, не успеваю!

— А вы лишних бумажек не подписывайте, вот и очереди не будет, — снова дал совет Горовой.

— Что вы, товарищ Горовой! Да как же без бумажек-то! Ведь все это документы... Тут роспись нужна, там резолюция... Нет, нет! Уж с чем-чем, а чтобы без этого обойтись можно было, не согласен. Ну, кто там следующий? — крикнул он в дверь.

Алексей не раз и раньше бывал у Кузина, но теперь с любопытством наблюдал, с какой важностью и значительным видом встречал он каждого посетителя. Члену шахткома проходчику Сафьянникову он без промедления подписал требование на несколько кубометров леса для постройки индивидуального дома, а старику пенсионеру отказал в кубометре дровяных отходов.

— Как же это? — огорчился старичок, дрожащей рукой держа заявление, на котором синела крупная надпись: «Отказать. Кузин». — Да я на этой шахте с самого начала работал. Неужто все забылось?

— Много вас ходит таких, — пренебрежительно отвечал Кузин. — Шахта не солнышко, всех не обогреет.

— Да я!.. Да ты!.. — возмутился старик. — Знаешь, кто ты? Бюрократ несчастный! Когда шахту эту я закладывал своими руками, думал разве, что такие, как ты, на ней появятся.

— Матвей Абрамович! Подпиши... — требовательным тоном сказал Горовой. — Это же Токарев... Прокопий Наумович...

— А ты меня помнишь? — обрадовался

старик, подслеповатыми глазами вглядываясь в Горового.

— Помню... Помню... С батькой моим работал.

— А ты кто? Горового сынок? Федя? Экось, не узнал я...

Когда старик вышел, Кузин с обиженным видом сказал Федору:

— Вот тоже обижается!.. А разве у него на лбу написано, что он какой-то известный в прошлом Токарев. У меня специальный списочек имеется насчет всяких именитых. А его там нет. Теперь учту.

И он записал фамилию старичка в листок настольного календаря-пятидневки. Прием задержала женщина с ребенком на руках. Она недавно поступила работать на эстакаду выборщицей породы.

— Вот, возьми! — резко сказала она, ставя закутанного в шаль ребенка на стол Кузину.

— Ну-ну! Ты оставь это... — заслоняясь от женщины рукой, огорошенно произнес тот.

— А я говорю, возьми! Раз не устраиваешь дите в детсад, значит, сам и бери. Мне с четырех на работу, а его не с кем оставить. Что прикажешь делать?

— Первые дни с кем оставляла?

— С бабушкой оставляла, а она больна...

— Да я же тебе русским языком объяснял — нет в детсаде мест...

Шаль размоталась и упала. Малыш любопытно смотрел на блестящий бритый череп сидевшего за столом человека.

— Что ж делать с тобой! — сокрушенно произнес наконец Кузин. — Ладно, напишу заведующей, пусть как-нибудь втиснет сверх комплекта...

Наконец прием окончился.

— Чем могу служить? — спросил Кузин.

— С общежитием у нас дело неладно, Матвей Абрамович, — сказал Горовой. — Часть бригады живет в первом, а часть в четвертом. К тому же в первом общежитии порядка нет. Пьянки, грязно, отдых не организован как положено.

— Знаю, знаю! Говорил мне о вас парторг. Такое положение легко исправить. Для вашей бригады на все готов. Сколько из ваших живет в первом? Четверо? Ладно... А насчет порядка в первом — сделаем. Я коменданту накажу. Он этих смутьянов оттуда всех повыбросает — и баста. А ваших мы устроим... Вот вам письменное распоряжение! В четвертом образцовом три комнаты — вторую, третью и четвертую — для ваших ребят освободить, тех, кто там живет, перевести в первое... Для них сойдет!

— Нет... Так не годится! — сказал Алексей.

— Как так? Самые лучшие комнаты выделяю... Инженеры в них раньше жили...

— Ты нас, Матвей Абрамович, неправильно понял, — пояснил Горовой. — Нас в особое положение ставить не надо. Дай нашим ребятам три комнаты в первом... Только всем вместе.

— А сами еще говорили — порядка там нет, грязно! — недоумевал Кузин.

— Не было порядка, так будет! — сказал Алексей.

— Ну, что ж. Как желаете! Не неволю, — неискренне заулыбался хозяйственник.

2

Вход в первое общежитие был со двора. Когда Горовой, Стрельников, Брижатый и Хроленок поднимались на крыльцо, на втором этаже кто-то открыл форточку и выбросил из нее мусор чуть не на головы пришедших. Ребята жили в разных комнатах. Алексей постучал в дверь той, где жил Иван Горяев. За дверью послышалось шлепанье босых ног. Щелкнул замок. Горяев встретил их в одних трусах. Он, видимо, отдыхал на неразобранной кровати. На столе в газете среди крошек и кусков хлеба виднелась раскупоренная консервная банка и недопитый стакан с водой. На тумбочке были кучей сложены газеты и книги. Соседи Горяева еще не пришли со смены.

На Алексея, недавно покинувшего свою уютную и чистенькую комнату с ковриком над кроватью, с этажеркой и гардеробом в углу, эта комната произвела тягостное впечатление.

— Ну вот, все и устроилось! — сообщил он Горяеву.

— В четвертое переезжать будем? — весело спросил Иван.

— Наоборот... К вам все переедут.

— Жаль... — сокрушенно покачал головой Горяев. — Там у вас общежитие мировецкое... Показное... Начальство за ним следит... Все дают. Биллиард есть, радиола, баян... Чуть не в каждой комнате радиоприемники. А у нас репродукторы и то не везде...

В поисках коменданта Горяев и Стрельников вышли в коридор. В дальнем конце его из раскрытой двери раздавались пьяные выкрики и звуки нестройного пения.

— Опять киктевцы гуляют! — раздался позади ребят хриплый голос. Их нагнал комендант. Втроем они прошли к веселившейся компании.

Высокий шепелявый Гоха Золотарев со шрамом на лице, шатаясь, встал со стула, прищурился на посетителей и, сплюнув в угол цигарку, изобразил на лице улыбку.

— Алеша! Друг! Из передовой коммунистической... Нас, грешников, просвещать пришел?.. А мы уже... просветились... Вот!.. — И указал на стол, где поблескивали пустые бутылки «московской».

— Прошу прекратить шум! — потребовал комендант.

— Тихо, папаша! Шумим у себя. В личных апартаментах. Причем никого не трогаем.

— Я вот вас выселю из общежития за эти безобразия, будете тогда знать!

— Выселите? А, собственно, за что? Нет, голубчик, не выйдет! Рабочий класс никто в обиду не даст...

— Эх, ты!.. Рабочий класс... — сказал, вмешиваясь в разговор, Алексей. — Позорите вы это звание только...

— А ты нам мораль не читай! В прошлом году после получки с ребятами в пятой комнате ты был? Был! Выпивал? Выпивал! Скажешь, тогда несознательный был, а сейчас поумнел? Ну, а мы все еще в дураках ходим! Ясно? Да что тут говорить! Ребята, а ну любимую!

Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
Полная задора и огня...

Комендант в отчаянии махнул рукой на разгулявшихся шахтеров и вышел из комнаты. Следом за ним вышли Стрельников и Горяев.

— Вот так чуть не каждый день! — возмущенно сообщил комендант ребятам.

Надев очки, он прочитал записку Кузина, затем приподнял их на лоб. Лицо его выражало неподдельное изумление.

— К нам?

— К вам.

— Ну-у, де-ла-а! — протяжно произнес комендант и нахмурился. — Без того мне шею чуть не каждую неделю мылят, а теперь и вовсе...

— Почему это?

— Бригада у вас коммунистическая?

— Боремся за это звание.

— Я и говорю про это самое. Раз так, значит, насчет вас спрос от начальства будет? Будет! А у нас, сами видите, порядок какой... Грех один! Чую я, будут у меня за вас синяки и шишки.

Он помолчал минуту, а затем встрепенулся, словно озаренный какой-то мыслью.

— Впрочем! — воскликнул он. — Ничего! Все может получиться отлично. Поскольку ваша бригада, это самое... борется... Ей будет уделено первостепенное внимание.... Ведь так? А стало быть, отсюда какой вывод? Какой, спрашиваю? А такой, что нам в общежитие теперь кое-что подбросят. Для обзаведения. Уж я насчет этого побеспокоюсь! Так что нет худа без добра. Вот только киктевцев-то, наверное, изгнать придется... Потому буяны...

Алексей почти не слушал, что говорил комендант. Его мучило сознание проявленного им бессилия. Тоже активист! Собрался наводить порядок в общежитии, а дебоширам даже ответить не сумел как следует. Уж, наверное, Горовой бы нашелся, что им сказать!

3

Обычно к девяти часам вечера Алексей уже подходил к клубу, успевая застать Тоню в библиотеке и проводить домой. Но устройство дел с общежитием заняло столько времени, что идти в клуб было уже поздно. Библиотека давно закрылась.

Алексей все же решил сходить.

«А может быть, не ушла! Задержалась?»

Он и сам не заметил, как дошел до залитой электрическим светом площади перед клубом.

Дверь клуба непрерывно открывалась и закрывалась. Из ее освещенного проема вырывались клубы тепла и слышались звуки баяна.

«Опять танцы! — недовольно подумал Алексей. — Чего только комитет комсомола смотрит? Все шумели, шумели. Мы! Мы! Будем проводить лекции о движении бригад коммунистического труда, об искусстве, о новой морали... А вместо них одни вальсы...»

В фойе было жарко. Принаряженные поселковые девчата толпились у стен и оживленно щебетали. «О парнях говорят либо у соседок косточки перемывают», — убежденно решил Алексей. Он хотя и танцевал, но танцев не любил и считал их пустым времяпрепровождением. Другое дело — пляска! Алексей не только сам охотно плясал, встречаясь на вечерах с друзьями, но всегда с горячим одобрением смотрел на пляшущих. Ему нравилось, что в пляске каждый человек может так ярко, ото всей души, выявить свою удаль, задор и веселье.

Алексей пытливо осмотрел зал, надеясь отыскать Тоню. Его взгляд остановился на фигуре Золотарева. Вихляясь, тот цепко хватал девушку, в которой Стрельников узнал Фросю.

— Чего он ее тянет? — спросила соседка свою подругу.

— Не хочет она с ним... Так он ее насильно пытается заставить...

— Тоже ломака!

— Поломаешься, если такое предлагает...

И вторая девушка, нагнувшись к первой, шепотом сказала ей что-то.

— Поняла? — спросила она ее уже вслух.

— Ну и гад!

Алексей шагнул вперед. Нет, теперь он уже не даст промаху, не пройдет мимо! На этот раз у шепелявого Гохи номер не пройдет.

Быстрыми шагами он подошел к Гохе и вырвал руку Фроси из его шершавой ладони.

— К девушке приставать задумал, подлец!

— А, заступник явился... — хотел было съязвить Гоха, но, оценив направленный на него взгляд Алексея, стушевался. — Да я что... Я ничего... Я пойду...

И Алексей увидел только, как между танцующими замелькала его спина в синей вельветке.

— Спасибо, Алешенька, — тихо сказала Фрося, поднимая на него свои черные как смородина глаза.

Он вывел ее из фойе в коридор и тут столкнулся с Тоней. Она стояла у самой двери и смотрела в зал. Рядом с ней стоял Багров.

— Ты совершил рыцарский поступок! — протянула Алексею руку девушка. — Поздравляю!

Еще возбужденный схваткой с Золотаревым, юноша сжал протянутую руку, но Тоня быстро выдернула ее.

— Теперь ты должен довести начатое дело до конца и проводить Фросю домой. А я... А меня проводит Костя... Костя Багров.

Стремительно повернувшись на каблучках, она подхватила инженера под руку и выскользнула с ним из клуба.

Тут только Алексей понял, что произошло.

— Тоня! — крикнул он и хотел было броситься за ней, но вовремя сообразил, что это бесполезно.

— Не печалься, Алешенька, — сочувственно сказала Фрося.

— Э! Что ты понимаешь! — грубо ответил он ей и, сердясь сам на себя за эту неуместную грубость, сознавая, что поступает совершенно неправильно и незаслуженно обижает девушку, даже не простившись, шагнул в темноту.

Фрося печально и ласково поглядела ему вслед.

4

Шаги Стрельникова уже давно умолкли в переулке, а Фрося все еще стояла одна у освещенного подъезда. Сердце ее сжимала обида. Она вспоминала красное возбужденное лицо Гохи Золотарева, его бесстыдные предложения и сокрушенно думала о том, почему так безобразно мерзко относятся к ней многие ребята, считая, что если она шахтовая девчонка, так с ней уже все позволено. Правда, она, Фрося, была остра на язык и порой отпускала такие словечки, что и бывалый шахтер оглянется. Но эта напускная грубость и лихость были для нее в шахте только средством самозащиты от навязчивых горластых слесарей, от ругани горных мастеров. Чем задористей произносила она словечки, тем больше осторожности проявляли они, остерегаясь быть осмеянными.

— Ну и девка! Оторви да брось, — говорили про нее на шахте.

— Эта видала виды!

В действительности никаких видов не видела Фрося Калмыкова. И знать не знала близко ни одного парня и даже гулять с ними побаивалась, потому что понимала: у всех по отношению к ней одно на уме — не успеешь в тень от людей отойти, как начнут лапаться. Почему вот Тоню-библиотекаршу никто никогда так не обижает? Все говорят с ней только на «вы» и даже спорить не посмеют, если она сделает кому-нибудь в библиотеке замечание. Вот и Алеша Стрельников, такой хороший и славный парень, сегодня за нее, Фросю, Гоху приструнил, а как увидел, что Тоня с Багровым ушла, вконец расстроился, убежал, а все же Тоне поперек ничего не осмелился сказать. Да разве она виновата, что не удалось ей учиться, а как умерли родители, пришлось в шахту пойти работать.

Позади нее захрустел снег.

— Замерзнешь, Фрося, — услышала она негромкий приятный голос. Девушка обернулась. Перед ней стоял невысокий лобастый кареглазый парень. Кончик носа у него при разговоре смешно шевелился. Фрося знала его. Он, как и Стрельников, работал в бригаде Горового, а до этого был на шестом участке. Звали его Кирьян Швец. Она никогда не видела его с девушками, к ней он подошел впервые, и это неожиданное обращение показалось ей в первый момент каким-то странным. «Неужели он думает, что если я одна...» Но он, словно угадывая ее мгновенное беспокойство, улыбнулся дружески, привет-

ливо. — Смотрю, ты уже полчаса стоишь и о чем-то замечталась. Решил спросить.

Состояние неловкости исчезло. На смену ему пришло чувство благодарности за внимание со стороны почти совсем незнакомого человека. Оно было особенно приятно теперь, после того, как она казалась себе такой одинокой и никому не нужной.

— Домой собрались?

— Домой.

— Пойдемте вместе?

Она кивнула головой и через плечо поглядела, как осторожно он взял ее под руку. Так еще никто не ходил с ней. Такие, как Гоха, обычно хватали за плечи и за талию. А Стрельников, когда он раньше встречался с ней, шагал рядом, как с парнем, размахивая руками.

Они шли вначале молча. Фрося не знала, как держать себя с новым знакомым. И ее снова обрадовало, что он, заметив ее смущение, стал рассказывать ей про новую картину, которая скоро должна была демонстрироваться в клубе. Он прочел о ней рецензию в журнале.

И эта заботливая предупредительность тоже была ей приятна. Швец рассказал несколько забавных историй про общих знакомых. На шахте еще передавался из уст в уста рассказ о том, как бывший главный инженер прятался в погрузочной воронке лавы от управляющего трестом, которого страшно боялся. Кирьян настолько комично изображал, как тучный и пузатый главный инженер, пока управляющий со своей свитой проходил мимо, то высовывал из-под настила, то укрывал под ним голову, что Фрося не могла удержаться и звонко расхохоталась.

Даже когда они дошли до ее дома, он поступил не так, как другие. Не попытался ее обнять и поцеловать, не просил показать комнату, а вежливо попрощался и только спросил, пойдет ли она в клуб завтра смотреть кинокартину.

— Шестой ряд, девятое и десятое места. Я забронирую, — предупредил он.

Наутро Фросина соседка по квартире спросила:

— Что-то ты, милая, вчера, как из клуба пришла, все пела да пела...

— Неужели? — удивилась Фрося. Она и сама не заметила этого.

Иногда самой маленькой ласки достаточно человеку для ощущения счастья.

Глава девятая

1

Горовой жил в одном из старых четырехквартирных домов, которые вели свою историю с того памятного 1930 года, когда была заложена и сама шахта. В этот дом в свое время торжественно с семьей переехал из общего саманного барака один из первых строителей шахты его отец, и, хотя теперь в поселке каждый год вырастали новые, более красивые и благоустроенные жилища, Федор не менял квартиры, такой она стала для него обжитой и привычной.

Еще проходя по улице мимо окон, он уже знал, что сейчас откроется дверь и навстречу ему выскочит Витька, сын, радостно поглядит черными, как у матери, глазами и, взявшись за отцовский карман, шагая рядом, начнет рассказывать, как прошли занятия в школе, что случилось за день, похвастается отметками. А маленькая Галинка, занятая своими игрушками, прибежит к нему потом, когда он сядет за стол и перед ним будет дымиться тарелка с борщом. Она бесцеремонно залезет на колени и, заглядывая в рот, будет спрашивать: «Папка, ты много угля добыл?»

Федор любил детей, как любит их всегда человек, сам испытавший в ранние годы горечь сиротства.

...Девятилетним мальчишкой Горовой потерял отца. На всю жизнь запомнил Федор то памятное весеннее утро, когда напарник отца Кузьма Протасов, старший брат того Протасова, что работает теперь в его бригаде, со старичком кучером внесли на руках странно податливое и бессильное отцовское тело по скрипучим ступенькам крыльца. Мертвенная бледность покрывала отцовские щеки, хриплые тяжкие вздохи вырывались из полуоткрытого рта.

Протяжно вскрикнула и окаменела у плиты мать и потом бросилась с поварешкой в руках в горницу готовить постель, а Федор все стоял, не постигая того страшного и непонятного, что произошло в этот так обычно начавшийся день.

Не в то ли самое утро, лежа в постели, слышал Федор в полудреме, как до свету поднялась мать, приготовила отцу завтрак, как потом встал отец и грузными шагами ступал по гнущимся под его тяжестью половицам, как шипели на сковородке лепешки и запах подгорелого масла смешивался с горьким, едучим дымом самосада отцовской трубки,

как потом скрипнула дверь и звякнула открываемая щеколда... Не в то ли утро...

И вот он уже лежал пластом в постели, теряя временами сознание, старый шахтер, своими руками заложивший первый штрек первой шахты молодого сибирского бассейна.

Не коварная тяжесть кровли подкараулила и придавила старого горняка, не смертельный, невидимый глазу угарный газ тайком просочился в забой, не старая рана открылась снова, рана от юнкерской пули, что пробила ему грудь в бою под Иркутском в девятнадцатом году.

Двадцать лет каторжного труда на хозяев-шахтовладельцев, словно жерновами, перетирали его шахтерское сердце. Шахты-мышеловки, где, согнувшись в три погибели, волочил он по корявой почве семипудовые «санки», черные штреки, где без воздуха при тусклом свете «бленды» по колено в ледяной воде грыз он обушком уголь вершок за вершком, подточили его могучие силы.

Слег шахтер и больше не поднялся.

Несколько раз с шахты, а затем из больницы посылали Горовому на квартиру врачей. Молодой, но уже известный в городе доктор Шаравин долго шептался на кухне с приехавшим навестить Горового председателем рудкома. Приходили старые товарищи по работе и, сняв шапки, молча шли в комнату, стараясь не шуметь. Но то, что должно было случиться, случилось.

Федор наливал воду в рукомойник, когда услышал шум в горнице. Он опрокинул ковшик и тотчас же выскочил из кухни. Отец, пытаясь приподняться на локте, звал:

— Сынка позовите... Проститься...

Федя кинулся к кровати и припал к отцовской груди... Хриплые неясные фразы отца западали ему прямо в сердце...

— Не пришлось мне, Федя... Не добил я своего главного штрека: тебе добивать придется... Другая у тебя дорога, не то, что у нас... Но где ни будешь, помни о нашем шахтерском труде. Тяжелый это труд, суровый... Много сделать надо, чтобы стал он легким и радостным. Об этом была у меня думка... На ваши молодые плечи это ложится... На твои, сынок... — и, откинувшись на подушки, прохрипел угасающим голосом: — Мальца не забудь-те-е!..

— Ты, парень, не кручинься шибко-то... Отца не вернешь, а учиться надо. Помнишь, что он говорил, а? — так сказал Кузьма Протасов, зайдя через неделю после похорон на квартиру Горового и узнав, что Федор еще пропускает занятия. — Одного тебе желаю: характер отцовский иметь. Упорный был человек, что кремень. А ты, вишь, расхныкался, в школу не ходишь... Пойдем, что ли, я тебя отведу!

Федор вышел с Протасовым на улицу.

На почерневшем заборе улочки, выходящей к элеватору, виднелись слова лозунга, написанного известкой: «Хлебозаготовками ударим по кулаку!»

Шумная ватага комсомольцев, шеренгой пересекая перекресток, прошла в обнимку мимо, горланя задорную песню:

Городочек!
Даешь городок!
Эх, кабы это радио
Послушать хоть разок!

Над шахтными воротами горел кумачовый лозунг: «Привет ударникам пятилетки!»

А рядом на больших транспарантах следовали убористо написанные фамилии:

— Горовой Степан Петрович... 205 процентов, — прочел Федор и поднял к Протасову свое лицо, в котором отражались одновременно боль, недоумение и какая-то еще не понятная ему, неизвестно откуда возникшая гордость. — Что же это, дядя Кузьма?

— Правильно написано, — твердо и сурово сказал Протасов. — Верно... Умер человек, а дела его живут... Не забыты... Так и надо!

2

Сколько раз вспоминал потом Горовой эти слова! И тогда, когда сам впервые пришел на шахту и начал работать коногоном, и тогда, когда в 1942 году добровольцем ушел на фронт, и тогда, когда вернулся с победой, полсвета обойдя с автоматом в руках, и, наконец, когда снова спустился в родную шахту, на этот раз в лаву.

Сегодня была суббота, и Федор пришел домой раньше обычного. На стенке кухни плавали солнечные блики, жарко натопленная печка дышала теплом, и от этого квартира наполнялась уютом и покоем. Даже не верилось, что за дверью трещит декабрьский сорокаградусный мороз. Горовой неторопливо разделся, умылся и сел обедать. Маруся возилась около печки, жарила блины... Раскрасневшееся ее лицо выглядело усталым, она только закончила стирку, и белье, еще не развешанное, лежало в эмалированном тазу. Соломенная прядка волос выбилась из-под платка, всегда такая непокорная, такая знакомая.

«Тоже нелегко ей одной управляться по дому, — думал Горовой. — Накормить надо

всех, проводить, встретить. Работа домашняя незаметная, день пройдет, и все на ногах».

Теплым любящим взглядом он окинул жену.

...Горовому исполнилось двадцать лет когда он повстречался с Марусей. Он коногонил на шахте, а она работала на площадке, около которой догружались углем до нормы железнодорожные вагоны.

Коногоны выводили своих лошадей по уклонке под уздцы, а на поверхности садились верхом и мчались наперегонки до конного двора. Обычный путь туда вел через шахтный поселок, но молодые коногоны нередко умышленно удлиняли свой путь, чтобы проехать мимо станции, где на площадке с углем слышался задорный девичий смех. Стараясь отличиться и показать себя перед девушками, они лихо скакали мимо на своих шахтерских коньках, упираясь ногами в упряжь, размахивая руками и трясясь на голых обшарканных лошадиных хребтинах.

В такие минуты девчата, работавшие на площадке, обычно приостанавливались бросать уголь и, сверкая глазами и улыбаясь, смотрели на необычных всадников, отпуская едкие шутки в их адрес.

Федор сызмальства обучился ездить верхом, еще мальчишкой помогая гонять шахтовых лошадей на выпас, и поэтому не попадал в число конников-неудачников, над которыми изощряли свое остроумие бойкие девчонки. Когда он скакал мимо них наметом на своем поджаром буланом Огоньке, то вместо насмешек часто ловил на себе восхищенные взгляды. И однажды один взгляд особенно запомнился ему. На скаку он только и успел увидеть горячий взгляд ласковых черных глаз и прядку золотистых волос, выбившихся из-под голубой косынки.

В тот раз и случилось с Федором впервые, что он, заглядевшись на девушку, не заметил рытвины, конь под ним споткнулся, и он на глазах всей девичьей бригады слетел с лошади в кучу мусора.

— Липовый ездок! — закричали девчата.

— Тебе не на коне, на лопате верхом скакать!

Федор поднялся, отряхнул приставший к спецовке сор, надел слетевшую каску. Лицо его горело от стыда и огорчения. Стараясь не смотреть на насмешниц, он хотел уже идти прочь, как внезапная боль в ноге заставила его охнуть и согнуться. Пересиливая боль, он добрался до бревна, лежащего у забора, и стал стягивать чуню, чтобы осмотреть ногу.

— Что, больно? — спросил его ласковый теплый голос. Он поднял голову. Давешняя черноглазая, светловолосая девушка стояла перед ним, участливо смотря ему в глаза. — Дайте я помогу! — попросила она.

Она помогла ему разуться, сбегала в весовую будку за бинтом, чтобы перевязать ушибленное место, помогла дойти до здравпункта.

С этого началось их знакомство.

Все шло к тому, чтобы они поженились. И интересы у них были общие, и разговоры. Федор в ту пору все мечтал оставить свое коногонство, обучиться на машиниста электровоза. Маруся уже договорилась со старшим весовщиком, чтобы ее перевели на перевеску вагонов. Порой, плутая по улочкам поселка в хмельные майские ночи, они намечали планы своей будущей жизни. Федор берег ее, был с ней нежен и ласков и, даже обнимая ее упругое тонкое тело, стремился быть по отношению к ней как можно более осторожным, словно она была хрупкой и он мог повредить ее своими сильными руками.

Но пришла война и, как у множества других людей, перевернула у них все планы. Три раза комсомолец Горовой подавал в военкомат заявления с просьбой отправить его на фронт, и три раза комиссар военкомата лаконично отвечал ему:

— Ваш фронт — это шахта, товарищ Горовой! Понадобитесь, позовем сами.

Наконец на четвертый раз его желание было удовлетворено. Его пригласили в горком комсомола и спросили:

— В армию желаешь?

— Еще бы!

Все совершилось в один день. Уже вечером он должен был отправиться в составе команды политбойцов для укрепления партийно-комсомольской прослойки во вновь формирующиеся воинские части.

Прощание с Марусей было недолгим. Да и сам он понимал, что все равно не нацелуешься за этот вечер на все время разлуки.

Он прислал ей весточку — письмо со станции формирования, которая находилась всего в двух часах езды от родного города. Велико же было его удивление, когда однажды в воскресный день дежурный по казарме срочно вызвал его к командиру. Строгий комроты с тремя кубиками на петлицах, глядя ему прямо в глаза, спросил:

— Рядовой Горовой! У вас жена есть?

Он покраснел, не зная, что ответить.

— Скрываете? Нехорошо! Ну, так вот, она в штаб полка явилась, свидания с вами

просит. Вот вам увольнительная до шести вечера.

Еще издалека он увидел светлую Марусину головку. Она ждала его за воротами, у которых стоял часовой. Федор показал часовому увольнительную, и они торопливо пошли по дороге, обросшей с обеих сторон кривыми невысокими соснами.

— Счастливого свиданья! — крикнул им вдогонку, подмигнув, часовой.

И в самом деле, какое это было счастливое свидание! Перебрасываясь короткими фразами, они дошли по бору до железнодорожной станции, затем до павильонов бывшего дома отдыха, где располагались штаб бригады, политотдел, клуб. Минуя их, прошли до пруда, где всего лишь год назад еще плескались отдыхающие. В молодом смешанном лесу они остановились.

День был не по-июньски холодным. С северо-запада дул сырой ветер. Поверхность пруда морщинилась от ряби и волн. Маруся села на сухую прошлогоднюю траву и принялась развязывать принесенный с собой узелок, в котором находились приготовленные для Федора гостинцы.

— Вот, Федя... Сама пекла, — показала она на какие-то бледные ватрушки.

А он смотрел на нее и не мог оторвать взгляда, так дорого было ему это милое узкое лицо, эти открытые любящие глаза.

— Как же ты это там?

— Что там?

— Женой назвалась...

Она только прижалась головой к его плечу, уткнулась лицом в грудь и сказала:

— И совсем женой хочу стать... Вот сейчас... Здесь... Чтобы ты на фронт ушел и знал, что люблю...

— Родная моя... Милая! — шептал он ей.— Не надо!... Если бы знала, как люблю я, не говорила бы этого... Ты только подожди... Ладно? Подождешь?

— Буду... Буду ждать, — отвечала она безвольно.

Так он и остался в глазах товарищей по службе женатым человеком. Когда стал сержантом, высылал ей денежное довольствие, и она тоже всем говорила в поселке:

— Муж у меня в армии. Второй год воюет. Сейчас на Волховском фронте.

Все нарушила маленькая белая повестка, которую Маруся получила в начале сорок четвертого года.

«Ваш муж Федор Степанович Горовой... пропал без вести».

Муж! В тот момент это прозвучало для Маруси как насмешка. Разве она знала его как мужа? Неужели отныне конец всему: ожиданиям, мечтам о будущем счастье? Правда, он не погиб, он только пропал без вести. Но что сулит эта неопределенность? И в чем теперь цель жизни? В дальнейшем ожидании? Но чего? Ведь чудес не бывает... А годы идут, и эта бесконечная война... А молодость проходит...

Миллион раз проклинала она себя потом за эти минуты слабости. Как это случилось? Стоит ли об этом вспоминать.

Другой был совсем не похож на Федора. Плотный, краснощекий, самодовольный. Даже неизвестно, чем он ее покорил. Или, вернее, не покорил, а, как говорят в народе, охмурил. В нем был избыток веселья, энергии, силы. И должность, гарантирующая от мобилизации в армию, — ревизор на железной дороге.

Маруся не любила его, но жила с ним, как живут со своими мужьями много других женщин, больше по привычке и еще потому, что слишком одинокими чувствуют себя, когда рядом нет никого. Может быть, именно потому, что она не любила этого, второго, у них не было и детей.

Но Федор Горовой неожиданно для всех вернулся живым и невредимым.

Она узнала об этом от соседки. Та видела Федора, когда он шел в поселок с вокзала.

— Медалей-то у него полная грудь. Так и бренчат, так и бренчат. И вид бравый, геройский, — торопливо сообщала соседка.— Сразу-то, как до поселка дошел, не к себе повернул, а туда, где ты раньше жила. Про тебя спрашивал.

Что тебе делать, Маруся, с твоим бедным сердцем? К тебе заходил... Тебя спрашивал! Это он-то, тот, который тогда у пруда пожалел тебя, не захотел ломать твою жизнь, только попросил: «Подожди!»

Что же теперь? Рви и мечи, ничем не поможешь! Не повернешь все назад, как было.

Соседка давно уже ушла, а она все сидела одна у окна, не бралась готовить обед, чтобы встретить мужа, не растопляла плиту. Мысли в голове путались, набегали одна на другую.

Муж пришел по обыкновению шумный, веселый, разговорчивый, чуть-чуть под хмельком. Он приходил так всегда, когда удавалось сделать какое-нибудь «дельце». Взяток он не брал, побаивался. Но от «натуры» не отказывался.

— Ну что покушать? — громогласно спросил он, проходя в квартиру и потирая руки.

Маруся не поднялась ему навстречу, даже не отвернула лица от окна. Он тоже заме-

тил, что плита не топится, следов хозяйской работы жены не видно.

— Ты что, Марусенька, заболела? — стараясь придать озабоченность голосу, спросил он. Она не отвечала. Знала, что вся эта мнимая забота одно притворство.

Он переменил тон голоса, спросил уже недовольно:

— Почему нет обеда?

Она молчала.

— Да что это такое! — вскипел он. — Я на работе, тружусь для дома, одеваю, обуваю, а мой труд, мою заботу не ценят...

— Да знаешь ли ты... — раздельно выговаривая каждое слово, произнесла она. — «...Знаешь ли ты, что приехал Горовой!» — хотела крикнуть она, но ничего больше не сказала и снова отвернулась к окну.

— Ну, чего я знаю? — нервно повышая голос, крикнул он. — Я требую!..

Но в эту минуту открылась дверь и в комнату вошел Горовой.

Если бы в этот момент произошло что-нибудь самое ужасное или, наоборот, самое радостное, это не потрясло бы так Марусю, как появление Федора. Хотелось кинуться к нему навстречу, а ноги были прикованы к полу. Хотелось крикнуть: «Милый! Родной мой! Единственный!» А язык не поворачивался во рту.

Горовой сам мгновенно разрешил создавшуюся обстановку.

— Я за тобой, Маруся, — спокойно и просто сказал он, не обращая никакого внимания на еще красного от натужного крика Марусиного супруга. — Пойдем со мной! — улыбаясь ей, ласково добавил он.

Она взглянула в его чистые светлые глаза, в которых не было ни упрека, ни горечи. Они светились открыто и ясно и звали ее к себе сильнее всяких глаз. Маруся вскочила со стула и, не стесняясь присутствия мужа, кинулась Федору навстречу.

— Позвольте! Что это такое? Что вам здесь надо? Кто вы такой? — оторопев от неожиданности, воскликнул хозяин.

— Мне не вас, а ее, — так же спокойно, как и в первый раз, произнес Горовой.

— Да вы с ума сошли? — закричал оскорбленно тот. — Это же моя жена. Мы с ней в загсе расписались. У меня и в паспорте отметка имеется! — к чему-то сообщил он.

— Плевать мне, гражданин, на вашу отметку! — уже уверенно и торжествующим голосом сказал Горовой, прижимая плачущую Марусю к себе. — Ты ее минутной слабостью воспользовался, а я... я люблю ее! Понял?

Маруся быстро начала собираться, бросая из комода и гардероба в наспех раскрытый чемодан свои платья, кофточки, сорочки.

— Это я наживал! Я ей купил! — закричал муж.

— Оставь, Маруся, ему эти тряпки! — решительно проговорил Горовой, взял ее за руку и в чем она была увел с собой.

3

Маруся накрыла на стол и ласково поглядела на мужа.

— Проголодался?

Он знал, что сейчас Маруся начнет рассказывать ему все новости, которые за день услышала от соседок, или, как шутили шахтеры, последние известия кумушкиного радио. Что ж, разве ей запретишь?.. Целый день одна. Только с детьми, во дворе да в магазине. Сам виноват, не заинтересовал ее ничем.

— Киктевы-то сегодня поутру борова закололи, — сообщила она. — Пудов на двенадцать. Одно сало. Так ведь старик-то до чего до денег жадный, дома ни кусочка не оставил, все на базар повез.

Федор знал Егора Киктева, отца бригадира соседнего участка. Работал он раньше и в шахте, пока было выгодно. Все из-за каждого забоя спорил, выискивал себе такой, где породы поменьше, а откатка близкая. Но как только появились погрузочные машины, транспортеры для самонавалки и комбайны, когда стали работать не на индивидуальной сдельщине, а на комплексной бригадной норме, сразу ушел на пенсию, организовал артель вольных плотников, чтобы дома частникам рубить по пять—шесть тысяч со сруба.

— ...А в шестнадцатом бараке скандал был, — продолжала Маруся. — Сысоиха с Сергеевой женой в дым переругались. Из-за электрической плитки... Сергеева баба плитку включает, ребятишкам завтрак подогреть, а счетчик-то у них общий... Ну, Сысоиха на нее и набросилась... Все зараз припомнила... И как в ванне белье стирает, и как за собой в общей кухне не прибирает... Прямо один грех! Кое-как уняли.

«Да, крепка еще собственническая жилка в человеке! Ох, как крепка! — думал Горовой, слушая жену. — Сколько потребуется труда и упорства для воспитания в людях теплого и сердечного отношения друг к другу».

Дверь распахнулась, и в квартиру вошла Наталья Мазурова из шестнадцатого барака, плотная, не по годам дородная женщина.

— Чаевничаете? — улыбнулась она. — А я и то думаю, пришел или нет твой хозяин с работы, — адресуя свои слова Марусе, сказала она.

— Садись... Гостьей будешь...

— Спасибочки! Некогда мне. Я до твоего пришла... Федор Степанович, — обратилась она к Горовому, — пошто так делается? У нас в доме теснота сплошная, на четверых одна комната с кухней, а Кузин, что у Полозова в помощниках ходит, кухню себе зимнюю в ограде срубил шесть на пять. Для куриц. Курицы, вишь, у него мерзнут. А что к сроку дом не построили и ремонт в рабочих квартирах не закончили — ему наплевать.

Горовой взглянул в протаявшее стекло. За забором широкого коммунального двора виднелась новенькая, еще не заснеженная шиферная крыша.

— Когда только он успел соорудить?

— Да как не успеть, коли всех плотников со стройучастка к себе согнал. Его крашеная половина сама ими командовала. По двору ходит и указывает: «Это туда! Это сюда!» Срам на нее смотреть, что делает. А еще образованная! Вон по радио-то передают: к коммунизму переходить будем... С такой перейдешь! Как же! Мне бабы-то говорят, иди к Горовому, он сейчас на шахте за коммунистическую бригаду борется... Разберет что к чему.

— Обязательно разберусь! — подтвердил Горовой.

Гостья ушла.

— Ты отдохнуть ляжешь или как? — спросила жена.

— Пожалуй, почитаю, — ответил Федор, разбирая газеты.

Но почитать ему не пришлось. Та же Наталья опять вбежала в дом, крича:

— Назар-то наш напился... Скандалит дома!

«Сорвался парень!» — с огорчением подумал Горовой и, набросив полушубок, шагнул к выходу.

Глава десятая

1

Бедой Назара Рябухи было не просто то, что он пил. Выпивал он, по мнению многих горняков, «вразумительно», только после работы, «с устатку», или в воскресенье и праздник, к смене же всегда вскакивал, как встрепанный. Глядя на него, никто бы и не подумал, что лишь час назад он поднялся после страшной попойки, тем более, что работал он после таких гулянок, по заключению шахтеров, как зверь, только успевай лес подвози.

В трезвом состоянии Назар был милейшим человеком, и жена его, Настя, не могла им нахвалиться перед соседками. Да те и сами не раз видели, как Назар, возвратившись с работы, поднимал Настю на руки и носил по комнате, словно маленького ребенка. И Настя в такое время командовала им как хотела.

Но так уж получалось, что смирный и тихий Назар, едва опрокидывал первый стакан (из рюмок он никогда не пил), сразу становился другим человеком, словно кто подменял его. Он начинал много разговаривать, бахвалился своей силой и шахтерским опытом, затягивал несуразные без начала и конца песни, стучал огромным кулаком по столу, отчего подскакивали и катились на стол стаканы, и под конец ссорился с кем-нибудь из собутыльников.

В такие часы и Настя ничего не могла с ним поделать и по обыкновению, если гулянка происходила дома, уходила к соседям, возвращалась только тогда, когда в доме становилось тихо, а пьяный Назар, опустив голову на руки, спал тут же за столом среди разбросанной посуды.

Горовой, подходя к дому Рябухи, понял, что гулянка была в самом разгаре. Из распахнутой форточки вместе с теплом жилья вырывались пьяные крики и взвизгивания гармошки. Настя, накинув шаль и пальтишко, стояла, ожидая прихода Федора, в сенях.

— Федор Степанович! Голубчик! — запричитала она. — Что же это такое? Я-то думала, что он в вашей бригаде за такое дело взялся, так ума наберется. Не будет больше пьянки проклятой. Ведь по его характеру-то пить совсем нельзя. А тут Киктев со своими работягами пришел, литру притащили, давай ему льстить. Ты, мол, Назар, лучший крепильщик на шахте. Без тебя Горового бригада ничего не значит. Они тебя зажали, ходу не дают... Известное дело, Назар как хватил — и пошло...

— Успокойся, Настасья! Не мерзни в сенях, в дом пошли.

Федор открыл дверь. В зале за круглым столом сидели четверо. Долговязый, с резко выступающими красными скулами бригадир Киктев разливал по стаканам водку. Гоха Золотарев, его подручный, пиликал на гармошке. Маленький, плотный, круглый, как катышок, Петька Самохвалов снизу вверх глядел в лицо Назару и льстиво говорил:

— Брось ты их, Назар... Брось! К чему тебе на себя лишние тяготы брать, чтобы те-

бя, как школьника, уму-разуму учили... Такого крепиля, как ты, не только на нашей шахте, во всем бассейне не найдешь! Нету тебе, Назар, у них развороту. Нету! Иди лучше к нам... У нас тебе и слава и почет, деньги завсегда будут, и выпить никто не запретит.

— Назар дело знает! — хвастливо ударил себя в грудь Рябуха.

В этот момент они увидели Горового. По их скисшим натянутым лицам Федор понял, что никто не ждал его появления. Не желая показать свое смущение и некоторую растерянность, Киктев, проливая вино, торопливо налил полный стакан и протянул Горовому.

— Федя! Федор Степанович! Милости просим! Выпей с нами...

Горовой отстранил водку и в упор поглядел на Назара. Киктев толкнул стакан на стол и осклабился:

— Что не пьешь? Или наша компания не подходящая? Шибко идейный стал...

— Ну, что? — спросил Горовой, обращаясь к Назару. — Запил?

— Хучь бы и запил...

— Что ты его, как мальчишку, одергиваешь! — вмешался Петька Самохвалов.

— Он поди-ка сам себе на уме.

— Самостоятельный человек! — ввернул свое слово Гоха.

— Не все ему под вашу дудочку плясать! — заявил Самохвалов.

— Эх вы, самостоятельные! — усмехнулся Горовой. — У вас всей самостоятельности нашлось водки принести да Назара за эту водку купить, чтобы он к вам на участок перешел, а свою бригаду бросил...

— Это меня-то купить? — взревел Назар, переводя взгляд с Горового на Киктева.

— А кого же больше? Дешево только покупают... За литру...

— Ах ты, падла! — вознегодовал Назар, хватая за плечо Самохвалова.

— Что ты! Что ты, Назар Захарыч! Мы к тебе спроста... Разъяснить хотели, думали, не понимаешь...

— Это я-то не понимаю? Я? Да я тебя шелудивого как хвачу!

— А ты чего разоряешься? — вмешался Гоха. — Мы по-доброму вошли, водку свою принесли...

— Водку? Вон из моего дома, гады! — заорал Назар.

Он рванулся из-за стола, так что тот накренился и посуда с дребезгом посыпалась на пол. Затем схватил в охапку маленького Самохвалова, распахнул ногою дверь, выскочил из квартиры и посадил Петьку, как тот был, — в пиджаке и без шапки — в сугроб. Вслед полетели Петькины пальто и шапка.

— Водку свою забирайте, а за то, что выпил, вот вам! — бросил Назар в лицо Гохе деньги. Поминая Рябуху недобрым словом, Киктев и Золотарев поспешили на улицу.

2

— Эх ты, Назар, Назар! — сказал Горовой, когда гости ушли. — Неужто я зря за тебя слово перед начальником давал?

— Какое такое слово?

— Не говорил я тебе, не хотел тревожить. Полозов был против твоего включения в нашу бригаду.

— Ну и не включали бы...

— Этак проще было... А я ему так сказал: Назару верить можно. Раз он дал слово — сдержит... Не подведет... Может, передумал?

— Я-то? Ни в жисть!

— Вот и хорошо. А выпить, когда надо, мы сами сумеем, без них... Вот освоим два цикла в сутки и отпразднуем...

— Правильно! — одобрил Рябуха.

— Только с кондачка это дело не провернешь. Много поработать нам придется... С тобой вместе, Назар?

— Точно...

Настя, обрадованная неожиданным прекращением гулянки, прибрала на столе и принесла мужчинам чаю с вареньем.

— Вот ты, Назар, сегодня свободное время на выпивку потратил, — начал Горовой, — а про обязательство наше об учебе забыл. Думаешь, что сила у тебя есть, в креплении понаторел, значит, и все на этом. А без учебы в наше время нельзя никак. Ты про самоходную крепь слышал?

— Слышал.

— Эта крепь в крепильщиках не нуждается.

— Как это?

— Машинисты нужны для управления ею... Вот и все. Впрочем, насчет учебы тебе толковать особенно нечего. Ты силу ученья сам на себе испытал...

Назар непонимающе посмотрел на Горового.

— А помнишь столовский рикошет?

Рябуха покраснел. Горовой напомнил ему об одном давнем, но все еще не забытом неприятном случае. Было это в дни, когда Назар только начинал работать на шахте и, кичась своей физической силой, порой ввязывался в драки, результатом которых всегда являлось то, что его противники были повер-

жены на лопатки. Но, как говорится, нашла коса на камень.

Однажды Назар с приятелями выходил из столовой. В этот момент к крыльцу подъехала машина, откуда вышел невысокий, но довольно коренастый человек в шляпе и сером костюме. Он вежливо посторонился, давая дорогу Назару и его друзьям, и хотел уже пройти в дверь, когда взбудораженный выпитой водкой и пивом Рябуха грубо схватил его за плечо.

— Нечего тут шляпам делать!

— Простите! — отстраняя руку Назара, спокойно сказал приехавший.

— А, ты вот как! — рявкнул Назар. — Так знай, как у нас на шахте таких, как ты, цуциков бьют!

И он толкнул незнакомца так, что тот отлетел к стене.

Скорость, с которой развернулись дальнейшие события, была настолько велика, что их не запомнил как следует никто. Назаровы друзья подтверждали после, что незнакомец быстро шагнул вперед, сделал выпад, и в следующий момент Назар Рябуха получил удар невероятной силы, оторвался от земли и полетел в коридор. Здесь он ударился о барьер киоска газированных вод, рикошетом пролетел к большому кипящему самовару, стоявшему на табуретке, и, опрокинув его, рухнул на стеклянные витрины буфета, которые разлетелись вдребезги.

— А у нас в Ленинграде бьют так! — заключил незнакомец, тут же вышел из столовой и уехал. Впоследствии оказалось, что это был известный боксер, мастер спорта...

— Так что, Назар, физическая сила еще не все! — смеясь сказал Федор, собираясь домой.

— Да, не все! — смущенно улыбался Назар, у которого уже выдуло из головы всякий хмель.

3

Горовой был доволен, что все уладилось сравнительно благополучно.

Но велико было удивление, когда в понедельник после выхода из шахты его подозвали знакомые шахтеры.

— Здорово вашего Назара в «Крокодиле» расписали!

Горовой подошел к щиту, на котором был приклеен вырезанный из фанеры и раскрашенный масляными красками силуэт крокодила с вилами в лапах. На большом листе бумаги был нарисован лохматый Назар, державший в руках испуганного Петьку Самохвалова. Из карманов Назара торчали бутылки. Над рисунком виднелась надпись: «Как Назар Рябуха заехал гостю в ухо».

Ниже следовали незатейливые стишки, в которых рассказывалось, как Назар...

Хватил два литра,
Посмотрел на гостя хитро
С улыбкой артистической:
Я — в коммунистической!

Горовой не стал дочитывать выпуск и зашел в редакцию многотиражки, которая ведала и выпуском «Крокодила». Редактор, уже немолодая, сухощавая женщина, развела руками:

— Все правильно. Нам поступил сигнал. Его проверили. Факты подтвердились. К тому же мы консультировались по этому вопросу у Полозова. Чего еще надо?

— Эх вы, собиратели фактов! — махнул рукой Горовой. — Факт, верно, был, а почему он произошел, вы разобрались?

— Но ведь Рябуху все знают, что он собою представляет... К тому же Полозов...

— Вот так у вас всегда бывает... Прилепите человеку ярлык, он и ходит с ним всю жизнь... А в нутро его заглянуть никому не охота. Может, сейчас Назару теплое слово дороже всего, а вы только и знаете... Сигнал... Факты... Нет, я так не оставлю. К Крамову пойду.

— Не думаю, что он будет защищать пьяниц!

— Пьяниц он защищать не будет, а за то, чтобы Назар и такие, как он, настоящими советскими людьми стали, вступится.

— ...Так выкинул, говоришь, Рябуха Самохвалова? — смеясь, спрашивал Горового немного позднее Крамов. — Прямо в снег? Правильно сделал! А карикатуру снимем. Поторопились с нею, это правда, но она свою роль тоже сыграла. Ладно!.. Ладно! Раз на Назара надеешься, это хорошо. Я за него рад.

Глава одиннадцатая

1

Вторые сутки бушевала над городом метель. Свистел в проводах студеный, пронизывающий ветер. Снежными застругами покрывались поля и березовые перелески. Неистовая поземка бросала в лица прохожих пригоршни колючей ледяной крупы. Перемело дороги и тропинки, прямо на улицах и тротуарах, у стен домов и подъездов нагромоздило плотные сугробы.

А здесь, в шахте, в глубине недр не чувствовалось декабрьской стужи. По-прежнему мощные вентиляторы гнали по штрекам подогретый калорифером теплый, по-осеннему влажный воздух, по-прежнему журчала на дне дренажных канав вода, пахло сыростью и древесной корой, и только лесовозные рогатки — «козы», спущенные с поверхности и наполненные промороженными, покрытыми инеем, скользкими лесинами, свидетельствовали о том, что делалось там, наверху.

Гулко раздаются шаги шахтеров по мокрым доскам ходка. Скользит под ладонью отшлифованный прикосновением тысяч рук поручень. Горовой привычно считает ступеньки: сто первая... сто вторая... сто третья... Все! Где-то далеко-далеко послышался нарастающий гул. Светлым заревом вспыхнула и наполнилась грохотом боковая сбойка. К стволу промчался электровоз. Бесконечная вереница огней убегает в черную пустоту штрека. На посадочной станции светло и уютно. Бетоном закреплены и побелены известью округлые своды. Вдоль стен протянулись широкие скамьи, на которых в ожидании поезда дремлют шахтеры. Сухим печным жаром тянет от камеры, где сушится для электровозов песок.

Каждый раз, приходя сюда, к песочной, как называли это место шахтеры, Горовой вспоминал, что здесь на пересечении выработок наискось через весь штрек висела раньше толстенная деревянная рама, подпираемая такими же в полтора обхвата толщиной стойками. Эту раму ставили еще во время строительства шахты при проходке главного штрека. Три поколения шахтеров любовались на нее, заботливо проверяли, цела ли, не заражена ли гнилью. Обновлялась крепь на штреке, на место старых вставали новые лесины, а эта рама все стояла, словно вопреки времени. Но разве время переборешь! Пришло новое, четвертое поколение горняков, и старую раму убрали, хотя и удивлялись целости ее смолевой лиственничной древесины. Убрали не потому, что она была не годна, а потому, что на смену дереву в главных выработках пришел бетон, так же как на смену серпу в поле пришел комбайн. И Горовой, вспомнив о старой раме, подумал, что эта смена устаревшего новым неизбежна, как закон природы.

Поблескивая красным зрачком сигнала, подкатил пассажирский поезд. Гремя инструментами, шахтеры полезли в тесные приземистые вагоны. Ударил звонок — и, потюкивая на стыках, поезд покатил в глубину шахты. В узких горизонтальных окнах-проемах в одну сплошную желто-серую стену слились рамы крепления, и лишь временами, точно взмах черных крыльев, вырывались сбоку провалы сбоек.

Неразговорчивы шахтеры в шахте. Там, наверху, в раскомандировке, у ламповой, в мойке, — везде гудит, расплескивается шахтерская речь. Повсюду гомон, разговоры, шутки, смех. А здесь, внизу, короткие деловые фразы, вопросы и ответы, редко-редко, в минуты отдыха, немногословный рассказ о виденном.

Горовой не раз задавал себе вопрос, почему тише, молчаливей становятся товарищи, когда над их головами появится не потолок здания, не небо, а подхваченная крепью, пусть даже самой надежной, кровля. И ему казалось, что все это результат невольного сосредоточения духовных и физических сил, потому что каждая новая смена для шахтера не похожа на вчерашнюю; она действительно новая, как нов тот забой, в который он приходит, ибо за прошедшие сутки этот забой опять продвинулся на несколько метров вперед. Вот оно главное в жизни шахтера — движение! Идти непрерывно вперед, пересекать новые пласты, пробивать новые штреки, преодолевать новые препятствия, чутко прислушиваясь, внимательно всматриваясь в то, чем встречает его жизнь.

2

И снова вспомнил Горовой, что произошло вчера на производственном совещании. Да! Они выдержали трудный бой, и причем, как он ясно сознавал, не последний.

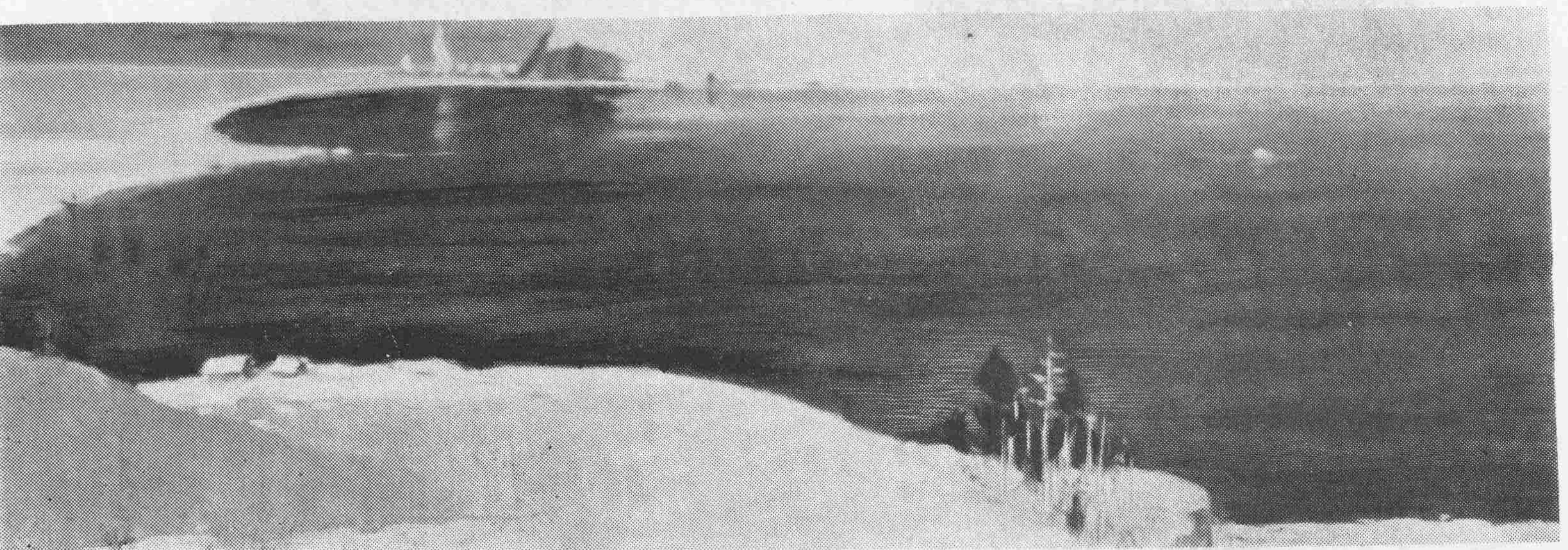
Сообщение о предложении Стрельникова сделал начальник участка Багров. Было видно, что он тщательно подготовился к своему выступлению, так как за все время доклада ни разу не воспользовался подготовленным текстом. Но хотя в докладе все находилось на своем месте и являлось совершенно правильным, Горовому он не понравился. Руководители шахты не браковали предложения Стрельникова. Выступивший первым Самарин согласился, что только быстрая выемка угля в лаве позволит лучше поддерживать кровлю и полноценно использовать комбайн.

— Но сможем ли мы обеспечить строгое выполнение графика? — спросил он. — Ведь в этом случае мы идем на определенный риск.

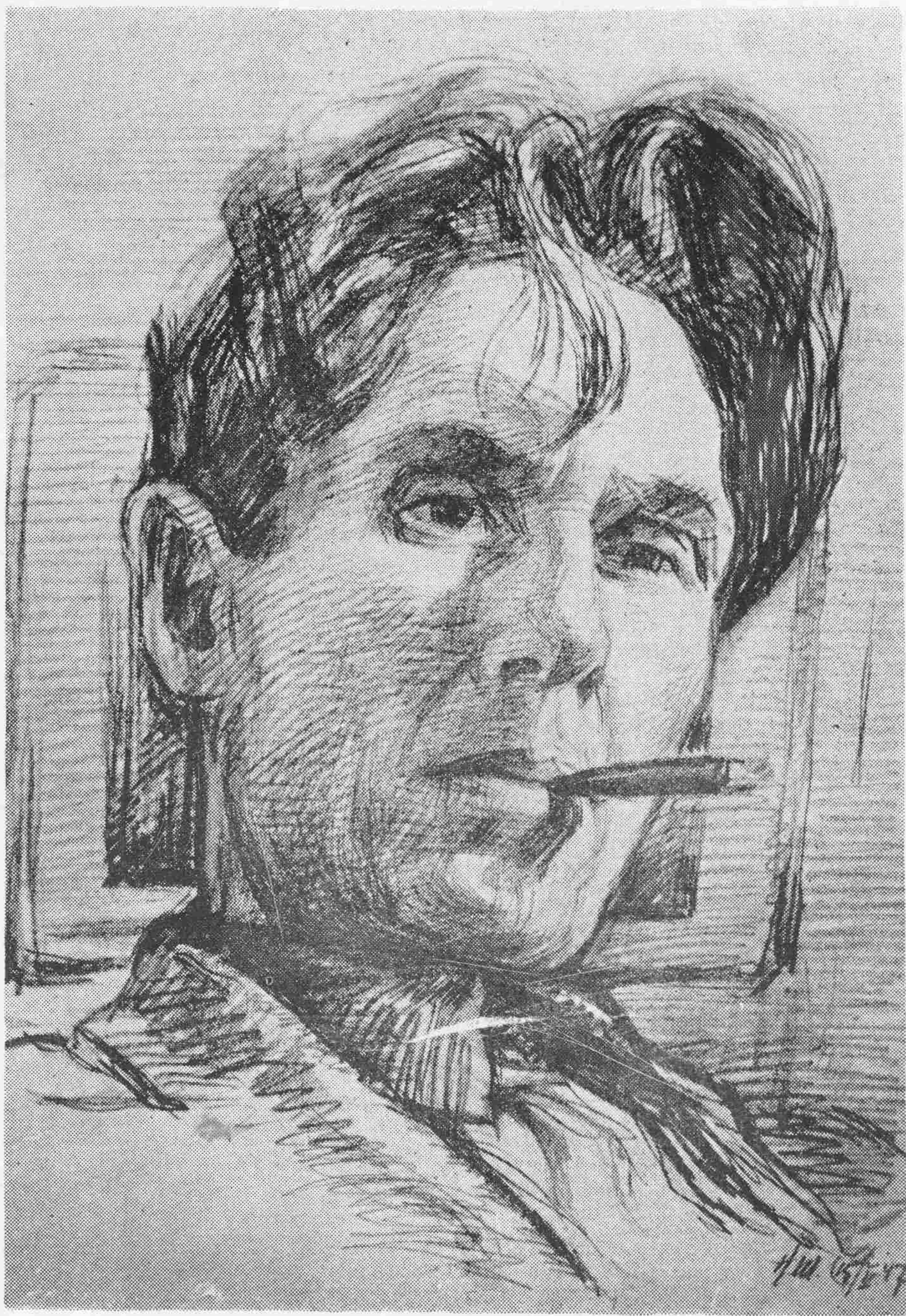
— Без риска ни одно сражение не выигрывалось! — заметил Крамов. — Важно, чтоб он был оправдан...

— В этом-то и вопрос! — сказал Самарин.

— Так вы считаете, что предложение неприемлемо?

В. П. Томиловский. **ИСТОК АНГАРЫ**. 1960 г.

Н. В. Шабалин. **АВТОПОРТРЕТ**. Карандаш. 1947 г.

— Нет, почему же? Я не возражаю... Попробуем... Испытаем. Только по-моему для такого опыта надо выделить неплановые лавы и испросить разрешение в тресте.

— Пока будем разрешения просить да лавы подыскивать, год пройдет! — крикнул с места Стрельников.

— Ну и что же? — перебил его Полозов, поднимаясь с места. Он огляделся, потом заговорил не спеша, веско, внушительно: — Мы предложения Стрельникова не отвергаем. Только проверено ли оно? А кто даст гарантию, что не произойдет никакого срыва? Никто. Сами не знаете, в какие дни мы живем. До партийного съезда всего полтора месяца осталось. Да и бригада у Горового не простая, за высокое звание борется. Что будет, если таким экспериментом займемся, а основное, первенство свое, упустим? Судите сами, надо ли в этом важном деле торопиться? Народ недаром говорит: когда торопятся — слепые родятся...

И Полозов сел на место.

Да! Он задал им сложную задачу, и ответить на нее надо сейчас же, немедленно. Горовой помнил, что перед выступлением у него вертелась в голове неотвязная фраза: «Имеем ли мы право на риск?»

Ею он и начал свое выступление. Федор сразу же забросал Полозова вопросами:

— Почему вы считаете, что при осуществлении предложения Стрельникова обязательно произойдет срыв?

— Это же только предположение! — возмутился Полозов.

— А почему руководство шахты решило, что трудности, связанные с внедрением предложения, могут повести к невыполнению обязательств? Почему он, Полозов, прямо не сказал, принимается ли предложение, как оно есть, то есть без создания всяких опытных участков? В чем конкретно заключается сомнение руководства шахты и, в частности, главного инженера по части практического осуществления предложенного графика работы? И разве, наконец, внедрение новшества не есть ли лучший подарок XXI съезду?

Он ставил вопросы резко, так, чтобы на них нельзя было ответить какой-нибудь увerткой. И, глядя на лицо Крамова, он видел, что тот поддержит новаторов. Он радостно думал об этом и в то же время догадывался, что, несмотря на вынужденное согласие с мнением большинства, Полозов не сказал еще своего последнего слова.

3

У десятых промежуточных штреков бригада Горового вышла из вагонов. Дважды прозвенел сигнал, и пассажирский состав, увозя товарищей, уехал дальше в глубину главного штрека.

Проводив его взглядом, Егорыч сказал Горовому:

— Далеко главный ушел! Считай, что на четыре километра от ствола. А ведь это батька твой его зачинал. Знаешь?

— Знаю.

Следуя цепочкой друг за другом, шахтеры свернули вправо на откаточный штрек, где располагался второй участок.

Отливая металлом, убегали вперед светлые ниточки рельс. Бесконечной вереницей вставали вдоль бортов в полумгле стойки крепления.

Егорыч шагал впереди всех и по своему обыкновению рассказывал молодым шахтерам о шахте.

— Знайте наперед: в шахте каждая выработка человека помнит. Рудничный двор кто проходил? Токарев Прокопий Наумыч. В главном штреке кто проходку зачинал? Степан Горовой да брат мой старшой Кузьма Протасов. А здесь на десятых откаточных и моя рука приложена, поди и мои стойки стоят, не сгнили. Так-то...

Он постучал топором по креплению.

— Крепка еще! Гудит.

Потом обернулся, отыскал глазами шагавшего позади всех Горяева, крикнул ему:

— А где мы, Иван, находимся?

— Как где? На десятом штреке...

— Не о том спрашиваю. Ты по поверхности сообрази, куда мы подошли.

— Не знаю...

— Эх ты, зеленая голова. А еще в студенты хотел попасть. Баки водонапорные над нами. Понял?

Иван Горяев представил себе пологую возвышенность, над которой располагалось шахтное поле. На самой ее вершине были хорошо видны три конусообразные насыпи над водонапорными баками городского водопровода. Неужели около них отрабатывают они свои лавы? Он представил себе поверхность земли над их головами.

...Голое снежное поле. Ледяные струи поземки. Занесенные сугробами березняки. Жалобное гудение проводов. Знают ли люди, что проходят или проезжают по этому полю, что под ними в глубине недр бригада шахтеров идет по штреку на работу?

Желтое пятно света показалось впереди. На его фоне черным клювом выступал хобот транспортера. Лава молчала. Только в автомате монотонно гудело какое-то реле.

Багров, еще с вечера спустившийся в шахту, чтобы подготовить лавы к работе, ждал у погрузочного пункта.

— Все готово! — сказал он Горовому, и лицо его, измазанное угольной пылью и машинным маслом, заулыбалось. — Ни пуха ни пера, Федор Степанович!

— Спасибо!

— Значит, приступаем по-новому работать! — пролезая в вентиляционную дверь на сборочном штреке, сказал Егорыч.

Алексей встретил машиниста предыдущей смены.

— Ну как, не барахлил комбайн?

— Полный порядок! Уже в нише. Руби только.

Мигнул два раза свет на погрузочном пункте — сигнал пуска лавы. Закрутилась лента конвейера, залязгали цепи скребковых транспортеров, зарокотал комбайн. И вот уже первые комки угля понеслись по ленте к вагонам, подскакивая, сверкая блестящими боками и вздрагивая на ходу, словно они были живыми.

Работа по новому графику на втором участке началась.

Глава двенадцатая

1

Бывают такие дни даже в самую суровую зиму, когда мороз словно сжалится над окаменевшей землей и на время ослабнет, «отпустит», как говорят старики. Вчера еще люди прятали от стужи лица в теплые шарфы и воротники, а сегодня ходят нараспашку, радуясь по-весеннему теплым лучам солнца.

Ночью выпал снег, и наутро в загородном лесу, парках и скверах все стало сказочно красивым. В неподвижном воздухе каждая веточка выступала отчетливо и резко. Под тяжестью снега согнулись ветки сосен, на лохматой изжелта-светлой коре прилепились снежные хлопья. На березах почти не видно черных пятен, все стволы залепило снегом. Каждый пенек надел на себя пушистую белую шапку, вдвое выше, чем он сам. Снежная пелена стала такой чистой, что на ней вблизи ясно различаются отдельные причудливые и хрупкие снежинки. Лучи солнца отражаются от них, и мириады радужных огоньков вспыхивают вокруг на верхушках деревьев, в кустах и в поле. Снегом занесло тропинки, следы и лыжни, и только неглубокие голубоватые вмятины показывают, где они были раньше.

После напряженной работы в шахте нигде не отдыхалось так весело и хорошо, как в лесу на лыжах.

Лыжная база была расположена на стадионе. Не только на шахте, но и в городе все давно знали, что стадион являлся гордостью Полозова, его детищем. Летом, когда стадион строился, все видели, что его строительству Полозов уделяет внимания значительно больше, чем самой шахте. Делалось все добротно, на совесть, и в этом чувствовалась жилка старого спортсмена и футболиста, каким был Полозов в юношеские годы. Имелось только одно сомнительное «но» в этом спортивном строительстве. Считалось, что стадион построен путем народной стройки, коллективных воскресников. Об этом в свое время громогласно сообщили радио и печать. В действительности же дело обстояло далеко не так. Горовой, Стрельников и другие шахтеры хорошо помнили, как организовывались так называемые воскресники.

Полозов вызывал к себе начальников цехов, отделов и участков и в безоговорочном порядке устанавливал каждому задание выделить на следующий день для работы на стадионе определенное количество людей.

— А как им платить? — спрашивали его.

— Проводите там как-нибудь.

И люди шли работать на стадион на «воскресник», в то время как им на шахте табельщики и десятники проводили рабочие смены. Обходилось государству это очень дорого, потому что на такие воскресники отряжались обыкновенно довольно высокооплачиваемые работники. Если бы строительство шло обычным способом с использованием землекопов, плотников и чернорабочих, а не инженеров и шахтеров, то закончили бы его скорее и лучше, а главное, производительность труда была бы значительно выше. Но тем не менее в городе много говорили о почине шахты № 8-бис в организации народной стройки, и городские руководители ставили Полозова в пример другим начальникам шахт, когда те не выполняли какое-нибудь мероприятие...

— Вот Полозов же умеет!

Горовой горячо возмущался этими фальшивыми принудительными «воскресниками» и не раз заявлял об этом Полозову, но начальник шахты всегда с неизменной улыбкой снисходительно отвечал:

— Да разве добровольно кто пойдет!..

И в этом выявлялось все существо Полозо-

ва. Он не очень-то верил в высокую сознательность людей, в превосходство морального убеждения над приказом.

2

В это теплое утро на лыжной базе было особенно многолюдно. Предстояли лыжные гонки на пять километров для женщин и десять километров для мужчин.

Алексей Стрельников стоял в стороне, внимательно наблюдая, как подходят лыжники.

— Ты почему на старт не идешь? — спросил его организатор соревнований.

— Он Тоню Калаеву ждет! — засмеялись ребята.

Алексей смутился. Он действительно ждал Тоню. После того памятного вечера, когда она ушла с Багровым, Стрельникову ни разу не удалось поговорить с ней. Она словно забыла про его существование. «Пустая, недалекая, черствая. Погналась за инженером. Незачем с ней и встречаться», — внушал он себе. А сердце стучало: «Милая, хорошая, светлая! Хоть бы скорее нам снова быть вместе, как раньше!» Не раз в эти вечера подходил он к библиотеке, не раз брался за ручку двери, чтобы перешагнуть порог и снова встретить своими глазами ее глаза. Но обида и мужская гордость не позволяли ему сделать этого шага, и он отходил от библиотеки, даже книги меняли товарищи.

Мимо пронесли красные флажки, которыми отмечают дистанцию. Алексей посмотрел вслед парню, несущему флажки, и вдруг увидел Тоню. Она стояла около забора в ярко-красном свитере и закрепляла ботинок на лыже. Алексей тихонько окликнул:

— Тоня!

Девушка повернула голову и, не заметив его, спросила:

— Что, Костя?

И только тогда Стрельников увидел, что рядом с ней стоял Багров.

Алексей отвернулся, до хруста сдавил ни в чем не повинную бамбуковую палку.

От бригады в соревнованиях принимали участие братья Ивановы, Брижатый и Хроленок. Прокопий и Кондрат еще в горнопромышленном училище занимали по лыжам первые места. Высокие, на первый взгляд немного нескладные, в синих свитерах, они, выйдя потренироваться перед гонками, сначала разминались, не одевая лыж, а потом легко заскользили по лыжне и быстро скрылись в перелеске.

3

Алексей Стрельников больше всего любил ходить на лыжах один. Ему нравилось уйти не торопясь в заснеженные березовые колки далеко-далеко, туда, где кончаются проторенные лыжни и не слышно ни людских голосов, ни шума и звуков города. А сегодня, после того как он увидел Тоню и Багрова, ему особенно захотелось побыть одному, и он ушел в лес по старой, переметенной в пургу лыжне. Лыжня была тяжелая, но, видимо, кто-то уже прошел по ней сегодня. По сторонам четко отпечатались следы палок, а на поворотах свежий снег был смят и слизан носками лыж.

Сверкающую нетронутую целину снега еще не испещрили своими следами обитатели леса. Только веселые стайки клестов перепархивали в вершинах одиноких сосен да на ветках таволжаника степенно топтались красногрудые снегири. Алексей скользил не быстрым, но податливым шагом, почти не пользуясь палками. Изредка лыжа задевала ствол дерева, и тогда сверху на юношу обрушивались охапки снега. Вначале он отряхивался, а потом перестал и шел дальше запорошенным с головы до ног. Временами на пути открывались широкие поляны. В белесой дали сливались ближние и дальние предметы, терялась глубина перспективы. Маленький кустик на соседнем снежном поле казался рощей, находящейся на краю горизонта, а лысая гора, до которой было более шести километров, поднималась буквально рядом, перед глазами.

Внимание Алексея привлекло красное пятно, мелькающее на поляне. «Лисица!» — угадал он. Зверек бежал неторопливой рысцой к кучам занесенной снегом соломы, где гнездились полевые мыши. Алексей свистнул. Лиса на мгновение остановилась и сразу, прибавив ходу, скрылась из виду. «Как Тоня!..» — горестно подумал Стрельников.

Он пересек большую поляну, скатился с пологого склона в ложбину и здесь наткнулся на занесенную снегом землянку. Летом в ней укрывались от дождя огородники, а теперь она стояла безмолвная, тихая, никому не нужная. Алексей уже хотел проехать мимо, но увидел у входа в землянку две пары лыж. Он подкатил к двери. Внутри слышались голоса. «Что это? Неужели?» Алексей прислушался. Сомнения больше не оставалось: в избушке находились Тоня и Багров.

Алексей никогда не смог бы рассказать о том, как, где и сколько времени он шел обратно. Он давно потерял лыжню, шел целиной по глубокому сыпучему снегу, два раза

выбирался на санную дорогу и опять уходил в перелески. На пути ему встретились два оврага и обледенелая, изрытая гора. Он несколько раз терял направление и останавливался, чтобы услышать, откуда доносятся паровозные гудки. А в голове неустанно стучала одна и та же мысль: «Тоня! Тонечка! Значит, все кончено... Багров! Багров тебе дороже...» И он мучительно представлял себе, что вот сейчас она с тем же грудным нежным смехом обвивает руками Багрову шею и целует, как целовала когда-то его...

4

Он вернулся на базу, когда уже смеркалось. Соревнования давно закончились. Из бригады на стадионе не было никого. Алексей сдал лыжи и пошел в общежитие. Дверь ему открыл Горяев.

— А мы тебя потеряли! — обрадовался он приходу Алексея. — В кино всей бригадой собрались. Ждали тебя, ждали, ну и пошли.

Алексей молча прошел в комнату и, не раздеваясь (чего с ним никогда не бывало), повалился на кровать.

— Ты что? — беспокойно спросил Горяев. — Заболел?

Стрельников не отвечал. Сейчас все ему было безразлично, казалось ненужным и лишним, он хотел только одного: забыться, не знать ни о чем.

— А я стихи дописал... — тихо сказал Горяев. — Из-за них и в кино с ребятами не пошел... Хочешь, прочту?..

И внезапно окрепнувшим голосом, немного нараспев, он начал читать:

Жили три товарища
В городе родном,
Мечтали три товарища,
Мечтали об одном.
И вместе пели песню,
И был припев такой:
«Товарищ мой, товарищ!
Товарищ дорогой!»

Сумерки становились все гуще, скрадывая очертания знакомых предметов. Время от времени стены озарялись отблесками света проходящих по улице автомашин, и тогда Алексею становилось видимым лицо Горяева. На нем не было того застенчивого и нерешительного, знакомого Стрельникову выражения. Лицо юноши было светлым и торжественным, каким Алексей не видел его никогда, и голос его стал как бы другим, налился силой и чувством, особенно когда он повторял:

Товарищ мой, товарищ!
Товарищ дорогой!

И эти напевные, ласковые повторения, обращенные словно прямо к нему, как-то успокаивающе подействовали на Стрельникова.

«Ничего! — думал он, не столько вникая в смысл стихов, сколько ощущая их искреннюю теплоту. — Ничего! Все еще уладится...»

И хотя он отгонял от себя всякую мысль о том, что случилось сегодня, и старался не думать об этом, но, повторяя свое «ничего», все-таки в самом дальнем тайнике души желал, чтобы это «ничего» относилось именно к тому, о чем он заставлял себя не думать.

Глава тринадцатая

1

Немы для человека, не работавшего в шахте, недра земли. Путаницей покажется ему сеть галерей-штреков, похожими друг на друга горные выработки, быстро потеряет он всякую ориентировку под землей. Но и для того, кто уже приобщился к шахтерскому труду и не раз, прощаясь с солнечным светом, спускался вниз, туда, где всегда горит электрический день, далеко не полностью известны подземные тайны. Надо вложить много искренней страсти, иметь подлинную любовь к шахте, чтобы раскрыть все загадки, которые задает человеку природа. Только внимательный и пытливый ум может увидеть и понять безмолвные для других приметы, прочесть их взволнованный рассказ о жизни недр.

Вот, словно зеркало, сверкнул в лучах прожектора косой отполированный срез породы. Хоть смотрись в него, так он гладок! Но берегись этого места! В любой момент могут рухнуть здесь своды и придавить своей тяжестью шахтера насмерть. Это след сброса, след скольжения пород. Слизуном называют его горняки.

Сухая была кровля в лаве, но вот хрустальные капли воды выступили на ней и закапали сверху. Смотри, шахтер! Неустойчива, в трещинах здесь кровля. Злейший враг шахтера — плывун — притаился в толще пород, угрожая все затопить, все уничтожить.

Обманчивой золотистой жилкой заструился в пласту угля колчедан. Не к добру это! Захрустят, сломаются стальные зубки врубовой машины и комбайна, когда наткнутся на тяжелые колчеданные желваки. Остановится лава, прекратится добыча.

Старый шахтер Семен Протасов умел читать страницы этой каменной книги. День за днем, год за годом вникал он в строение пород, в залегание пласта. С толком использо-

вал наблюдения для ускорения работ, раньше других примечал первые следы геологических нарушений, угадывал, когда появится в пласту вода, заранее предлагал руководству позаботиться о насосах. Его зоркий взгляд сразу видел закол породы в кровле, угрожающий работающим, улавливал тот решающий и грозный момент, когда горное давление достигало предела, и только немедленное укрытие людей в безопасное место могло спасти их от гибели. Многое знал Семен Егорович и не хранил свои знания в тайне, не прятал их от товарищей, стремясь сделать понятным и доступным для молодых шахтеров секреты трудного и опасного горняцкого ремесла.

Уже вторую неделю участок работал по-новому. Тяжелыми оказались эти дни для горняков. Новый график требовал, чтобы каждая операция была выполнена точно в установленный для нее срок.

Если раньше лавы могли простоять час-полтора почти без потери добычи, то теперь такой простой вел к срыву выполнения плана.

— Сумасшедшая работа! — говорил про второй участок Полозов.— Все впритирку. Малейший срыв — и все летит к чертям.

И добавлял свою любимую поговорку:

— Да разве так можно работать? Это же шахта, а не часовая фабрика, чтобы тютелька в тютельку.

— Не согласен я с вами, Василий Терентьевич, — возражал начальнику шахты главный инженер Самарин. — Ведь не потому срывы происходят, что времени в обрез, наоборот, именно из-за того, что время как следует не используется.

— Хорош график, — язвительно продолжал Полозов, — нечего сказать! Вчера у вагонетки колесо слетело, состав забурился [1], лава простояла без порожняка, и уже все пропало. Нет добычи!

— А почему не было под лавой запаса порожняка?—вмешался нетерпеливый Багров.— Почему лес доставляют только тогда, когда последние палки на штреке собираем?

— Знаю... Знаю... Молод ты меня агитировать. Сам помню, как во время войны электрические лампочки под расписку шахтерам выдавал. Поштучно! А теперь вон у нас по главному штреку светильники дневного света. Видишь, какой диапазон! Только шахта, она все равно шахтой останется. Свои у нее законы.

— Не часовая фабрика?

— Эх, Багров, Багров! Поработал бы ты с мое на шахте, понасмотрелся того, что я видел,— не то бы запел...

Да и не только среди руководства велись такие разговоры.

— Тяжело! — говорили многие шахтеры, узнав о неполадках и срывах на участке. — Ведь два цикла в сутки! Шутка ли!

— Лаву-то, как игрушку в руках, крутить надо!

И все не скрывали удивления, когда слышали о том, что второй участок не только не завалился, но выправился и даже стал перевыполнять план.

— Никак и впрямь они свой график освоили!

Только один Киктев, проходя мимо Доски показателей и взглянув, какое место занимают в соревновании участки, усмехаясь, говорил:

— Это горовские сперва так разошлись. Потом как загремят вниз — куча дров получится.

2

Шахтеры других участков, конечно, не знали, каких усилий требовалось от Горового и его товарищей, чтобы добиться первых успехов. Ведь, кроме них, в лавах по освоению нового графика работали еще три бригады. И людям Горового приходилось бороться не просто за выполнение заданий своей смены, а трудиться так, чтобы заразить своим примером остальных.

Все члены бригады старались изо всех сил, а молодые шахтеры даже за лесом на штрек отправлялись чуть ли не бегом, пока такая погоня за экономией времени не окончилась тем, что Вася Хроленок, споткнувшись на бегу, больно ударился о стойку и Горовой охладил ретивый пыл молодежи замечанием:

— Так бегать, только носы побьем.

А Кирьян Швец, стараясь угодить товарищам, отличился в другом.

На второй день работы, когда из-за аварии на подъеме особенно трудно было с лесом, он, работая в этот день на доставке леса, привез к лаве две рогатки крепежника и радостно доложил Горовому:

— Ни у кого лесу нет, а я достал!

— Молодец! А как раздобыл?

— Никому только не говорите. Эти рогатки лесовозы капитального участка еще вечером спустили. В сбойке оставили. Ну, а я их того...

[1] Забурился — сошел с рельс.

— Украл?

— Для бригады же, товарищ бригадир! Для общего дела.

— Гад ты, Кирюха, настоящий и все! Что ты наделал? Бригада наша за такое звание борется, а ты ее в воровстве замешал. Отвези лес сейчас же обратно.

— Так ведь лава без лесу...

— Отвези, говорю! Не выводи меня из терпения. А тебя предупреждаю в последний раз: сделаешь еще что такое — вон из нашей бригады!

3

Багрову доставалось в эти дни, пожалуй, больше всех. Никто не мог сказать, когда он отдыхает. В три-четыре утра, когда в шахтном комбинате было еще необычно пустынно и тихо, шаги его уже гулко раздавались в просторном зале общей раскомандировочной. Он шел в шахту проверить перед сменой ход подготовки лав. А в семь утра был на-гора, давал наряд бригадам. Вторая смена снова видела его на раскомандировке, а через несколько часов он заходил к ним в лаву, проверял переноску конвейера и крепление.

Горовому, Протасову и другим опытным шахтерам видно было, что Багров делает обычную для молодого руководителя ошибку: все хочет охватить и сделать сам, вместо того, чтобы побольше требовать с механика и горных мастеров. И хотя им приятно было видеть его усердие и заботливость об участке, но Протасов однажды сказал инженеру, видя, как он опускается в шахту второй раз за сутки:

— Тебя, парень, так ненадолго хватит! Все равно в каждую дырочку один не залезешь.

Горовой был несколько обескуражен, когда к нему после работы подошел корреспондент местной газеты. Глазастый, быстрый в движениях паренек довольно фамильярно обхватил его за плечо и, представившись, тоном, не допускающим возражений, заявил:

— Ну, давайте выкладывайте ваши секреты, товарищ бригадир!

— Какие секреты?

— По двухцикличному графику.

— Рановато, однако. Еще не освоен график.

— Ничего! — скороговоркой проговорил корреспондент. — Нам тема важна. Для показа. Пойдет под рубрикой «Дела и люди».

Размашистым почерком он наспех набросал что-то в блокноте и, сообщив, что цифры он возьмет в плановом отделе, уехал.

А через два дня в газете был напечатан большой подвал под заголовком: «Новое побеждает».

И, читая эту хвалебную статью, Горовой чувствовал себя неловко, словно он взял у кого-то взаймы и должен немедленно отдать долг, а денег не имел.

«Поторопились! — досадовал он. — Не надо было ничего этого делать!»

Но было уже поздно.

Впрочем, статья имела и свои положительные результаты. Прочитав в ней о том, что «руководство шахты поддержало славный почин новаторов», Полозов значительно переменил свое отношение к работе второго участка. Отступать было нельзя, иначе можно попасть в нехорошее положение руководителя, не поддерживающего новаторов. А он вовсе не хотел оказаться в столь неблаговидной роли.

4

Беда пришла внезапно, когда никто ее не ждал.

Егорыч еще в конце недели обратил внимание Багрова и Горового на изменения в угольном пласту.

— Видишь, уголь-то ржавым стал, — говорил Протасов. — Налет на нем есть, и кровля вроде как порыжела.

— Ну и что? Постучи-ка по ней кайлой, нисколько не бунит [1]. Крепкая!

— Сегодня крепкая, а завтра... Завтра гляди в оба. Такое всегда перед нарушением бывает. Помяни мое слово!

Ребята пригляделись к углю. Был он, действительно, не такой, как прежде, однородный, блестящий, крепкий. По плоскости наслоения виднелись радужные разводы, куски легко дробились от нажатия руки.

— Беда, коли перелом выйдет! — сказал Назар. — Опасно тогда в лаве работать.

А наутро из шахты сообщили: лаву «перекрыло породой». Почти треть ее рассек сброс с амплитудой [2] в два метра. Вместо угля на рабочей полосе выходил серый перемятый сланец.

Предсказание старого шахтера сбылось.

Глава четырнадцатая

1

Стрельников после ссоры с Тоней не посещал библиотеку, но в клубе ему приходилось

[1] Бунит — шахтерский термин. При выстукивании отставшая, угрожающая обрушением порода издает особый звук: бунит.

[2] Амплитуда — размах, расстояние сдвижения пород.

бывать довольно часто. Шла подготовка к новогоднему празднику. Клубные комнаты не пустовали ни одного вечера, везде проходили занятия кружков художественной самодеятельности. Привлекли к участию как заядлого плясуна и Алексея. В этот раз он пришел с небольшим запозданием, занятия шли везде полным ходом. В лекционном зале разноголосо гудели трубы духового оркестра и ухал барабан. В фойе на полу клубный художник, обрюзгший, лохматый человек, с носом пуговкой, трудился над большим панно на тему встречи нового года. Художника много раз собирались выгнать с работы, но угрозы не приводились в исполнение по одной простой причине: он являлся персональным художником самого Полозова. Его картины (копии с полотен известных мастеров) украшали полозовский особняк, а шедевром его труда были портреты самого начальника шахты, его супруги и деток.

Проходя мимо двери, за которой тренькали балалайки и ныла гитара, Стрельников чуть не столкнулся с идущей по коридору Тоней. Она увидела Алексея еще издалека и сделала вид, что идет о чем-то задумавшись. Так, наклонив голову, она и прошла мимо.

«Тоня!» — хотел было крикнуть Стрельников и уже побежал за ней, но остановился и махнул рукой. «Загордилась! Инженера нашла! Нет, он не побежит за ней. У него тоже самолюбие есть...» И, приняв уже в который раз решение не встречаться с Тоней, быстрыми шагами пошел в зал, где на сцене проходила репетиция певцов и плясунов.

Первое, что он увидел, распахнув дверь в темный необычно пустой и гулкий зал, была слабо освещенная сцена и на ней три человеческих фигуры. Прожекторы не были включены, и лица людей скрывались в тени, но Алексей сразу узнал, что у рояля вполоборота сидела Евстратова, перед нею стояла Фрося Калмыкова, а Вася Хроленок смотрел на обеих, сдвинув меха баяна.

— Начали! — сказала негромко Полина Васильевна. Хроленок, мотнув головой, откинул с узкого лба упавшую прядь, и задумчивая мелодия русской песни полилась со сцены.

И тотчас же Фрося запела низким грудным голосом:

Возле бережка крутого
День и ночь волна бежит...

Пела Фрося хорошо, душевно, и стала от песни еще красивее, чем была.

...Хорошо любить такого,
Кто любовью дорожит...

«Хорошая она все-таки девушка!» — подумал Стрельников, а сердце подсказало: «А Тоня все равно лучше!»

— Славный голос! — заметил кто-то, когда Фрося кончила петь. — Ее бы учить не мешало...

Объявили перерыв. Стрельников прошел на сцену. Около Фроси толпились девчата, поздравляя подругу. Пройдя к ней, чтобы тоже поздравить, Алексей вдруг увидел горящие глаза, которые из полумглы были устремлены на девушку. «Кто это?» — подумал Алексей, но не узнал скрытого в тени лица.

Человек, стоявший за кулисами, был Вася Хроленок. Маленький Вася от всех скрывал свою сокровенную тайну — он любил мотористку Фросю. Не знала об этой любви и Фрося, потому что щупленький баянист, всегда аккомпанирующий ей на концертах самодеятельности, даже не пытался никогда открыть ей свои чувства. Откровенно говоря, Вася боялся сказать ей об этом. Ведь она такая красивая, высокая, а он что? Коротышка, едва ей до уха. Узнают люди о такой любви: жизни не дадут, засмеют. И Вася нес свое тяжкое бремя молча, влюбленными глазами смотрел на Фросю из темноты, а когда приходилось встречаться, опускал глаза или грустно шутил:

— Мы, Фрося, с тобой всегда об одном и том же поем...

— О чем?

— О любви...

Фрося в ответ улыбалась, так и не замечая горящего взгляда своего баяниста.

2

Алексей Стрельников напрасно пытался махнуть на свою любовь рукой. Уже давно закончилась репетиция его выступления, а он все не уходил, толкался в клубе из комнаты в комнату, не желая сознаться, что он делает все это из-за Тони.

Наконец кто-то из ребят недвусмысленно заметил:

— Ты что это, как неприкаянный шатаешься из угла в угол?

Он отшутился:

— Свою тень ищу...

— А тень-то твоя в юбке?

Негодуя на себя, Алексей поднял воротник полупальто и вышел на клубное крыльцо. Здесь, в темном углу, облокотясь на перила, он стал наблюдать за теми, кто выходил из клуба. Первым вслед за ним вышел невысо-

кий парень в пушистой, как у Швеца, меховой шапке.

Он, как и Алексей, отошел в противоположный от Стрельникова темный угол и закурил папироску.

«Тоже кого-то ждет», — решил Стрельников, видя, как тот напряженно уставился на входную дверь.

Вскоре из клуба с шумом, смехом и песнями повалила молодежь. Тщетно всматривался Алексей в гулкую толпу. Тони среди нее не было.

Когда схлынула основная масса, в дверях стали появляться тесно прижавшиеся друг к другу парочки. У Алексея тревожно забилось сердце. Снова перед глазами пронеслась картина: занесенная снегом землянка в лесу, две пары лыж около входа, веселый разговор за дверью.

«Неужто это правда, что Тоня меня разлюбила?»

Знакомый смех заставил его вздрогнуть. Он весь подался вперед.

Да! Сомнения быть не могло. Тоня и Багров снова вместе. Он провожает ее домой. Значит, все кончено. Навсегда. Совсем.

Он посмотрел вслед уходившей парочке. Высокий Багров, наклонив голову вбок, рассказывал девушке что-то веселое.

Горячая волна ревности подступила к сердцу, больно сдавила горло. Алексей рванулся было вперед, но вовремя удержался. Надо переждать, пока уйдут все. Будет неудобно, если кто увидит его здесь, притаившимся на крыльце клуба.

Снова открылась дверь — и из здания вышла высокая девушка. Навстречу ей скользнула чья-то тень. «А это тот, ожидающий!» — подумал Стрельников.

Невысокий паренек подхватил девушку под руку, и они стремительно сбежали по ступенькам, попав в полосу света.

«Да это же Кирьян Швец с Фросей!»

Он еще постоял немного и, видя, что из клуба больше никто не выходит, зашагал домой. По дороге его нагнал запыхавшийся Хроленок.

— Ну и чешешь ты, — сказал он, стараясь подстроиться в ногу Алексею. Стрельников удивленно оглянулся.

«А ты откуда взялся?» — хотел спросить он товарища, но промолчал.

Думая каждый о своем, они подошли к общежитию.

3

После первой встречи Фрося и Швец побывали в кино.

Он пришел с запозданием, когда в зале уже погас свет, и Фрося подумала, что он вообще не придет. Но он все же пришел, сел с нею рядом и в течение всего сеанса смешил ее, обращая внимание на какие-нибудь мелкие детали фильма. Он показывал ей, как шлепает языком собака, изнемогающая от жары, как ковыряет в носу стоящий в толпе мальчишка, как застыла с разинутым ртом девушка, провожающая взглядом машину. А так как никто из соседей-зрителей не заметил этих забавных мелочей, Фрося заключила, что он не такой, как все, не похож на других. И это в свою очередь возвысило в ее глазах значение их встречи.

Правда, ей было не совсем понятно, почему он, не дождавшись конца сеанса, вышел из зала, сказав, что будет ждать ее у входа. Но он чуть не обманул ее. Когда она вышла, Швец стоял в дальнем конце площади перед клубом, около покрытых куржаком кустов акации. И снова они шли вдвоем по притихшим ночным улицам, долго стояли в воротах многоквартирного дома, где жила Фрося, и опять он веселил ее своими бесконечными затейливыми рассказами.

— Мне с тобой хорошо, Фрося! — сказал он на прощанье, но не попросился к ней, а опять ушел, условившись о новой встрече.

Так они встречались несколько раз, и Фрося не могла уже обойтись без этих встреч, хотя порой они казались ей какими-то странными, потому что всегда происходили не на людях — в темноте кино или на безлюдной улице. Она заметила, что Швец ни разу не подошел к ней, когда она стояла с подругами или разговаривала с другими парнями. Но она объяснила это его стеснительностью, скромностью и, как она хотела думать, серьезностью намерений. Как-то раз, когда они шли по улице, она даже высказала ему свое затаенное:

— Ты думаешь, Киря, если такие, как Гоха Золотарев, про меня гадости рассказывают, так это правда? Нет, я честная девушка и честью своей дорожу, и не одному от меня досталось, когда лез...

Она стала называть его Кирей недавно, с тех пор, как он однажды при прощании задержал ее руку в своей, словно не хотел отпускать, а до этого она не решалась обращаться к нему иначе как по имени-отчеству — Кирьян Иванович, хотя и был он совсем ненамного старше ее.

В последнее время ей все чаще хотелось побыть с ним наедине и не где-нибудь на улице, а дома, в ее маленькой комнате, которую она снимала у знакомой. Но она не сразу решилась на это, ей казалось, что для него зайти к ней значило очень многое, да, может быть, и вообще все это он делает просто так, или, как говорила знавшая об этих встречах ее хозяйка, «морочит ей голову». Больше всего ее удивляло то, что он совсем не говорил с нею о любви, о чувствах, а влюбленных, особенно Алешу Стрельникова, попросту просмеивал и даже сказал про любовь очень странно и непонятно, что она атавизм. Фрося не поняла этого слова. Все же она набралась духу и пригласила его к себе.

Она много времени потратила на уборку комнаты, все перестирала, вымыла, вычистила, приколола на коврике над кроватью самые красивые открытки из альбома, а потом часть сняла, подумала, что, может, они ему не понравятся, и попросила у соседей несколько книг, чтобы не совсем пустой была маленькая этажерка. Она помогла хозяйке прибрать в сенях и во дворе, так что та подняла ее на смех:

— Женихаешься, девка!

Но Фрося не рассердилась на нее. Ей самой хотелось, чтобы это было именно так: она женихается, у нее жених. Не какой-то рыжий Гоха с всегда полупьяной рожей, а настоящий шахтер из самой передовой бригады.

— А хозяева дома? — спросил Швец в ответ на ее приглашение.

— Дома.

— Не хочется их тревожить. Лучше в другой раз.

Она вначале расстроилась и чуть не заплакала от огорчения, а потом успокоилась и даже обрадовалась. «Как же я не поняла? Он же хочет побыть со мной совсем один!..» Сердце ее уже было целиком заполнено любовью и ничему другому места там не было.

— Приходи в воскресенье, вечером. Хозяин с хозяйкой к родне гулять уйдут...

4

Фрося читала в книгах про свадьбы и торжественные обряды бракосочетания, про свадебные путешествия во время медового месяца, и ей почему-то представлялось, что их встреча будет чем-то похожа на помолвку, хотя ни он и ни она еще ни слова не говорили о любви. И опять ей хотелось, чтобы это была помолвка, чтобы он пришел к ней и рассказал ей не какой-то смешной анекдот, а о том, как он ее любит и хочет быть с нею вместе... надолго... навсегда...

Хозяева наконец ушли. Они никогда не запирали своей комнаты, только попросили проследить за печкой, пока она протопится. Стук в дверь раздался совершенно неожиданно, когда Фрося собралась приготовить на стол. Она выскочила в коридор, забыв закрыть дверь квартиры. Холод клубами повалил в комнаты.

— Одна? — спросил Кирьян не переступая порога и, увидев утвердительный кивок головой, прошел внутрь.

Никогда еще Фросе не казалась такой уютной ее маленькая комната. Швец взял со стены гитару и, попробовав струны, заиграл, подпевая себе, веселый мотив:

И сказала: «Кукареку!
Дайте пудры и духов
Для приманки петухов!»

Фрося откупорила бутылку «столичной», но он не стал пить, пока не выпила свою дозу она, а на просьбу выпить еще сказал:

— Только вместе.

И снова взялся за гитару. Фрося желала, чтобы он был поближе к ней. Она оторвала его от игры, придвинула стул, развернула альбом с фотографиями и открытками. С первой страницы на них глядели дешевенькие изделия базарных издателей: обнимающаяся парочка за столом с надписью: «Любовь до гроба!», целующиеся голубки и снова парочка на фоне условного изображения сердца.

— Любви нет! — сказал, сверкнув глазами, Швец. — Все это пустое!

Ее огорчила насмешка.

— Женятся же люди.

— Чтобы детей иметь, — ответил, так же усмехаясь, он. — Детей и семью.

И, заметив ее растерянный взгляд, заговорил прерывисто и быстро:

— Главное, влечение... Понимаешь, Фрося, влечение мужчины к женщине. Вот, скажем, к примеру, мы... Тебя тянет ко мне, меня к тебе. Как бы мы ни уклонялись от этого... как бы ни скрывали... Все равно притянет друг к другу... Никуда от этого не уйти...

Впервые он заговорил так с Фросей, и ей на миг стало страшно, потому что он высказал какие-то не совсем понятные, запутанные мысли. Но она не прерывала его и не оттолкнула, когда он склонился к ней совсем близко-близко, так что она в его расширившихся зрачках увидела свое крошечное изображение.

— Не надо! Не на-до! — вскрикнула она, отталкивая рукой его лицо, и, вырвавшись из

обнимающих ее рук, выскочила в прихожую. Но в следующее мгновение почувствовала, как сильные руки подхватили ее и понесли в темную спальню хозяев.

— Ты, девка, свои гребенки у нас под кроватями не теряй! — ядовито сказала ей назавтра хозяйка. — Для таких делов своя постель имеется! — прибавила она с издевкой.

Потом, когда первая досада прошла, она зашла к Фросе и уже дружелюбным тоном сочувственно сказала:

— Вот завсегда так получается... Дура наша сестра... Прежде чем что... В загсе надобно расписаться, ан нет... Неймется! Не терпится!

— Он хороший! — тихо оправдывалась Фрося.

— Хороший-то, хороший, а в загс-то бы не мешало.

Швец бывал теперь у Фроси часто, даже днем, но всегда в то время, когда, кроме нее, в квартире никого не было.

Глава пятнадцатая

1

Дом, в котором жил начальник шахты № 8-бис, был в некотором отношении весьма примечательным. Если бы он находился в центре рабочего поселка, это давно бы стало ясно каждому. Но Полозов предусмотрительно построил его на окраине, рядом с березовой рощей, и поэтому внушительные размеры полозовской усадьбы не так бросались в глаза людям. Восьмиоконный деревянный особняк Полозова был срублен из леса, предназначенного для строительства четырехквартирного дома. Полозов лично сам составил схему внутренней планировки, что не мешало ему во время постройки несколько раз изменять свои собственные наметки. Два раза в день наведывался начальник шахты на строительство своего дома, строго следя за тем, как укладывается каждое бревно и становится каждая рама. Прорабу надоело ломать и по-новому ставить перегородки, но Полозов был неумолим, требуя новых и новых переделок, пока наконец наступление осенних холодов не вынудило его остановиться на одном из вариантов. Дом обсадили деревьями, а во дворе соорудили несколько хозяйственных построек и все вокруг обнесли высоким забором. Казалось, что Полозов вселяется сюда навек.

Полозов вообще был хозяйственным и экономным человеком. Весь поселок знал его когда-то черную, но уже побуревшую от времени суконную на вате тужурку, в которой он ходил и осенью и зимой. Не только на шахте, но даже в городе, его привыкли видеть в простой синей молескиновой куртке и кирзовых сапогах, что выдают шахтерам как спецовку. От этого костюма он отказался только тогда, когда приехавший в трест заместитель министра, вызвав его для доклада, спросил:

— Где начальник шахты.

— Я слушаю вас! — ответил, вытягиваясь, Полозов.

— Не вижу, где начальник шахты... Скажите, товарищ управляющий трестом, может быть, Полозов мало зарабатывает?

— Нет, почему же! Премии всегда получает...

— А что ж он в спецодежде ходит... Купите ему приличный костюм!

Никто, конечно, не решился сказать, что у Полозова в гардеробах висят несколько отличных и дорогих костюмов, заготовленных впрок.

Он иногда любил порисоваться перед подчиненными своей бережливостью и расчетливостью. Молодым инженерам, еще не научившимся жить, он рассказывал о том, что велосипед, который он купил юношей, до сих пор исправен и блестит как новенький. И это было неудивительно, потому что на нем никто никогда не ездил.

Обычно Полозова называли на шахте — хозяин. «Ты к хозяину? Что хозяин сказал?» — говорили про него горняки. Он и был на шахте настоящим хозяином — расчетливым, требовательным, беспокойным. В его характере было что-то от деревенского мужика-единоличника, всегда смекающего пользу для своего хозяйства. Но Полозов был хозяином только до порога своего дома. Подлинной главой семьи являлась его жена.

2

Вера Семеновна была женщиной с волевым характером. Когда-то она не без успеха выступала на сцене, но ее творческие замыслы оказались весьма прозаическими: артистка Вольская при первой возможности вышла замуж за молодого, быстро продвигающегося по служебной лестнице инженера Полозова.

Она умела властвовать дома, потакая интересам и привычкам мужа. Когда Вера Семеновна узнала, что соседней шахте выделили «победа», а ей все еще приходится пользоваться парой лошадей, она долго и методично внушала мужу, что, видимо, в тресте его не так уж ценят, если обошли с легковой машиной.

— Но куда же мне ездить на ней? — недоумевал Полозов.

— Да пойми же, милый... Машина — это престиж. Это показатель твоей значимости. Ты же сгораешь на работе и должен что-то получать взамен.

Зато как приятно было потом проехать по улице в персональной «победе» и, остановившись, сказать встретившейся знакомой:

— Вы знаете, мой Вася так устает на работе... Так устает... Отдохнуть некогда! Ведь это такая ответственность — руководить шахтой!..

А особняк! Не она ли первая подала о нем мысль мужу, зная его хозяйственные замашки. Правда, в этом вопросе она не добилась того, чего желала. Ей хотелось, чтобы дом стоял на виду, где-нибудь на пригорке, и перед его парадным входом красовались колонны, как в старых усадьбах, но получилось несколько иначе...

Полозова была немолода. Как искусно ни скрывала она под слоем крема и пудры безжалостные следы времени, годы брали свое. Шершавилось морщинками лицо. Потускнели, отцвели глаза. А ей все по-прежнему хотелось быть пленительной, красивой, молодой. Дожидаясь приезда мужа, она часами просиживала у зеркала. Но молодость не могла возвратиться. И сознание этого старило еще больше.

Пусто было сейчас в полозовском доме. Подросли и уехали дети. Хотя Вера Семеновна не так уж много времени уделяла их воспитанию, однако она говорила и даже сама была уверена в том, что дети — ее единственная цель жизни. Главное — вырастить их, поднять на ноги! Казалось бы, не она ли готова была все отдать для того, чтобы они были счастливы? Когда Юрочка рос, ему ни в чем не было отказа, и, хотя муж запрещал баловать ребенка, она не могла допустить, чтобы у него не было какой-нибудь новой игрушки, появлявшейся в магазинах... Конечно, во всем виновата школа. Разве там могут воспитывать детей? Не учила же она Юрочку курить сама? А он в двенадцать лет уже таскал у отца папиросы! Не угощал же водкой отец? А сын, учась в девятом классе, пришел с вечера пьяный. Отец отодрал его ремнем, но это не помогло. Вот теперь он с горем пополам окончил техникум и работает на шахте. Дня не пройдет, чтобы не напился. Люди говорят, что его никто не держал бы на работе, если бы не отец... А Варя? Она, безусловно, умная девочка. Но как она дерзит матери! Перед отъездом на учебу не захотела даже по обычаю посидеть молча минутку, а на замечание ответила: «Не хочу быть похожей на вас!..» Нет! Дети не поняли ее материнского сердца... Теперь их не было. Что же оставалось ей? Посидеть часок, другой над вышивками, а потом вызвать машину мужа и колесить по магазинам, высматривая какую-нибудь очередную покупку — «вещь для дома», как выражалась она.

Вера Семеновна оторвалась от своих мыслей. За окном остановилась машина мужа.

Полозов приехал с шахты расстроенный.

— Вася! Что с тобой? На тебе лица нет! — взволнованно воскликнула Вера Семеновна и театральным жестом заломила на груди руки. — Я умоляю, скажи, что случилось?

— Погоди немного, Верунчик! — сказал Полозов, раздеваясь. — Сейчас расскажу.

Он размял руками папироску и закурил.

— На стол накрывать?

— Подожди...

Покурив, Полозов немного успокоился. Как-никак, а здесь, дома, он мог говорить обо всем совершенно откровенно. Не надо следить за собственной речью, чтобы случайно не высказать то, о чем он думал и во что веровал до глубины души.

Вера Семеновна подошла сзади, сжала ладонями его голову и поцеловала в лоб.

— Не надо, милый, принимать все так близко к сердцу. Береги свои нервы. Эта проклятая шахта и так отнимает тебя у меня. Да, кстати, почему не приезжал Кузин? Он обещал привезти и показать мне образчик нового тюля, который недавно поступил на базу.

— С этим Кузиным и без того неприятности! — недовольно пробормотал Полозов.

— Какие неприятности?

— Построил силами подчиненного ему стройучастка зимнюю кухню во дворе. Ну, шахтеры и возмущаются.

— Но ты же сам разрешил ему... Я не вижу здесь ничего особенного. У нас тоже есть такая кухня, подвал, сарай, гараж, стайки.

— Это было, Верочка, раньше. Понимаешь рань-ше! А теперь все говорят, особенно Горовой, что поведение Кузина нужно обсудить на партбюро. У рабочих квартиры не отремонтированы, а он кухню для кур отгрохал. Пришлось распорядиться, чтобы разломали и обратно на шахту увезли. Не будешь же из-за этой кухни свою голову подставлять.

— Я одного не понимаю, Вася. Что вы все носитесь с этим Горовым? Горовой! Горовой! А что он из себя представляет? Простой рабочий.

— Э, Верочка! Горовой — хороший рабочий. Передовик. Такие шахте нужны. Вот только беспокойный чересчур. Все ему по-

своему надо. Не так, как у людей. Это главный его недостаток. Он меня в такую галошу нынче посадил, прямо не знаю, как разделаться.

— Это с новой системой работы?

— Ну да. Тогда на производственном совещании они меня приперли. Я согласился. А теперь хоть волосы на себе рви. Лава зашла в перелом, качают одну породу, добычи нет, план по шахте срывается. И, главное, что? Отнести все за счет новой системы нельзя. Сам поддержал. Вынужденно, а поддержал. К тому же еще газета это дело подхватила. Что делать, ума не приложу... Ну, ладно. Давай есть. Только теперь чувствую, как я проголодался.

Вера Семеновна накрыла на стол. Достала из буфета розовый графин с водкой. Полозов любил выпить и втайне всегда посмеивался над теми, кто считал его абсолютным трезвенником. Но пил он с умом или, как говорят про таких, как он, пил дома под одеялом. Когда же ему приходилось попадать в какие-либо компании, то он всегда отказывался от вина.

— Увольте. Не могу! Сердце не позволяет...

— Как я завидую другим женщинам! — подавая обед, манерно говорила Вера Семеновна. — Вчера встретила в магазине старушку Протасову. Ну, жену того Протасова, с которым ты, как мне рассказывал, в забое работал...

— Какая же она старушка... Она твоих лет...

Полозова недовольно передернула плечами. Губы ее скривились.

— Если ты хочешь, пусть будет так! Во всяком случае из ее разговора я поняла, что ее муж, простой шахтер, имеет больше возможности уделить семье, чем ты — начальник шахты. Отработает свои шесть часов и идет домой. А ты вот пробыл там с самого утра и вечером опять поедешь. Куда это годится! Неужели вы, инженеры, не можете так распределить свое время, чтобы не быть прикованными к работе. А еще так много говорили про сокращенный рабочий день...

— Верочка! Это же шахта...

— А не кондитерская фабрика... хочешь ты сказать... Уже слышала... Кстати сказать, я не понимаю, Вася, почему ты так огорчаешься неполадками с новым графиком. Мне кажется, что далеко не все потеряно.

— Но, Верунчик, мы же договорились, что работа — это целиком моя область...

— А все-таки я выскажу свое мнение. Неужели ты не понимаешь, что у тебя есть прекрасная лазейка...

— Верочка!

— ...Ну, выход! Это одно и то же. Ты же предлагал выделить для новой системы специальный опытный участок?

— Предлагал.

— Сейчас у тебя на прежнем участке неблагополучно?

— Да, там сброс.

— Неважно, что там. Главное, есть причина... Ты не против нового метода, наоборот! Но природа... Я чуть не сказала воля божья... Природа разрушила твои планы. Значит, надо остановить эти работы. Ведь так?

Полозов на минуту задумался, потом улыбнулся.

— А ты, Верунчик, пожалуй, верно рассудила. Завтра поставлю вопрос об этом в тресте.

— Вот видишь, Вася. Выходит, можно твоей женушке иногда вмешиваться в твою область...

Глава шестнадцатая

1

Как к тяжелобольному относятся на шахте к участку, который столкнулся с геологическими нарушениями. Уже не про то, сколько накачано из лав угля, спрашивали шахтеров второго участка. Один вопрос тревожил всех:

— Ну, как? Окончилось нарушение? Нет еще... А скоро?

Тяжким, обременительным грузом лег на плечи шахты выход из строя угольного фронта. С десятого промежуточного штрека, откуда раньше один за другим уходили к стволу составы с углем, теперь вывозили вагонетки с породой, забивали ими в рудничном дворе запасные пути, до предела загружали породный подъем. А порода все шла и шла. Рыжая и серая рыхлая порода, которая не нужна никому. И шахтеры второго участка, проходя мимо сбоек, заставленных вагонами с породой, чувствовали себя неловко, словно это не природа, а они сами были виноваты в том, что в лавах вышел сброс.

Горовой в эти дни заметно похудел и подтянулся. Но вместе с тем в угловатых, немного восточных чертах его лица, во всей его фигуре появилась какая-то внутренняя собранность и твердость. Таким бывает куст надежного крепления, когда его придавит кровлей и он примет на себя всю тяжесть нажима горных пород.

Бригадир внимательно следил за каждым товарищем по работе, особенно за молодыми.

По долголетнему опыту он знал, что именно в такие моменты даже в самых спаянных и дружных коллективах могут проявиться шатания и разброд. Ему было известно, что борьба с переломом опасная и вместе с тем неблагодарная черновая работа. Как это ни было странно, но в горной практике так уж повелось испокон веков, что труд шахтера, который выражается в тоннах добытого угля, в процентах перевыполнения плана, всегда прославляется. О нем сообщают в листках «молний», пишут в газетах. Но никто еще не додумался прославить суровый и отважный труд горняков, борющихся с водой и горным давлением, разбирающих навалы породы и с риском для жизни работающих под грозными сводами «кумполов» — пустоты, похожей на воронку, суживающуюся вверху. Да и оплачивается такая работа значительно ниже, чем уголь, добытый за это же время.

И как бы ни крепились шахтеры, как бы ни старались показать, что для них уборка перелома не отличается от повседневной работы по добыче угля, Горовой видел, что берутся за нее без обычного задора и энергии. Уже не скользил, как раньше, вьюном по лаве щупленький Хроленок, не с таким рвением брались за лопаты братья Ивановы, молчаливей стал Кирюха-говорун, даже Алексей Стрельников потерял прежнюю деловитость и не торопил товарищей быстрее подготовить дорогу комбайну. Злее, ожесточеннее в работе сделался Назар Рябуха. Он крайне не любил работу, после окончания которой нельзя было полюбоваться на стройность крепления, на прямизну лавы, на блестящую стену угля, подготовленного к выемке, на все то, что вызывает у каждого шахтера чувство радостного удовлетворения делом рук своих. А эта рассеченная сбросом, загроможденная креплением, корявая и кривая лава, где кровля то уходила вверх, то спукалась вниз и где вместо пласта выходил серый аргиллит, вызывала у него только уныние и досаду.

Лишь один Протасов ничем не проявлял беспокойства. Слишком много трудностей перевидал на своем веку старый шахтер, чтобы им удивляться. В самые опасные участки лавы вставал он, чтобы заделывать кумпола, убирать породу, возводить крепление. Но и он не оставался равнодушным к трудному положению, в которое попал участок.

— Что же это такое деется, ядрена копалка! — выражал он свое возмущение начальнику участка. — Как мы вчера перелом оставили, так он и сегодня все в том же виде. А что остальные бригады делали?

Действительно, уж так получалось, что работать в нарушенной лаве все время выпадало на долю бригады Горового. Багрову была понятна нехитрая политика бригадиров смежных бригад, старающихся работать преимущественно по углю. Приходя на работу, они все силы бросали на подготовку той лавы, в которой не было нарушения, а в нарушенной только выбирали уголь, потому что за это лучше платили. Когда же вторая лава была готова, они торопились поработать в ней комбайном. Так было и безопаснее и выгоднее.

«Эх! — думал про себя Горовой. — Пока шло в лавах гладко, все бригады в одну дудку пели. А как подошла беда, каждая по-своему норовит. Вот если бы не одна их бригада, а все бригады участка боролись за звание коммунистических, было бы совсем по-другому... Да! По-другому!»

И снова шла нудная, утомительная работа по заделке кумпола. Скидывали на транспортер породу, выкладывали под рамами крепления, клеть из обрубков дерева. Работа подходила уже к концу.

— Заклинить надо покрепче! — говорил Хроленок.

— А ну-ка, погляжу...

Но поглядеть Егорычу не удалось. Из воронки кумпола закапали кусочки породы.

— Берегись! — крикнул старый горняк и отскочил в сторону. Воронка словно ухнула, затрещало дерево, и оттуда с грохотом вывалилось несколько кубометров породы и чурок, которыми закладывали кумпол. Шахтеры едва успели отбежать в сторону.

— Вот тебе и заклинил! — рассердился Протасов. — Так разве клинят, нашармака? Наделал всем работы.

— Теперь и до морковкиной заговены убирать хватит, — уныло произнес Швец.

— До морковкиной заговены, говоришь? — прищурил зло глаза Рябуха. — Эх ты, тюря! А еще шахтером называешься. Не знаешь, что ли, как в таких случаях настоящие шахтеры работают. А ну, становись! — зычно скомандовал он товарищам.

— Пускай транспортер!

— Кидай породу!

— Тащи лес!

— Расчищай приямки!

На Назара любо было поглядеть. Раздосадованный и разозленный тем, что прежняя работа пошла насмарку, он взялся ворочать за двоих. Лицо его раскраснелось, глаза горели свирепым блеском. Он сжимал стойки голой рукой, словно они были его заклятыми врагами, и так ловко ставил их в приямки, что они, ударяясь о почву, звенели. Топор в его руках мелькал, как крыло синей птицы.

В два-три взмаха он стесывал клин, в три-четыре удара выбивал паз в торце лесины. Порой он отворачивал такие глыбы, что они не вмещались на транспортер, а отработка была забита. Тогда он хватал кувалду и с хриплым выдохом дробил глыбы песчаника так, что они разлетались на куски. Глядя на него, заразились этим темпом работы и остальные. Зашуршали, зашаркали по почве лопаты, засвистела пила, залязгала цепь транспортера. Подползли по конвейеру и, подхваченные сильными руками, вздыбились крепью рыжие лесины. Словно худея, все убывала, становилась ниже груда породы, пока последние куски ее не уплыли по транспортеру к сборочному.

— А ты еще говорил... — утер пот успокоенно и благодушно Рябуха.

2

Но как упорно и самоотверженно ни работали шахтеры, они не закончили уборку перелома. Неубранным оставался еще один уступ породы у самого конца нарушения. В соседней лаве в это время Стрельников закончил перегон комбайна.

— Оставим? — спросил Горовой товарищей, показывая на породный выступ.

— Если б это уголь... — начал было Швец и осекся, увидев направленные на него взгляды усталых, но горевших упрямством лиц. Теперь после заделки кумпола все раззадорились и забыли про былую апатию. Но в лаву уже заходили шахтеры следующей смены.

Горовой подошел к плечистому бригадиру Шмотову.

— Вот что, Кузьма Петрович. Решили мы бригадой остаться — породную шишку убрать. Она со вчерашнего дня все так красуется...

Шмотову было явно неудобно. Вчера он, забыв про породный перелом, направил всех людей качать уголь в сто вторую лаву. Хотел урвать уголек. И урвал,

— Ладно... Чего уж... — стараясь не встречаться с Горовым взглядом, произнес Шмотов и, повернувшись в сторону сборочного, сердито гаркнул в темноту: — А ну, давай все сюда на перелом!

Потом повернулся к Горовому и сказал твердо и решительно:

— Коли на то пошло, давай начальнику участка скажем: пусть вторую лаву совсем остановят. Пока здесь перелом. А то мы с тобой по-честному будем, а другие опять...

Он чуть было не сказал «как я», но вовремя спохватился. Горовой довольно отметил, что Шмотов сказал не какие-то общие слова или обещания, а именно те, которые ему хотелось услышать от него: «Мы с тобой по-честному будем...» Значит, дошло до мужика. Задело за ретивое.

Выходя из шахты, Федор заметил, что Хроленок прихрамывает на левую ногу.

— Ты чего это?

— Породой ударило, когда крепь вылетела.

— Иди в здравпункт...

Хроленок насупился.

— Ну, чего ты?

— Пойду, а там освободят от работы... Тут в лаве такое положение, а я дома сидеть буду... Лучше перетерплю.

Горовой рассмеялся.

— В травматики боишься попасть? Смотри! Если что серьезное, сам к врачу отведу. Не отвертишься.

Горовой и сам не любил ходить по бюллетеню. Знал он многих старых шахтеров, которые, когда дело шло хорошо, не считались с недомоганием и продолжали работать. Но зато иногда встречались и такие, которые, едва в лаве замечались осложнения, стремились правдами и неправдами получить освобождение от работы, чтобы переждать трудное время, прикрываясь больничным листком. А тут в самой скверной обстановке молодой горняк отказался идти к врачу. Это значило многое. И Федор в душе порадовался за своего юного товарища.

3

В последнее время Горовой почти каждый вечер заходил к ребятам проверить, как они занимаются. В вечерней школе членам бригады учиться было нельзя. Условия работы на участке не позволяли, чтобы целую бригаду перевести работать в первую смену. Но выручка нашлась неожиданно внутри коллектива. Оказать помощь товарищам взялся Иван Горяев.

— Я с вами заниматься буду и попутно сам программу повторю, — скромно заявил он. Стрельников через комитет комсомола договорился, чтобы время от времени им из школы в общежитие направляли преподавателей. Но в эти дни занятия шли плохо. Придя с работы, ребята заваливались спать. А сегодня, после того как бригада задержалась в лаве на уборке породного уступа, в ответ на предложение Стрельникова начать занятия Иван Кондрат заявил:

— А ну их к черту! Такой аврал на участке идет, а мы задачки решать будем. Подумаешь, узнаем сколько «а» плюс «б»! Вот одо-

леем перелом, освоим график, тогда и за книжки сядем.

— Пустое говоришь! — одернул его Горовой. — По-твоему, если на работе дела туги, так и на все остальное наплевать? А я вот помню, когда на фронте был, наш командир требовал: хоть трое суток под непрерывным огнем находись, а побриться обязан. Так это к внешнему виду относилось, а ты учебу отложить собрался, внутри грязью хочешь зарасти. Раз такое дело, буду сам у вас заниматься.

Но в этот вечер заниматься им все же не пришлось. Задержавшийся на заседании комитета комсомола Стрельников принес нехорошую весть.

— На шахте говорили, что наши лавы с двухцикличного графика снимают.

— Кто сказал? — грозно спросил Горовой.

— Маркшейдер! Завтра комиссия из треста приедет, примет окончательное решение.

— А мы-то старались, породу ворочали, — досадовал Хроленок.

«Неужели все рухнуло? — подумал Горовой. — Кто это мог сделать? Полозов? Самарин? Разве они не понимают, сколько сил, сколько трудов стоило им, его бригаде, добиться первых успехов? И они их добились! И если бы не перелом, график был бы полностью освоен».

Нет ничего тяжелее, горше, чем знать, что затраченные усилия пошли прахом, что они были не нужны.

Глава семнадцатая

1

Массивное кирпичное здание угольного треста, как бастион, возвышалось на косогоре над заболоченной низиной, в которой каждую весну скапливались удерживаемые дамбой талые воды.

На площади около треста громоздились ярко раскрашенные доски, обрамленные фальшивой колоннадой. На одной виднелись фотографии передовиков, а другая, измазанная мелом, отражала суточное выполнение плана по предприятиям. У досок днем постоянно торчали вереницы автомашин и тарантасов, макушки штакетника, которым были отгорожены доски показателей, желтели, обглоданные лошадьми.

В холодной прихожей у главного входа на скамейках и ступеньках лестницы коротали время в ожидании своих хозяев шоферы и кучера. Внутри по темным и тесным коридорам, по крутым лестничным пролетам беспрерывно сновали люди. Стремительно сбегали вниз с подписанными требованиями в руках лохматые, измазанные экспедиторы, степенно шествовали с толстенными портфелями бухгалтеры; молодые специалисты, только что прибывшие сюда прямо с вокзала, не расставаясь с чемоданами, шагали от двери к двери и читали таблички, отыскивая отдел кадров, чтобы определиться на работу.

За фанерной перегородкой, отсекающей тупик коридора, с надписью на двери: «Производственный отдел» кто-то надрывно кричал в телефонную трубку:

— Сообщите причины провала добычи! Что? Как это нет причин? А что я буду докладывать начальству?

По соседству, в плановом отделе, тоже звонили на шахты.

— Почему задерживаете отчет по форме четыре-ша? Срочно шлите нарочным...

В отделе нормирования спешно собирали по телефону данные о работе молодежных бригад для доклада управляющему трестом.

Шаги множества людей, стук счетных и пишущих машинок, шуршание бумаги, разговоры, телефонные звонки, поминутное хлопанье дверей — все это сливалось в монотонный одноголосый гул, характерный для большого учреждения.

Жизнь, которая кипела здесь, была настолько отличной от жизни шахты, что казалось просто удивительным, что между этим зданием и наполненным гулом подземным производством есть какая-то связь.

Но люди, работавшие в тресте, были непоколебимо уверены в этой связи. Одним из таких людей был начальник технического отдела Иван Николаевич Сметанников.

Прошло четырнадцать лет с того дня, когда Иван Николаевич впервые вошел в здание управления и сел за небольшой столик в углу. Почти полностью обновился за это время весь состав аппарата, уже никто не помнил фамилии первого управляющего трестом, переместились или уехали начальники других отделов, а Иван Николаевич по-прежнему корпел над бумагами, проверял планы горных работ, писал для начальства доклады. От рядового инженера он постепенно выслужился до руководителя отдела, в котором работал, с жесткого стула темного общего кабинета перебрался в угловой, с двумя широкими окнами и мягким уютным креслом. Много перемен произошло вокруг него, и окружающим уже давно казалось, что Иван Николаевич был здесь всегда, и поэтому, когда на шахтах заводили разговор о тресте, то

неизменно упоминали Сметанникова, а каждый новый управляющий и главный инженер считались со старым служакой.

В этот день Иван Николаевич с утра пребывал в дурном настроении. Только что его вызвал к себе главный инженер.

Павел Павлович Арзамасцев, или, как обычно называли за глаза, Паша, он же Пал Палыч, встретил своего заместителя без обычной приветливой улыбки, и уже это не обещало ничего хорошего.

— Что вы за сигнализацию у себя в отделе завели? — официальным тоном спросил Арзамасцев.

— А что такого? Обычный звонок. Для вызова каждого сотрудника свое число сигналов...

— Как же, например, вы вызываете Иванова?

— Один долгий, два коротких.

— Придется упразднить.

— Почему?

— Люди путаются. И главное — это дошло до парторга. Он возмущен, говорит, что вы инженеров уподобили половым в старом трактире.

— Что же за каждым ходить прикажете?

— Не знаю. Это ваше дело. Но дергать людей зря я вам не разрешаю.

— Это все?

— Нет. Я вызвал вас, собственно, по другому вопросу. Вы знаете, как обстоит дело с внедрением двухцикличного графика на шахте восемь бис?

— График начали осваивать.

— Так вот. Звонил Полозов. У них на втором участке вышло геологическое нарушение — сброс пласта. Просит совета как быть: продолжать работу на двухцикличном графике или временно отказаться от него.

— Так что же нужно?

— Надо вам поехать на шахту и осмотреть все на месте. Я бы и сам поехал, да некогда, к совещанию подготовиться надо.

«Опять подсовывают скользкое дельце! — мелькнула у Сметанникова. — То-то Паша на меня за эти злосчастные звонки напустился. Самому ехать не хочется, потому каверзное дело дать санкцию на остановку работ по новому графику».

В упор взглянув на Арзамасцева и давая тем самым понять, что догадывается обо всем, он спросил:

— Какова ваша установка?

Кончики ушей у главного инженера покраснели.

— Решайте на месте. Конечно, с учетом положения дел. Шахта, как вы знаете, план в декабре не выполняет, да и по тресту в целом дела не блестящие... Тут уж не до экспериментов. И если Полозов просит совета...

— Как бы опять в противодействии новаторам не обвинили?

— Если соблюсти дипломатию, действовать тактично — все будет в ажуре. Тем более опыта вам у других не занимать.

Ссылка Арзамасцева на его опытность приятно пощекотала самолюбие Ивана Николаевича. Хотя в действительности ему пришлось поработать на шахте всего полгода, но он любил вспоминать об этом периоде своей деятельности и подчеркивать свою осведомленность в практике горного дела, с апломбом заявляя многим:

— Когда я трудился на шахте...

2

Вскоре по городу лихо мчался зеленый автобус. Он с ходу проскакивал мимо автобусных остановок, вызывая напрасные надежды у граждан, стоящих в очередях. Вслед ему летели весьма нелестные отзывы о руководителях угольного треста, которые бесконечными перегонами пустой машины будоражили умы пешеходов. Да и было чему возмущаться: в автобусе ехал один-единственный пассажир — начальник технического отдела треста Сметанников.

Полозова на шахте не оказалось.

— Уехал поручение горкома выполнять, — сообщила секретарша.

Но Сметанников понял, что со стороны начальника шахты это лишь благовидный предлог для того, чтобы самому не принимать решения об отмене нового графика.

— А у вас нет никакого поручения на стороне? — не без ехидства спросил он Самарина.

Лицо главного инженера было спокойно. Белая прядка седых волос падала на лоб, но глаза горели задорно и молодо. Он сделал вид, что не понял намека, и, показывая на приготовленную спецодежду, сказал:

— Все готово. Можете переодеваться в робу.

Когда-то Самарин вступал в жизнь молодым, полным энергии инженером. Ему казалось, что угольная промышленность всегда только лишь и ждала его, он придет и сделает на шахте переворот, поломает все старое, откинет негодное, по-новому организует труд, внедрит наиболее совершенные системы разработки, самые производительные машины и механизмы. Но действительность жестоко посмеялась над честолюбивым мечтателем.

Н. В. Шабалин. **НАТЮРМОРТ**. Акварель, 1961 г.

Н. В. Шабалин. **ПОВЕСТЬ О ЮНОСТИ**. Акварель. 1960 г.

Предложенные им схемы разработки было невозможно осуществить, они нуждались в таких машинах, которых еще никто не создал. Разработанные им способы организации труда требовали высококвалифицированных рабочих, которые умели бы работать на всех агрегатах и трудились бы сознательно, вдумчиво, умело. А среди тех, кто работал в то время на шахте, половина была малограмотных. Многие (нечего греха таить!) пришли на шахту в погоне за длинным рублем. И, потерпев несколько неудач, избитый за свои эксперименты, подрывающие нормальную работу шахты по добыче угля, едва не заработав клейма прожектера, Самарин оставил попытки сделать что-то новое, особенное, поняв, что он вступил в борьбу слишком рано: для этого еще не созрели необходимые условия. И он успокоился, начал выполнять дело в строго определенных рамках. Его бунтарская душа присмирела.

...Для Самарина была вполне ясна вся ситуация, которая завязалась вокруг нового графика. «Нового опасаются, — думал он, — а сами выступить против боятся. Как мяч в волейбольной игре друг от друга толкают. Арзамасцев — Сметанникову, Полозов — мне...»

3

Шахтерам в лаве всегда приметен приход нового человека. Хоть оденься в самую старую спецовку и обмажь все лицо сажей, все равно узнают, что ты не шахтер. А несуразно длинную фигуру Сметанникова в новенькой спецовке видно было издалека. О прибытии трестовской комиссии все знали, и теперь горняков интересовало одно: о чем будут спрашивать и что будут говорить?

— Восемь смен породу ворочали, так неужли зазря, крендель твоей бабушке! — сердито ругался Егорыч. — Вот-вот перелом кончится, а тут нате выкусите!

— А что? Считаешь пройдет? — спросил его Назар.

— Ясно, кончится. Коли кровлю подхватить удалось — конец близко. Теперь-то и гнать лаву надо побыстрее, на свежую кровлю выходить.

Из-за кустов, скорчившись в три погибели, над транспортером на четвереньках вылез Сметанников. Шагать по остановленному конвейеру он боялся. А вдруг пустят? Зацепит ногу скребком — и готово!

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал он шахтеров, поправляя рукой съезжавшую набок каску. Шахтерский костюм на нем сидел коробом, что еще сильнее выделяло тонкую голую шею.

— Здравствуйте! — недружно ответили горняки.

— Плохо ваше дело! — сочувственным тоном, стараясь понравиться шахтерам, произнес Иван Николаевич. — Лавешка поганая. Бобра в ней не убьешь. Поди с нормами плохо... высокие? Не выполняете? Заработок упал? — прощупывал он вопросами сгрудившихся у борта шахтеров. «Нормы и заработок!» Он знал: этими словами можно вызвать на разговор шахтера, особенно попавшего в беду. Тем удивительнее было для него, что никто не подхватил сказанных им слов, не поддакнул. Все смотрели на него и, словно выжидая чего-то, молчали. Это было так необычно, что Иван Николаевич на мгновение растерялся и совсем невпопад преждевременно выпалил: — График, наверное, трудный?

Но тут же, спохватившись, что сказал лишнее, поправился:

— Он тяжел в этих условиях...

— Понимаем, — усмехаясь одними глазами, произнес Горовой.

Уловив в этом коротком слове язвительность, Сметанников обратился за поддержкой к Самарину.

— Кстати, здесь ваш главный инженер. Он подтвердит, что мы в тресте очень большое внимание придаем разработанному вами графику.

— Конечно! — подтвердил Самарин.

— Это большое и ценное начинание требует серьезной подготовки. Нельзя допустить, чтобы оно было опорочено.

— Правильно! — резко произнес Горовой. — А почему вы пришли нам лавы с графика снимать?

— Вопрос пока не решен, — замялся Сметанников. — ...Но наблюдаемые нами лично факторы вынуждают определенным образом реагировать на них. И поэтому...

— Вы решили снять лавы с графика?

— Я не собираюсь давать вам здесь объяснения!

— Раз не собираешься, зачем пришел? — грубо крикнул Рябуха.

— Молчи, Назар! — одернул его Горовой.

— Мы можем как выход из положения предложить для ваших опытов другие лавы, — протискиваясь к сборочному, сообщил начальник технического отдела. И уже оттуда резким, не привыкшим к возражениям голосом крикнул: — А не выполнять план по шахте из-за ваших экспериментов в лавах,

где нет угля, мы не дадим! Вы сами кладете черную тень на ценное начинание и новаторство, добывая не уголь, а породу! Этого мы не позволим...

— Кто не позволит? — спросил Горовой.

— Мы. Трест.

— А начинание-то чье, ваше, что ли?

Не отвечая, Сметанников нырнул в прогал между стойками и скрылся.

...Тем временем Рябуха подошел к Горовому и, обтирая тыльной стороной руки пот, высказался:

— А может, нам действительно эти лавы оставить, раз другие, тем более лучшие, дают? Как, Федор, считаешь?

— Нет, Назар, нельзя нам уйти отсюда. Ты думаешь, что сейчас про нас говорят в других бригадах? А то, насколько у нас выдержки хватит, в переломе работая, свою линию держать, за два цикла в сутки бороться. Не сдадимся мы, одолеем трудности—промолчат, а про себя скажут: эти не из-за длинного рубля, не ради почестей и славы работают. А струсим, уйдем в хорошие лавы, позаримся на лакомый кусок — враз осудят. В хороших-то лавах, скажут, каждая бригада работать сумеет. Вот и выходит, что это нашей рабочей совести проверка. Как крепко мы за свои заповеди стоим...

Продолжение следует

Дольен Мадисон

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

Вчера —
Это ветер,
который свое отсвистал.
Это конь,
что в пути от усталости стал.
Это солнце,
когда закатилось оно.
Это печь,
что без дров прогорела давно.
Это в высохших травах
желтеющий луг.
Это старый борец,
обессилевший вдруг.
Сегодня —
Это ветер,
нашедший четыре крыла.
Это конь,
что летит, закусив удила.
Это яркое солнце
выходит в зенит.
Это жаркий костер,
что поет и звенит.
Это травы,
сочнее каких не найдешь.
Это те,
кого просто зовут молодежь.
Завтра —
Это ветер,
что впрок свои силы сберег.
Это быстрый
в степном табуне стригунок.
Это солнце,
которому скоро вставать.
Это кремень,
способный огонь добывать.
Это первые всходы
в сторонке родной.
Это дети
с богатой и светлой судьбой.

ЛУНА

В темном небе
Не видно звезд.
Спят собаки,
Поджавши хвост.
Только ветер
Шалый ревет,
Облака
На кусочки рвет.
И на миг,
Как в проеме окна,
Показалась
Нагая луна.
— Постыдись, —
Я луне говорю.
— Одевайся,
Встречай зарю!

Перевод с бурятского В. Киселева

Василий Коркин

СОСНА

Я снова здесь,
В краю знакомом,
Но вот не сыщешь,
Хоть убей,
Землянки той, что звали домом,
Роскошной горницей своей.

Все заросло густым бурьяном.
Лишь обгоревшая
Одна
Стоит навытяжку упрямо,
Как прежде, гордая
Сосна.

Я помню бой.
Рвались снаряды,
Но взвод, казалось, в землю врос,
А вместе с ним,
Со смертью рядом
Сосна стояла в полный рост.

Ее и так
И сяк косили,
Но, сильная,
Она жила,
Как будто бы самой Россией,
Самою правдою была.

И далеко уже
За Бугом,
Когда и ночью не до сна,
Мы, в бой идя,
Клялись друг другу:
Стоять, как русская сосна.

И вот я вновь
В краю знакомом,
Ромашки дремлют на лугу,
А я смотрю
В глаза былому
И насмотреться не могу.

Такой же гордою
И стройной,
Не дрогнув в схватке грозовой,
Сосна и нынче,
Словно воин,
И как на вахте
Часовой.

Прошли года.
Шумят знамена.
Я пред тобой, Россия-мать,
Стою
Коленопреклоненный,
Готовый землю целовать.

Мы никому
Во имя жизни,
На том стояли
И стоим,
Свой судьбы,
Своей Отчизны,
Своей сосны не отдадим!

Александр Хахулин

НАША ЮНОСТЬ

Повесть

Каждой каплей крови
большевистской
Я тебе обязан, Комсомол!

А. Жаров

МИРОЕД

Ивану Михайловичу было уже за шестьдесят. Его знали в селе и старые и малые. Старые говорили о нем:

— В наше время было у нас в Пинеровке только два грамотея: поп да Иван Михалыч.

Написать прошение, заявление, жалобу к нему обращались с просьбой не только жители Пинеровки, но и окрестных деревень.

Безошибочно, за несколько дней вперед, Носарь угадывал погоду. Однажды, помню, в один из жарких летних дней солнце припекало так, что даже нам, мальчишкам, было боязно ступать на раскаленную пыль дороги. А уж наши-то ноги были привычны и к жаре и к холоду. На небе ни облачка. Из дома, у которого мы играли, вышла тетка Настя, наша соседка. Прикрыв глаза рукой, она осмотрела окрестности, высь и проговорила:

— Вот тебе и Иван Михалыч! Тоже пророк нашелся! Дождь обещал, а где же он, дождь-то этот? Может, на Афоне? Вишь, как припекает! Не-ет, не быть дождю, не быть ему, родимому, не быть!

И действительно, какой может быть дождь, когда так ясно и чисто небо, так жарко печет солнышко?

Тетка Настя уселась в тени березки с почти увядшими листьями и задумалась. Мы продолжали играть и вдруг притихли. Где-то за селом ударил гром, потом он прокатился по небу из края в край. Из-за леса прямо на наше село быстро бежали грузные, мрачные тучи. Тетка Настя встала и перекрестилась. Она вслух стала ругать себя, что не поверила Ивану Михалычу, а когда кончился освежающий летний ливень, то еще и сходила к нему извиниться, что усомнилась в его предсказаниях.

Прошел слух, что Иван Михалыч пишет историю села, но никогда и никому он не говорил об этом, а если его спрашивали, посмеиваясь, отрицал. Старик любил посудачить, посмеяться над простым человеком. Шутки его всегда были злы, прозвища, которые он давал, — метки.

Пастуху Носарь дал кличку Мордвин. Тот и вправду был похож на мордвина: скуласт, узкоглаз. Ох и не любил бедняга, когда его так называли. И вот однажды вечером, когда стадо возвращалось с пастбища домой и

поровнялось с домом Ивана Михалыча; пастух услышал оскорбительный выкрик:

— Мордвин!

Крикнул это Иван Михалыч. Он стоял во дворе и в щель забора наблюдал за пастухом. Оскорбленный злым окриком, тот остановился и, обернувшись в сторону ворот обидчика, начал тоже хлестко его поносить. Ругался долго. Наконец, отведя обозленную душу свою, он пошел догонять стадо, но не успел сделать и двух шагов, как из-за забора опять громко донеслось:

— Мордвин!

Пастух вновь пустил в ход весь запас своих бранных слов, но как только он выдыхался и собирался было идти, из-за забора слышалось:

— Мордвин! Мордвин!

Так держал его Иван Михалыч около своего двора пока не стемнело. Множество народу высыпало на улицу и было свидетелем этой сцены.

Одноглазому сапожнику Алексею Танькину Носарь дал прозвище Камбала. Инвалида первой мировой войны Семку Ушакова, у которого не было ног, прозвал Самоваром, и кличка цепко пристала к калеке. Чтобы дать прозвище Сулема скорняку Федору Мешкову, Иван Михалыч, идя как-то из церкви, останавливался около каждых ворот и мелом писал крупными печатными буквами:

«Скорняк Сулема украл у попа доску».

Умел мстить Иван Михалыч своим врагам. Батрак Демка Лепухин не доработал у него три дня за пуд муки, которую брал взаймы зимой. Муку Демка, конечно, отдал, но отрабатывать за нее не захотел.

— Сейчас какая власть? — заявил Демка. — Наша, советская! Поэтому долг я отдать обязан сполна, а отрабатывать не-ет! Пусть не обижается за это на меня дядя Иван.

Но дядя Иван обиделся. Лето в тот год выдалось сухое, жаркое, хлеба никли, спекались на корню. Ходили в поле молебствовать — не помогло. Тут-то Иван Михалыч и распустил слух, что каждое утро Демка Лепухин выходит на середину своего заросшего лебедой двора, снимает штаны и машет ими над головой, и этим разгоняет дождь. Из-за этого нет дождя.

Возмутившиеся мужики подступили к дому Демки с кольями, вилами, топорами. Не быть бы батраку живому, если бы он вовремя не спохватился и не запрятался на чердак. И надо же случиться: в ту же ночь небо закрылось тучами, полыхнула над селом молния и до утра шел проливной дождь. Прослыл с тех пор Демка колдуном, и даже сам богатей поверил этому и стал побаиваться его.

Вот этот-то Иван Михалыч и прислал однажды за мной своего внука Сеньку Зеленчука. Зеленчуком его тоже прозвал Иван Михалыч за то, что у парнишки, когда он был маленьким, частенько можно было видеть под носом мокрую зеленую полоску.

— Скажи, зачем хоть я понадобился ему? — допытывался я у Зеленчука, но тот не знал.

Когда я пришел, Иван Михалыч был под навесом в самом конце двора. С мешком, положенным поперек колен, он сидел на деревянном обрубке и вырезал березовые зубья к граблям. Отложив работу, старик вынул из кармана кисет и стал крутить козью ножку.

— Чего ты звал меня, деда Иван? — спросил я, вынимая из карманов руки.

— Садись, погуторим, — ответил он и с хитрецой улыбнулся.

Я сел, где стоял, на утоптанную землю, поджав под себя ноги. Затянувшись самосадом, Иван Михалыч спросил:

— Тебе сколько лет, Санька?

— Скоро шестнадцать будет, — ответил я и насторожился. Вопрос был глупый, потому что старик знал, сколько мне лет.

— Ого! — поднял указательный палец он. — Шест-над-цать! На руках пальцев уже не хватит, чтобы сосчитать! Не маленький! Соображать должен! Вот и скажи мне теперь, большой человек, чем твоя мать до революции занималась?

Уж кто-кто, а Иван Михалыч знает, чем моя мать до революции занималась, поэтому я решил промолчать.

— У лю-дей работала. Пряжу пряла, — ответил за меня он и снова задал вопрос: — А чем она теперь занимается?

— У людей работает, пряжу прядет, — громко отвечаю я и козырем смотрю на старика.

— У людей работает? Пряжу прядет? — притворно удивляется он, как будто от меня только и услышал об этом.

— И до революции — у людей! И после революции — у людей! Вот это ей помогла революция. Здорово помогла, а? То-то и оно, отвечать-то тебе нечего. Скажи на милость, выходит, революция не помогла твоей матери. Ничем не помогла. Понял? Так-то... Иди теперь...

Я поднимаюсь и, не отряхивая прилипшую к штанам землю, медленно иду к воротам. На душе тяжело, а в голове дума. «Что же, в самом деле, дала моей матери революция? Неужели ничего? Этого не может быть! И за-

чем это Иван Михалыч устроил мне такой допрос?»

У самых ворот он окликает меня:

— Вернись-ка на час, Санька!

Я послушно возвращаюсь, не подавая виду, что мне не нравится его допрос.

— Ты никак заявление в комсомол подал? — спрашивая, он смотрит на меня в упор.

Теперь мне становится ясно, к чему велся разговор.

— Подал, — смутившись, отвечаю я и сам удивляюсь: откуда это уже известно старику. Никому на улице и даже матери об этом я еще не говорил.

— И против бога вместе с комсомольцами пойдешь? — слышу вопрос.

Я внезапно смелею и бойко отвечаю:

— И пойду, а чего ж?

Ответ мой озадачивает Ивана Михалыча. Он сосет козью ножку и искоса, с неодобрением, смотрит на меня.

— Да ведь ты позавчера только в церкви был? Молился усерднее меня, — чуть громче, чем прежде, говорит он.

Я и правда позавчера был в церкви. Мне нечего ответить, и я молчу, склонив голову.

— Ну, что молчишь? Ну?

— Я не совсем еще против бога, — отвечаю я.

— Как это не совсем? Против бога не совсем нельзя. Его не обманешь. Он все видит. Ну, это, конечно, твое дело, а я предупредить тебя обязан. Иди.

Вечером я рассказал матери и о своем разговоре с Иваном Михалычем, и о том, что хочу вступить в комсомол.

Мать выслушала меня со вниманием и долго молчала, потом, видимо, продумав все, ответила:

— В комсомол ты вступай, разрешаю. А на собрания ходить я тебя не пущу, от рук отобьешься. Вот тебе мой сказ.

Разрешение это было равносильно запрещению, но спорить с ней я не стал.

«Главное, вступить!» — думал я.

А решение вступить в комсомол у меня тогда созрело окончательно.

ПОДАРОК

Разговор с Иваном Михалычем долго не выходил у меня из головы.

«Неужели революция ничего не дала моей матери, а кому же тогда и что дала? — думал я. — И что даст мне, если вступлю в комсомол? Да и примут ли меня? Кто я такой есть? Вот Борис Бучкин совсем другое дело. У него отец начальник станции. Книг разных в доме у него целая полка. Читай, сколько хочешь! Почему он знает все. Читает книги, вот что! Как выступил прошлый раз на собрании, как начал чесать, старики, слушая его, удивлялись: «Откуда, мол, все знает этот паренек?» Не раз мне приходилось разговаривать с Борисом. Он твердит, что в комсомол принимают самых лучших ребят. А какой же я лучший? Сенька Зеленчук и то другое дело. У него э-вон какой дед! У такого деда есть чему поучиться».

От мыслей этих становилось обидно: а почему я не сын начальника станции? Почему у меня нет умного деда? «Да разве я виноват в этом? — думал я и тут же делал вывод: — А раз не виноват, то почему же меня не примут в комсомол?»

Быть комсомольцем очень хотелось. За год до этого взял меня Мордвин к себе в подпаски. Пригнав как-то с пастбища коров, я возвращался домой мимо нардома и услышал веселый смех и песни. Захотелось посмотреть: что там такое? Перелез через изгородь и подошел к окну. Окно было высоко, но это меня ничуть не смутило. Уцепившись за наличник, я подтянулся и заглянул внутрь. Там как раз шла репетиция. Комсомольцы готовили пьесу «Кулич». Я заинтересовался и прилип к окну. Не заметил, как сзади подошел ко мне Борис Бучкин.

— Ты-ы что тут делаешь? — нарочно громко и строго спросил он.

Я вздрогнул и испуганный спрыгнул вниз.

— Ч-чуть-чуть только... немножко посмотрел, — оправдывался я.

Борис улыбался. Видимо, вид у меня был очень испуганный, и он сжалился надо мной.

— Чего подглядывать, пойдем в нардом вместе, — дружески предложил он.

Слова эти и тон, которым они были произнесены, успокоили и обрадовали меня, но только на секунду. Взгляд мой скользнул по его одежде: начищенные до блеска коричневые полуботинки, шерстяные брюки, голубая соколка, кепка почти новая, чистое лицо... «Хорошо тебе так-то вот, — мелькнуло в голове, — а как мне в старых истоптанных опорках, в прорванных на коленях, засаленных штанах, в грязной рубахе с оборванными по локоть рукавами, да еще и с длинным кнутом через плечо? Как мне появиться такому в нардоме? Засмеют...»

— Нет, я потом, — нерешительно ответил я и, потупив голову, зашагал прочь. А так хотелось пойти с Борисом, влиться в веселую толпу сверстников, играть, петь, разучивать пьесу вместе со всеми.

Тогда и зародилась у меня мечта вступить в комсомол. Она все росла и крепла. Я все чаще стал ходить в избу-читальню, в нардом, интересовался комсомольскими делами, почти не пропускал ни одного собрания, конечно, кроме закрытых, на которых мне быть не разрешалось. Неудобно было чувствовать себя, когда начиналось голосование. Ни «за» ни «против» поднимать руку я не имел права.

Секретарь комсомольской ячейки Жорка Храмцов обходился со мной ласково, но не как старший с младшим, а как равный с равным, по-дружески. Он давал мне иногда на дом книги, газеты. Однажды после собрания он подозвал меня к себе и, когда все из нардома ушли и мы остались одни, спросил:

— Ну, что, долго в неорганизованных будешь ходить?

Я не понял вопроса и спросил:

— А что?

— Как что? Пиши заявление в комсомол.

Заявление, конечно, тут же было написано. На этот раз Жорка дал мне домой маленькую книжку в красной обложке. На ней было написано: «Устав ВЛКСМ».

— Прочитай внимательно, не торопясь, несколько раз, пока не поймешь, что здесь написано,— сказал он.— Чтобы стать членом комсомола, надо знать твердо, что должен делать комсомолец.

Бережно положив книжицу за пазуху, я благодарно посмотрел на Жорку. Наши взгляды встретились, и в его глазах я прочитал тогда, что хочет он для меня только лучшего, что нажил я себе хорошего старшего товарища и друга.

В воскресенье комсомольское собрание, на котором будут принимать меня в члены Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи. День этот казался мне особенным, торжественным, и я ожидал его с нетерпением. Одно только смущало меня — не хотелось мне быть на таком важном для меня собрании в старых опорках, в залатанных штанах и рубашке. Но как выйти из этого положения? Я долго ломал голову и наконец решил обратиться к Борису Бучкину, одолжить у него что-либо из одежды на день, даже на полдня.

Ранним утром в субботу я отправился к Бучкиным. Они еще спали, когда я подошел к дому, где они жили. Все окна были занавешены, двери закрыты. Пройдя в пристанционный садик и отыскав там такое место, откуда хорошо были видны окна и двери Бучкиных, я прислонился спиной к старому, наполовину засохшему тополю и стал ждать.

Караулить мне пришлось долго. Наконец, уже часов в девять, в одном из окон отодвинулась занавеска, потом поднялись они и в других окнах. Бесшумно отворилась дверь, из дому вышла хозяйка и прошла в сарай.

Когда она возвращалась, я был уже у ворот, но окликнуть ее не посмел. Она показалась мне тогда очень сердитой. Пришлось ждать, пока выйдет еще кто-нибудь. Вскоре дверь открылась вновь. Младший братишка Бориса прямо с порога запустил вверх бумажного голубя и с восхищением следил, как он планирует. Голубь пролетел ворота и упал мне под ноги. Я поднял игрушку. Мальчик подбежал ко мне, чтобы выхватить из рук голубя, но я остановил его:

— Ты не бойся, отдам, — успокоил я его, видя, что он сделал кислую рожицу и готов расплакаться. — Даже могу тебе смастерить еще такой, только ты вызови мне Бориса.

Борис вышел заспанный и хмурый. Глядя на его скучное лицо, я уже не осмелился просить у него одежонку, но потом раздумал: «Не съест же он меня». И стал рассказывать о своем горе.

— Ты посиди, — указал мне на скамейку Борис, когда я кончил говорить, — а я пойду спрошу маму, хорошо?

Он ушел, оставив ворота открытыми, и долго не возвращался. Я уже совсем отчаялся и ругал себя за то, что пришел сюда. Братишка Бориса вышел из дому без голубя и, остановившись у ворот, смущенно спросил меня:

— А вы чельтиков умеете телать?

Я было хотел расспросить его, что это за чельтики, как из дома выбежал Борис.

— Пойдем, мама тебя зовет, — торопливо проговорил он. И по его улыбке и по быстро бегающим довольным глазам я догадался, что мне повезло.

Он завел меня на кухню. Вскоре туда пришла и Марья Ивановна (так звали мать Бориса). Она ласково посмотрела на меня и сказала:

— Ну, закрой глаза.

Я не знал, для чего это нужно, но повиновался, закрыл глаза.

— Какие у него длинные и черные ресницы, — проговорила Марья Ивановна.

Такого мне слышать никогда не приходилось, я смутился, покраснел и не знал, куда девать руки.

— Ну ничего, ничего, — сказала она, видя мое смущение, и ушла в другую комнату. Вернулась она с большим узлом и протянула его мне.

— Вот тут все, что тебе требуется. Возвращать не надо. Борис уже из всего этого вырос, а Николенька еще мал. Носи на здоровье.

Я поблагодарил, как умел, и вышел. Уже за воротами меня догнал Борис.

— Санька!

Я обернулся.

— Вот тебе еще от меня. Мама разрешила, бери.

Он протянул мне новенький кожаный ремень. Я крепко пожал ему руку. Захотелось сказать что-нибудь приятное, и я взволнованно спросил его:

— Борис, ты приходи завтра на собрание обязательно!

— Обязательно буду, — ответил он и еще раз пожал мне руку.

Когда я пришел домой и развернул узел, мать ахнула. Бучкины подарили мне двое брюк, две рубашки, две пары нижнего белья, сандалии. Борис был ровесник мне, но выше ростом и шире в плечах. И все то, из чего он уже вырос, на мне сидело ладно и хорошо.

Мать не согласилась брать все это как подарок и в тот же день отправилась к Бучкиным отблагодарить их и рассчитаться с ними. Платить ей, разумеется, было нечем, и она предложила свои рабочие руки. Марья Ивановна отказывалась от этого, но мать настояла на своем и два месяца ходила к ним стирать и чинить белье, мыть посуду, убираться по двору.

ИДИ, СЫНОК!

В воскресенье проснулся я в радостном настроении. Матери уже дома не было. Натянул рубаху, выбежал во двор. Не было ее и во дворе.

— Куда она запропастилась? — недоумевал я.

Мне хотелось бегать, прыгать от какой-то неудержимой радости. Утро было ясное, тихое. Я вернулся в дом, отыскал рубель и скалку и стал раскатывать подаренную мне вчера одежду. За этой работой меня и захватила мать. Она улыбнулась мне и показала мешочек с горохом.

— Иван Михалыч дал, — пояснила она. — Еще не знает, как ты выполнишь его поручение, а уже рассчитался по-щедрому. Дай бог ему здоровья. — Она перекрестилась и загремела у печки горшками.

— Какое поручение? — спросил я, предчувствуя что-то недоброе, и чуть не сказал вслух об Иване Михалыче: «Чтоб ему пусто было!»

— В город они нынче едут, — рассказывала мать, — корову продавать. Ну, им надо скорей, они на лошади, а корову ты погонишь. За это вот и дали гороха.

— Да ведь у нас собрание сегодня, — умоляюще сказал я.

Мать, переливавшая из ведра в горшок воду, поставила ведро на лавку и косо посмотрела на меня:

— Я же говорила тебе, что на собрания пускать не буду. Вот и Иван Михалыч тоже наказывает...

— Сегодня не простое собрание, меня в комсомол принимать будут! — просил я.

— Не простое? Мне дела нет до него! Пусть оно будет хоть какое.

Слова ее уже звучали угрожающе. Она вышла в коридор и вернулась с чересседельником в руках, показала мне его.

— Это видел? Сейчас же собирайся.

Делать было нечего, пришлось повиноваться. Но за то сорвал я зло на корове. Всю дорогу до самого города хлестал ее кнутом по бокам. Вернувшись вечером домой, я пошел к Жорке Храмцову и рассказал ему о причине, по которой не смог прийти на собрание.

— Мы уже знаем, справлялись, — хмуро ответил он, глядя куда-то в сторону, потом повернулся ко мне и подобрел: — А ты не переживай, в комсомол мы тебя примем.

Мать моя собралась купить в этом году двухгодовалую телку у наших соседей Акишиных. Семья Акишиных в прошлом была самой богатой на нашей улице. При жизни самого деда Акиша, лет тридцать назад, у них было столько скотины, что, когда выгоняли ее на водопой, головные бычки и коровы уже пили воду в реке, а последние только выходили со двора. А до реки от их дома было не менее двухсот метров.

Прокофий Акишин, внук старого Акиша, продавал нам телку, как соседям, за полцены. Но только через два года мы должны бесплатно вернуть ее ему, а себе оставить потомство. Эти же два года, пока его живность будет находиться у нас, мать и я должны отрабатывать у Прокофия по двадцать дней в страду: десять дней на косовице хлебов и столько же на молотьбе.

Мать вначале не хотела идти на такую милость соседа, но, подумав, что полностью на телку нам денег никогда не собрать, а так хоть через два года, но мы ее все же будем иметь, она согласилась. С тех пор как торг этот состоялся, в мои обязанности вменялось

два раза в день ходить в лес, жать там серпом траву и носить ее мешками домой. На нашем дворе, покрытом репейниками и беленой, уже поднималась копешка сухого пахучего лесного сена.

В ту неделю, когда мать заставила меня гонять в город корову Ивана Михалыча, я особенно старался. Вместо двух раз в иной день успевал сходить в лес и трижды. Сено быстро прибавлялось. Мать была довольна моей работой, но я, хоть и надеялся, что в следующее воскресенье она отпустит меня на собрание, все же решил заручиться некоторой поддержкой. Опять пошел к Бучкиным. Дождался Николеньку и попросил его вызвать Бориса.

Увидев меня в своих брюках, рубашке и сандалиях, Борис просиял, крепко пожал мне руку. Уже не спрашивая разрешения матери, он повел меня в комнаты.

— А мать не заругается? — поднимаясь на парадное крыльцо, спросил я.

— Не-ет,— ответил он улыбаясь.

Марья Ивановна встретила меня как старого знакомого.

— Ой! Ой! Кто пришел к нам! — выглянула она из кухни. — Усаживай, Боря, товарища за стол, я сейчас чай подам.

От горячего чая вкусно пахло лимоном. Кисловато-складкий, он показался мне необыкновенно вкусным. Я старался пить не спеша и все-таки, видимо, торопился, потому что Борис все время подсказывал мне:

— В блюдечко не наливай. Ложку держи вот так. И не хлюпай, не торопись!

Я старался придерживать ложку большим пальцем, как он, пить без причмокивания, но удавалось мне это с большим трудом, и, пока я выпил две чашки, с меня сошло семь потов.

Выслушав мою просьбу, Марья Ивановна пообещала поговорить с матерью. Я ушел от них довольный и радостный.

Вернувшись в субботу после уборки от Бучкиных, мать принялась раздувать огонь на припечке, чтобы сварить картошку. От дыма у нее потекли слезы. Вытирая концом платка мокрые щеки, она спросила меня:

— У вас завтра что? Собрание?

— Завтра в два часа, мама, в избе-читальне... — выпалил я, стараясь придать своему голосу как можно больше ласки и покорности. «Уж теперь-то обязательно пустит. Марья Ивановна небось такую с ней разъяснительную работу провела...» — подумал я.

Мать раскрыла двери, чтобы вышел из избы дым, потом не спеша наложила нечищеной картошки в горшок, поставила на огонь и, не глядя на меня, сказала:

— Иван Михалыч просил, чтобы ты с ним на мельницу завтра поехал. Муки обещал за это.

Я оторопел. Меня словно холодной водой окатили.

— И отказать ему никак неудобно, — продолжала мать, все еще не глядя на меня, — и собрание у тебя завтра. Уж я просила, просила у него прощения, чтобы он не брал тебя и не обижался. Да разве с ним столкуешься. Насупил бровища, загудел, как труба: «Мне еще никто ни в чем не отказывал, Аленка, смотри же... Да и бога бы побоялась. Ведь в вертеп сатанинский сына-то посылаешь...» У меня аж мурашки по спине от его слов побежали, а все-таки не сдалась я ему... Вот как... Не сдалась!..

Она гордо выпрямилась и посмотрела на меня сияющими глазами. Она была довольна своим поступком и считала его геройским. Я бросился к ней и обнял ее.

— Завтра меня в комсомол принимать будут, мам.

— Иди, иди, вступай, сынок. Хочу, чтобы ты человеком стал.

И она поцеловала меня в разгоряченный лоб. С тех пор она никогда не препятствовала мне ходить на собрания, в нардом, на репетиции, в читальню.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ДЕНЬ

В прошлое воскресенье мать окончательно договорилась с Акишиными о телке. После завтрака она одела новую кофту, достала из сундука еще не ношеный платок, долго убиралась перед старым зеркалом. Откуда-то с самого дна сундука извлекла связанный втрое носовой платок с деньгами, села к столу:

— Вот эти два рубля и полтинник у тех же Акишиных в позапрошлом году на молотьбе заработала и отложила на телушку, — она разглаживала шершавой ладонью смятые бумажки, — а этот рубль и еще шестьдесят копеек уплатил Иван Михалыч: я у них неделю снопы за это вязала. Десятью потами моими эти рубли промоченные. А вот эти три рубля отец Ксенофонтий за пряжу уплатил...

Так пересчитывала она деньги, вспоминая, когда и как ей достался каждый рубль, каждый гривенник. Лицо ее становилось то грустным и каменным, то радостным и живым.

...Прокофий Акишин чистил навоз в хлеву. Он встретил нас без шапки, с длинными взъерошенными волосами, в домотканых

портках и рубахе, в опорках на босую ногу. Здоровый и жилистый, он внушал мне какой-то неосознанный страх. Видимо, такие же чувства возбуждал он и у матери. Она поставила меня рядом с собой и, поклонившись низко, сказала робко:

— Ну, пришли мы, Прокофий Аникеич, за телушкой, чай, не раздумал поди?

— Ладно, что пришли, — ответил Прокофий, собирая навоз в кучу. Потом приставил вилы к стене и, крякнув, достал из брючного кармана кисет. — Присаживайтесь на бревно.

Мы сели. По широкому, начисто выметенному двору — ни единой травки. Важно расхаживают белые, красные, пестрые куры. В отдельном загоне стонут отяжелевшие от жиру свиньи. Баз для коров — пустой. Все они в стаде, и только оставленная для нас черная телка с белой звездой на лбу одиноко лежит на свежей соломе и жует жвачку.

— Деньги-то принесла? — спросил Прокофий и, снова крякнув, выпустил облако сизого табачного дыма, потом почесал бороду и сел рядом с матерью. — У нас, соседка, про магарыч с тобой уговору не было, а без магарыча ни купишь, ни продашь. Так что еще целковый на магарыч набавлю.

— Я же не пью, Прокофий Аникеич, да и денег у меня больше не найдется.

Мать умоляюще посмотрела ему в глаза, перебирая пальцами концы нового цветастого платка. Что-то застряло у нее в горле, она силилась проглотить и не могла.

Прокофий улыбнулся одними губами.

— Пить, оно тебе, соседка, и не обязательно. А пригубить чарочку можно. Ну, а уж если денег нет, то из этого выход найдется. Пусть Санька отработает у меня за это на картошке.

Мать вздохнула и положила на мою голову свою ладонь, погладила по волосам. Рука у нее вздрагивала.

— Воля ваша, Прокофий Аникеич, — сказала она после некоторого молчания.

После магарыча Прокофий обвязал шею телки веревкой, подал конец матери.

— Веди, Аленка, добром вспоминать будешь. Хорошая корова будет у тебя от этой телки.

На своем дворе мы дали телке свежей травы и долго не отходили от нее. Мать гладила ей шею, счищала с боков и хвоста прилипшее репье и засохшую грязь, говорила ей ласковые и нежные слова, как человеку.

Когда зашли в дом, мать сняла с головы платок, бросила его на кровать, тут же сама, не зная зачем, опять подвязала им голову, потом подошла к окну, долго смотрела на телку сквозь пожелтевшие от времени стекла:

— Ну, Санька, — мечтательно проговорила она, — выходим и мы с тобой в люди. Только расти скорей, учись хозяйством управлять.

Я и сам был рад не меньше, чем она.

...В избу-читальню собрались все. Много было и некомсомольцев. Ровно в два часа Жорка Храмцов занял место за столом и, выждав, пока стихло, громко произнес:

— Товарищи! Собрание Пинеровской комсомольской ячейки считаю открытым.

После избрания президиума он огласил повестку дня. Первым вопросом был прием в члены ВЛКСМ. Жорка стал раздельно и громко читать мое заявление. Мне казалось, что все присутствующие смотрят только на меня.

— Товарищ Вандышев, встаньте! — сказал Жорка.

Я поднялся и смущенно опустил глаза. Хотелось провалиться сквозь землю. Стало невыносимо жарко, шея моя вспотела, и воротник рубашки стал мокрым. Я чувствовал, что краснею, щеки мои горели. И оттого, что я знал это, краснел еще больше, и мне становилось все жарче. Сердце билось часто и тревожно.

«А вдруг не примут?» — тревожился я.

Зачитав после заявления мою анкету, Жорка обратился к собранию:

— Товарищи, все мы знаем Вандышева... Сын батрачки, сам батрак... Уж год, как он активно помогает нашей ячейке во всех ее мероприятиях. Поэтому, я думаю, нет нужды слушать его биографию. Как вы смотрите? Знаем мы Вандышева?

— Да знать-то знаем, — послышался недовольный голос от двери. Это сказал Сенька Зеленчук. Я сразу узнал его голос.

— А что такое? — забеспокоился Жорка.

— А то, что всего неделю назад этот самый Вандышев попу кадило подавал, а теперь в комсомол вступает, рано ему еще... — проговорил Сенька.

Стоящий рядом с Сенькой товарищ его, Колька Микишев, прыснул в кулак. В зале водворилась неловкая тишина. Жорка не нашелся что ответить Сеньке. Он смущенно посмотрел на меня, а я потупился еще больше и, сам не зная почему, сел, закрыв лицо фуражкой.

Жорка застучал карандашом по столу:

— Тише, товарищи, тише!

Но в зале и без того было тихо.

Выручил собрание председатель сельского Совета Василий Иваныч Саяпин, единственный коммунист в нашем селе. Он сидел ря-

дом с Жоркой и что-то шепнул ему на ухо. Жорка сразу просветлел:

— Слово имеет товарищ Саяпин! — объявил он.

Василий Иваныч встал, окинул взглядом присутствующих и заговорил размеренно, спокойно:

— Вот тут кое-кто пытается подсказать нам, мол, батрак Вандышев в церкви был. Он думает, что мы этого не знаем. Пусть будет спокоен, мы знаем это не хуже других и все-таки в комсомол Вандышева примем. Примем и других, тех, кто завтра перестанет ходить в церковь и примкнет к нашим комсомольцам. На то и существует комсомол, чтобы раскрывать молодежи глаза, воспитывать ее, готовить смену большевистской партии.

Он говорил всего несколько минут. От первых же его слов у меня отлегло от сердца. Я выпрямился и встал. Стало даже прохладнее будто. Вытерев лицо подкладкой фуражки, я обернулся к задним рядам и отыскал Сеньку Зеленчука. Встретив мой торжествующий взгляд, он отвернулся.

— Какие будут предложения? — спрашивал комсомольцев Жорка. Он уже снова уловил нить управления собранием. — Товарищ Саяпин внес предложение принять товарища Вандышева в члены комсомола. У кого есть другие предложения?

— Принять! Принять!

— Знаем Вандышева! — раздались со всех сторон голоса.

— Ставлю вопрос на голосование, — перекричал всех Жорка. — Кто «за» прошу поднять руки... Так... Опустить... Кто против? Нет? Единогласно...

Слова эти доносятся до меня откуда-то издалека. Я обвожу глазами присутствующих на собрании комсомольцев, стараясь по выражениям лиц понять их отношение ко мне. Чувствую со всех сторон одобрение, поддержку, улыбки, приветствия.

«Какие славные, хорошие товарищи», — думаю я и радостно становится от сознания того, что я теперь такой же, как и они, равноправный член Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи.

КОГДА ПЛАЧУТ ОТ РАДОСТИ

На другой день после комсомольского собрания, на котором меня приняли в комсомол, тетка Танька, сноха Ивана Михалыча, забрала у матери лен и коноплю, которую давала на пряжу. Сразу же после ее ухода пришли забрать волокно и другие бабы, нанимавшие мать прясть. Когда все они ушли, мать остановила прялку и села к печке расстроенная. Прясть было нечего.

— Это что же такое? Или по наговору какому? — взволнованно проговорила она и умоляюще посмотрела на меня. Я пожал плечами и ничего не ответил. Мне всегда было больно, когда мать волновалась, тужила о чем-нибудь, переживала. Но чем и как мог помочь я ей? Забрав мешки и серп, я направился в лес.

Через несколько дней я узнал, почему бабы лишили мать работы. Утром в понедельник тетка Танька выгнала на улицу корову и стерегла ее в ожидании пастуха. Около нее собрались соседки. Она рассказала им про сон, который якобы приснился ей прошлой ночью.

— Сплю я и вижу, быдто я проснулась и стою это одна средь неведомой пустыни. Песок кругом сыпучий сыплется. Вдруг яркий свет ослепил меня, и тут встал передо мной весь в сиянии золотом человек с розовыми крыльями. Тело у него было прозрачное. Ангел небесный! — подумала я. А он посмотрел на меня, и быдто строго, и быдто ласково, и быдто печально сказал: «Сегодня же возьми обратно волокно, которое отдала грешнице Алене. И другим не забудь наказать, чтобы тоже забрали. Великий грех совершила Алена, что сына своего в вертеп сатанинский снарядила. Так царь наш небесный, отец-вседержитель нам указывает».

Сказал он это и скрылся, а куда скрылся, нельзя было видеть. Сразу опять темно стало. И опять просыпаюсь я, но уже не в пустыне, а у себя дома. А в окошко рассвет уже глядится, день божий настает...

Бабы сначала не поверили тетке Таньке, но когда проводили коров, то своими глазами увидели, как пошла сноха Ивана Михалыча к нам и забрала все свое волокно. Сомнений у баб больше не было, и они выполнили приказ «отца-вседержителя».

Целыми днями после этого мать ходила по селу в поисках работы, но от каждого богатея слышала одни и те же слова:

— Что ты, Аленка! Сами управимся! Какое в этом году волокно? Ни льна тебе, ни конопли.

И выпроваживали мать за ворота, и крестились вслед ей.

Хлеба в запасе у нас не было. Деньги, накопленные за несколько лет, все до последней копейки отдали за телку. Положение наше с каждым днем становилось все хуже. Питались одной картошкой, да и то не вдо-

оль. Видя, что работу найти не удастся, мать рекратила поиски, присмирела и затихла. И аже постарела будто как-то сразу. Стала на совсем неразговорчивой, и только иног- да уйдет к телке и там часами плачет и гла- дит животное, подыскивая для нее самые ласковые слова. А телка как будто понимает е, вытянет шею и тихо и жалобно ревет, ловно печальную песню тянет.

Я продолжал ходить в лес, жать и носить домой траву, но с каждым днем делать это для меня было все трудней, силы остав- ляли меня, хотя я храбрился и не подавал виду.

Видя, что я с каждым днем все больше и больше худею, Жорка Храмцов как-то спро- сил меня на репетиции:

— Ты болеешь, Сенька?

— Нет, я здоров, — ответил я, а в жи- воте у меня, как нарочно, в это время заур- чало, заныло на все лады. Жорка внимательно посмотрел на меня и просто предложил:

— Пойдем к нам пообедаем, а?

— Нет, я хорошо сегодня покушал и есть не хочу, — ответил я, а у самого от упомина- ния об обеде так и потекли слюнки.

После репетиции Жорка пошел проводить меня до перекрестка. Вначале шли молча. Он все время посматривал на меня и, види- мо, не знал, с чего начать разговор.

— Твоя мать, наверное, мало зарабатыва- ет? — наконец спросил он.

Мне неудобно было рассказывать о том, что мироеды в работе нам отказали, живем мы впроголодь и не знаем, что нас ожидает завтра. И я молчал.

— Ты что молчишь? Или стесняешься ме- ня? — спросил он. В голосе его было столько участия и теплоты, что я не мог больше скры- вать от него ничего. Словно по уговору мы оба остановились. И меня прорвало на раз- говор, я изложил Жорке всю душу. Пере- дал, как бабы забрали волокно, как тетка Танька объясняла им про свой сон. Расска- зал, что с тех пор мать много искала и не нашла работы и что у нас нет ни хлеба, ни муки, ни крупы, да и картошка кончается.

Жорка слушал меня не перебивая, а ког- да я все рассказал, он долго молчал.

— Сволочи, — выругался он и обнял ме- ня крепко, по-товарищески. — Ты не обижай- ся, Санька, я расскажу все это Василию Ива- новичу.

Мы дошли до перекрестка и расстались. Когда шаги его утихли, я свернул с дороги и сел на траву. Вечер был тихий, безлунный. Напоенный запахом трав, воздух казался душным, кружил голову. Идти не хотелось, и я долго сидел, предаваясь своим грустным думам.

На другой день утром, когда мы с ма- терью сели завтракать, разделив между собой по три картошки, пришел сельский исполни- тель и велел мне идти в сельсовет. Мать по- дозрительно посмотрела на меня, но ничего не спросила. Оставив недоеденной картошку, я шагнул за дверь.

Я ожидал, что Жорка непременно передал наш вчерашний разговор Василию Иванычу, и дорогой думал, как мне вести себя в сель- совете. Когда я вошел, Василий Иваныч гово- рил с кем-то по телефону. Жорки не было. «Значит, что-нибудь еще, раз Жорки нет», — подумал я.

Окончив телефонный разговор, Василий Иваныч подошел ко мне и похлопал по плечу:

— Хочу тебя временно избачом назначить. Парень ты грамотный, с работой справишься, ну, а если трудно будет, поможем, подскажем. Что ты скажешь на это? А?

— А куда же старого избача? — спросил я.

— Э-э, старого? О старом ты не тужи. Учиться едет. А пока он учится, ты и порабо- таешь за него.

В тот же день я принял избу-читальню. И в тот же день секретарь сельсовета выдал за полмесяца вперед зарплату.

Вечером, принимая из моих рук эту пер- вую мою получку — пять рублей серебром, мать удивленно и ласково взглянула мне в глаза, потом крепко поцеловала в лоб и за- плакала навзрыд, но не от горя, а, может быть, впервые в своей жизни от радости.

И радость иногда вызывает слезы, а горе — улыбку.

ДИСПУТ

В канун престольного праздника троицы приехал в Пинеровку лектор из города. Лек- тор этот, как нам рассказывал Василий Ива- ныч, когда-то окончил духовную академию, много лет служил архиереем, был почитаем верующими, хотя сам не верил ни в черта ни в бога. Лет пять назад надоело ему дурма- нить народ, он публично отрекся от священ- ного сана и стал выступать с антирелигиоз- ными лекциями. Выступления его были не- обычными. Он устраивал нечто вроде публич- ных споров с попами. Споры эти назывались диспутами.

Весть о приезде бывшего архиерея с быст- ротой молнии облетела село. Народ стал со- бираться в нардом с пяти часов вечера, хотя начало диспута было назначено на семь. Шли и старые и малые. Все места, проходы были

заняты, народ толпился на улице у окон, у дверей.

Когда вынесли и поставили на сцену два стола — один для лектора, другой для попа, в зале водворилась такая тишина, что было слышно, как за кулисами в гримерной тикают ходики. Первым вышел на сцену лектор. Высокий, статный, начинающий полнеть, он был одет в просторный темного цвета костюм. В руках у него не было ни книги, ни блокнота, ни листка бумаги. Это как-то сразу всем бросилось в глаза. У нас уже понимали, что без записей мог отважиться на такой диспут только человек, очень хорошо знающий все то, о чем будет идти речь.

— Месяц тому назад, — спокойно заговорил лектор, — мы известили вашего священника Ксенофонта о том, что сегодня здесь состоится диспут на тему «Был ли Христос?». Мы сделали это заранее для того, чтобы дать возможность ему лучше подготовиться, не застать его врасплох, чтобы диспут прошел интересно, был для слушателей поучительным.— Он обвел глазами присутствующих в зале и громко произнес:— Священник Converting Кониболоцкий, прошу на сцену!

Из толпы шагнул вперед Ксенофонт в темном и длинном до пят подряснике, с большим медным крестом на животе. Поднявшись на сцену, священник трижды перекрестился, низко поклонился собравшимся и, обернувшись к лектору, проговорил глухим и дрожащим от волнения голосом:

— Да поможет мне бог, сын мой, снова обратить тебя в веру господню и изобличить временное заблуждение твое пред паствой нашей.

— Да поможет тебе бог, батюшка, устоять перед искусителем, — крикнул кто-то с задних рядов.

— Садитесь, священник Ксенофонт, — все тем же спокойным голосом сказал лектор.

Диспут начался. Одно за другим разбивал лектор доводы Ксенофонта о существовании бога-отца и его сына Христа. Дружными аплодисментами мы выражали лектору свою поддержку.

Громко рукоплескало собрание вначале и попу. Но по мере того, как он все больше и больше запутывался, начал мямлить, нести околесицу, рукоплескания становились все тише и реже.

Мы торжествовали, диспут шел успешно к концу. Вдруг с улицы донесся непонятный шум. Народ, стоявший у окон и дверей, заволновался.

— Знамение!

— Знамение божие! — кричали на улице.

У выходных дверей началась давка. Послышались вопли сдавленных. Через несколько минут зал совершенно опустел. Я вышел почти последним. В клубе оставались только лектор и Василий Иваныч. Народ бежал к церкви, стоящей недалеко от клуба. Там в темноте слышались громкие молитвы, кто-то плакал от умиления. Над церковью, выше креста, в беззвездной темноте горел красный клубочек огня. Он не висел на месте, а был в постоянном движении, то вдруг уходил вправо от креста, то влево, то поднимался вверх, то опускался вниз, и чуть освещенный им крест на колокольне отливал желтыми блестками.

— Надо окружить церковь, — шепнул мне вышедший из нардома Василий Иваныч.

Передав это указание Жорке Храмцову, я со всех ног пустился кругом церковной ограды. На обратной стороне никого не было. Голоса обезумевшей от «знамения» толпы еле сюда доносились. В темноте я не заметил, как наскочил на лежавшего в рытвине человека. Он стремглав поднялся и бросился от меня бежать. По фигуре и испуганным движениям я определил, что это был Сенька Зеленчук. В тот же миг мою шею обожгло, словно по ней кто-то струной прочертил. Инстинктивно я подался в сторону, взмахнул руками и почувствовал между пальцами тонкий шнур. Конец шнура, видимо, был у Сеньки, и он убегал с ним. Не соображая, что все это значит, я уцепился за шнур и что есть силы потянул его к себе. Зеленчук не сдержал шнур, выпустил из рук. Нитка другим концом тянулась вверх в сторону колокольни.

«Змей! Обыкновенный бумажный змей!» — догадался я об огоньке над колокольней и, не выпуская шнура, медленно пошел к шумевшей толпе. Тотчас же огонек над крестом перестал метаться из стороны в сторону и начал снижаться. Наблюдавшие за ним люди замерли, притихли. Какая-то вдруг неудержимая буйная радость охватила все мое существо. Я сознавал, что ни кто-нибудь другой, а именно я разоблачил это «небесное знамение» с привязанным к хвосту бумажного змея фонариком, в котором горела обыкновенная свечка. «Никто еще об этом пока не знает. Но сейчас змей опустится на землю и люди ахнут», — думал с гордостью я. Змей опустился на землю. В окружившей его толпе послышались ругательства. Какие-то люди бросились в мою сторону. Наматывая на руку шнур, окрыленный своим успехом, я смело шел им навстречу. Первым, кого я увидел и узнал, был Сенька Зеленчук.

— Не удался твой номер, — торжествующе крикнул я ему в лицо.

— А, сопляк, ты еще мир дурачить, — слышал я голос Ивана Носаря, отца Сеньки, и, падая от тяжелого удара в висок, понял, что ко мне подскочили деревенские мироеды.

— За что, дядя Ваня? — шептал я, пытаясь подняться с земли. Но новый тупой удар в грудь и в бок чем-то тяжелым, видимо сапогами, опять опрокинул меня навзничь. «Убьют ведь, сапожищами лупят», — подумал я и провалился в темную пустоту, теряя сознание.

В БОЛЬНИЦЕ

Очнулся я в городской больнице и сразу же попытался встать. Но мои ноги не слушаются меня и не двигаются. Я испуганно смотрю на них: как они похожи на бревна — толстые и неуклюжие. Ощупываю их через бинты — они тверды как камень. Кричу, что есть силы:

— Кто тут есть?

В приоткрывшуюся дверь просунулась голова санитарки, она смотрит на меня удивленно и тут же скрывается, оставив дверь полуоткрытой.

Через минуту входят в палату мужчина и женщина в белых халатах — врачи. У мужчины лицо довольное. Он улыбается, и по его лицу и улыбке я понимаю, что ничего плохого с моими ногами теперь не случится.

— Долго ты спал, парень, — говорит врач и берет меня за руку, щупая пульс. Выражение его лица становится напряженным, на переносице сошлись две глубокие морщинки.

— Товарищ доктор, — спрашиваю я, — почему у меня ноги, как бревна?

— Так надо, — вначале уклончиво отвечает он, но потом успокаивает, — все будет хорошо с твоими ногами. Будешь бегать еще быстрее, чем раньше. А пока в гипсе они.

Я не понял, что значит «в гипсе они», но расспрашивать не стал.

— Есть хочешь? — интересуется доктор. Я киваю головой, и он говорит стоящей рядом женщине: — Распорядитесь, чтобы ему принесли покушать. Да поплотнее чего-нибудь.

На другой день палата моя вдруг стала тесной. Ввалились в нее сразу все комсомольцы нашей ячейки во главе с Жоркой Храмцовым. Я был рад такой встрече, с каждым поздоровался за руку. Видя, что я чувствую себя хорошо, товарищи повеселели.

Первым заговорил Жорка Храмцов.

— А знаешь, Санька, после этого случая эх и задал же лектор жару нашему попику. На другой день снова вызвал долгогривого на диспут. Народу было — ступить негде. И аплодировали же мы. Старики только недовольно сопели на задних рядах. Чего им оставалось делать? А твое дело мы так не оставим, мы решение вынесли...

— Какое мое дело? Избу-читальню? — перебил я Жорку.

— Зачем читальню? Дело твое... Ну, что чуть не убили тебя...

Жорка недоговорил. Он словно спохватился о чем-то и виновато оглянулся на своих товарищей.

— Только об этом потом, — как бы оправдываясь, продолжал он, — доктор не велел тебя расстраивать. — И тут же перевел разговор на другое: — Мы насчет матери твоей пришли сказать тебе. Ты, Санька, не беспокойся за нее. Мы все без тебя вроде как сыновья ее. Вчера всей ячейкой сено для вас косили. Василий Иваныч лошадь нарядил. Два воза привезли. Мать говорит, теперь на всю зиму хватит. Так что ты не беспокойся, выздоравливай быстрее...

Говорил он так просто и так трогательно, что в груди у меня защемило от этих слов его и на глаза навернулись слезы. Вдруг стало неудобно, что из-за меня у сверстников и дружков прибавилось заботы. Тут Жорка дал знак товарищам, и те вышли из палаты. Оставшись один, Жорка вытащил из-за пазухи газету и подал мне.

— В газете тут про тебя написано. Почитаешь... Ну, бывай здоров, Санька! — Он протянул мне руку и долго ее тряс.

Когда он ушел, я развернул газету и стал искать про себя заметку. Она была напечатана на второй странице. Я до сих пор помню ее чуть не наизусть, поэтому привожу ее полностью, вот она:

«НЕУДАВШАЯСЯ ПОПЫТКА ОДУРМАНИТЬ НАРОД»

«В с. Пинеровке на днях проходил диспут между лектором-антирелигиозником окружкома партии тов. Введенским и местным попом Кониболоцким. Чтобы сорвать диспут — это важное антирелигиозное мероприятие, — поповские прислужники в Пинеровке решили продемонстрировать «чудо». К хвосту бумажного змея они привязали фонарик с горящей свечой и запустили змей над колокольней. Ночь была темная, беззвездная. Змея видно не было, и висевший над колокольней как бы сам по себе фонарик казался собравшимся низко спустившейся большой звездой.

Сельский избач комсомолец тов. Вандышев разоблачил поповских прихвостней и кулаков с их «чудом». Взбешенные, они напали на Вандышева и жестоко избили его. В тяжелом состоянии комсомолец доставлен в городскую больницу. Жизнь его находится в опасности.

Надо сурово, по всем строгостям нашей социалистической законности наказать врагов народа, поднявших свою подлую руку на комсомольца-батрака Вандышева».

Я отложил газету и задумался:

«Поднявших свою подлую руку на комсомольца-батрака Вандышева»,— повторил про себя я, медленно произнося каждое слово.

«Чуть не убили»,— вспомнил я слова Жорки и вздрогнул от мысли: «А если бы убили? А что, если бы я не наткнулся тогда на Сеньку Зеленчука и не удалось бы нам разоблачить это «знамение божие»? Что бы тогда было? То-то бы поп и деревенские богатеи церковники радовались, что ловко одурачили народ».

И было приятно, что этого не произошло. И хотя была ноющая боль в ногах, покалывало в груди и в пояснице, но на душе горела радость, сердце билось задорно. Наше взяло!

Уже перед самым вечером приехал ко мне секретарь окружкома комсомола Москвин.

— Вы Вандышев?— спросил он, подойдя вплотную к моей койке.

— Я Вандышев,— ответил я, еще не зная, с кем говорю, и немного робея.

— Я секретарь окружкома комсомола Москвин, — назвал он себя и, придвинув стул, сел почти у самого моего изголовья. Я много слышал о комсомольском вожаке Москвине, читал его статьи и речи в газете, приходилось видеть и размашистую подпись его под напечатанными на стеклографе директивами окружкома. Он представлялся мне почему-то большим, суровым, необыкновенным человеком. И вдруг он такой же, как и все, как Жорка Храмцов, как Борис Бучкин, как многие другие. И пришел просто. Вошел, назвался, сел рядом и щупает меня острым, проницательным взглядом.

— Ну, как себя чувствуешь, товарищ Вандышев? — спрашивает он меня.

— Хорошо, товарищ Москвин. Спасибо,— отвечаю я, а про себя думаю: «Ведь небось дел у него завались, а он вот пришел. Бросил все и пришел... А почему? Потому, что комсомолец я... И дело полезное сделал. Вот что...»

И от этой мысли щекочет в носу и под ложечкой. Не свожу глаз с розовых рук Москвина, которые он держит на коленях, и, осмелившись, спрашиваю:

— У вас дел, наверное, много, товарищ Москвин, а вы все бросили и пришли ко мне... Зачем беспокоитесь так?

Слова мои вызывают добродушную улыбку на его лице.

— Дела, конечно, есть. И, конечно, много. Но я ведь к тебе на минутку. Много быть доктор не разрешает. Я только договориться с тобой о твоем же деле.

— О каком моем деле? — спрашиваю я, вспоминая, как виновато оглянулся Жорка Храмцов после того, как тоже заговорил о каком-то моем деле. Но товарищ Москвин не чувствует себя виноватым и смотрит прямо и улыбается.

— Об очень важном деле для тебя, конечно, — продолжает он. — Слышал я много о тебе от товарища Саяпина, знаю твое материальное положение, читал; наконец, вот о тебе в газете... — Он указал глазами на лежавшую на тумбочке газету и немного помолчал, словно собираясь с мыслями.

— Я скоро поправлюсь, я крепкий, — сказал я, пользуясь его молчанием.

— И это знаю, — подтвердил он, — такие, как вы, Вандышев, долго не болеют. Вот и поправляйся скорее. Окружной комитет комсомола решил послать тебя на учебу. Как ты на это смотришь? Хочешь учиться?

Я сразу же приподнялся на локтях и повернулся в сторону Москвина.

— Лежи, лежи, спокойно,— нагнулся он ко мне, помогая опуститься на спину.

— Товарищ Москвин, скажите, это правда — учиться пошлете?

— Да, правда. Комсомол гордится тем, что сделал Вандышев в Пинеровке. Ты настоящий комсомолец, Вандышев. Поправляйтесь же скорее, возвращайтесь в наши ряды.

Во время вечернего обхода я нетерпеливо спрашивал доктора:

— Доктор, когда же я вылечусь? Мне так надо скорее! Мне так надоело лежать.

А лежал я только второй день из трех месяцев.

Доктор посмотрел на меня очень довольный и сказал:

— О, вы скоро вылечитесь!

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ

Наконец-то меня везут из города домой. Сельсоветская на легких рессорах тележка мягко подпрыгивает на ухабах. Справа от меня лежат костыли. Без них я еще ходить не

огу. Сельский исполнитель Демка Лепухин, оторому поручили везти меня, сидит впере- и на козлах. Лениво помахивая прутиком, н тянет старинную песню. Голос у него груд- ой, приятный, и я невольно заслушиваюсь:

Во степи глухой
Замерзал ямщик.
Замерзал ямщик
Во степи глухой...

Оборвав пение, он говорит мне уже в де- ятый раз:

— Эх же и упекут кое-кого за тебя, Сань- а! Тех, что били, конечно... И шлепнуть да- же могут... Дело политическое... Следователь олько тебя и ждет. На кого ты ему пока- жешь? А?— и, не дожидаясь ответа от меня, родолжает песню:

...Он товарищу
Отдавал приказ:
Ты, товарищ мой,
Передай жене...

И, не кончив эту песню, он начинает дру- ую:

Славное море, священный Байкал,
Славный корабль, омулевая бочка...

Дорога петляет лесом и чуть-чуть подни- ается в гору. Демка не погоняет лошадь, но она идет крупным торопким шагом, зная, что едем домой. Зеленые хмурые столетние сос- ны — каждая в обхват толщиной — сменились мелким березняком. Листья на березах уже успела тронуть осень. От этого березки ка- жутся грустными, присмиревшими.

— Эх же и упекут кое-кого за тебя, Сань- ка... — снова говорит Демка, перестав петь.

Я пытаюсь представить себе, как будут упекать за меня. Вот на площади около нар- дома собрались все мужики, которые тогда были на диспуте. Следователь с наганом в руке ведет меня между ними и спрашивает:

— Показывай, Санька, кто тебя убивать хотел?

Я показываю на дядю Ивана Носаря. Его арестовывают, отводят в сторону. А Сенька Зеленчук и тетка Танька бегут следом за ним и плачут. Потом тетка Танька оборачивается ко мне и просит:

— Санька, пощади ты моего Ивана, по- щади, милый! Не хотел он тебя убивать, а просто ударил вгорячах, потом сам сокру- шался об этом. Пощади его, Санька!

— Ну, ладно, — говорю я ей...

Когда мы въехали на нашу улицу, солнце еще было высоко. Желая показать себя одно- сельчанам, Демка туго натянул вожжи, по- том отпустил их и хлестнул коня по брюху кнутом. Конь рванулся вперед, и мы с грохо- том понеслись, поднимая клубы пыли.

Увидав мчащуюся по улице сельсоветскую тележку, мальчишки выбегали на дорогу, бросались в облако пыли и кричали нам вслед:

— Санька, Санька приехал! С костылями!

Мать моя в ожидании приезда стояла у ворот, а на полуразвалившейся завалинке на- шего дома сидели комсомольцы — вся ячейка. Кто-то подхватил меня под руки, кто-то за- брал костыли, и вот я уже в своем доме, в пе- редней комнате за столом. На середине сто- ла, пуская струйки пара, шумит соседский самовар. Радостная, несмотря на мои костыли, мать хлопочет у стола, подливает чай, колет маленькими щипчиками куски са- хару...

...Я долго не мог тогда уснуть.

В полночь к нашему дому подъехала под- вода. Услышав стук ее, я разбудил мать. В окно барабанили.

— Открой, Аленка, это я, — послышался голос Носаря.

Мать открыла окно, спросила:

— Чего тебе, Иван Михалыч, в такой поздний час?

— Открой ворота, мучицы привез вам.

Мать оделась и вышла на улицу. Она раз- вязала лежащие на подводе оба пятерика с мукой, проверила ее на ощупь.

— А мягкая-то до чего! Крупчатка, поди?

— Куда тебе ее снести, Аленка? — торопил Носарь.

— А за что, Иван, такую милость нам гос- подь послал? — поставив руки в бока, неожи- данно громко спросила мать.

Носарь ответил не торопясь, обдумывая каждое слово:

— Ну... Люди вы добрые... Ну... зла не за- таите... Вот и привез...

— Люди мы добрые... Это правда, — отве- тила мать, не снимая рук с бедер, — но кро- вушку свою за муку не продаем и незарабо- танный хлеб не едим. — Она отвернулась от Носаря и, захлопнув перед его носом ворота, закрыла их на засов.

Подвода еще долго стояла у ворот. Потом послышался ее стук. Носарь уехал, увозя му- ку обратно.

После этого мы так и не могли уснуть с матерью до утра. Мы долго с нею разговари- вали. У нее и у меня начиналась новая жизнь.

Кирилл Чистов

БАЛЛАДА О СЛОВЕ

Есть люди, что крепче любого железа...
...Был он палачами до смерти истерзан.
Глаза ему выжгли железом каленым,
В ответ не услышав ни крика, ни стона.
Звезду на груди вырезали кинжалом,
Не вырвав из парня ни стона, ни жалоб.
Секли шомполами, грозили расстрелом.

Глумились всю ночь над истерзанным телом.
Искали любой незначительный повод,
Чтоб выбить из парня одно только слово.
И парень, почувствовав смерть на рассвете,
Впервые за сутки садистам ответил.
Сжав пальцы в кулак и пристав на колени,
В лицо им он выдохнул шепотом: «Ленин!»

п. Заярск

В. Трофименко

ВАМ, ЮНЫЕ

Уехали.
С любимыми поссорились,
чтоб очень больно помнить по ночам.
Они хотели жизнь прожить по совести
и потому —
по совести начать.
И ветры от стужи немеют —
яростней, чем другим,
«Пока я ходить умею...»
петь приходилось им.
Снег выпал.
И снег растаял.
И снова снег замерцал.
«Забота наша простая»
заполнила им сердца.

И вот
в бараке,
бурями обглоданном,
на аванпосте в будущей борьбе
читали комсомольцы Джека Лондона,
как честную поэму о себе.
Пучки огня!
Заткните рты спесивым!
Бетон!
Болота скрой
от их гнилых семян!
Вам,
юные,
от Родины
спасибо
за то, что вы поверили в себя!

Декабрь 1960 г., Иркутск

Владимир Гусев

Я С НИМИ

История гонит
восстаний валы,
Круша
угнетенья законы.

Взлетел на гребень
звенящей волны
Корабль —
непокорное Конго.

Время сказало:
гневом кипеть
В смиренье молчавшим
душам,
А вы, господа,
уберите плеть —
Голос борьбы
не задушишь!
Солнце свободы,
радость пролей.
Мы —
революций колумбы...
Я требую
казни
господ главарей —
Гнусных убийц
Лумумбы.
Я радуюсь,
видя,
как Африка, встав,
Рабство
берет
за горло!
Над крахом
колониальных держав
Звучат
революций горны.

г. Братск

Юлий Файбышенко

СОСЕДКА

Под окном весной взбухает ветка,
А в квартире
глуше и темней:
Месяц не поет уже соседка
Вечерами
в комнате своей.
На привет ответит резковато,
Туго соберет бровей размах,
А ресничной страже не запрятать
Льдинки слез непролитых
в глазах.
Гордая.
А лишь звонок нередкий —
Взглядом
сразу вся прильнет к нему...
...Целый месяц не поет соседка —
Не один я понял почему.
Знал ее я девичьи секреты,
Знал — вопрос
до мелочей
решен —
Он, мечтами созданный,
согретый,
Где-то есть.
И только не пришел.
Где он кружит?
По каким дорогам?
В чистом поле,
в злобе ли снегов?
В каждом взгляде —
добром или строгом —
Узнавала девушка его.
И пришел один...
Весна кружила,
Строя меж сердцами
чувств мосты.
Девушка, поверив,
наградила
Парня каждой черточкой мечты.
И когда он приходил под вечер,
Песни мчались,
в вышине паря,
За душу беря чистосердечьем,
Наделяя счастьем всех подряд.
Пусть старухи сплетничают едко —
Вся квартира песнями полна...
...Месяц не поет уже соседка.
Не поет она.
Одна она.
Кто ты был:
сниматель первых сливок
Или путаник
меж правд и грез?
Научив девчонку быть счастливой,
Счастье прикарманил и унес.
Ты солгал ей
словом, чувством, делом,
Подменил ей
огоньком зарю.
Я хочу, чтобы соседка пела,
Слышишь, чтобы пела, говорю!

с. Сулкет

Галина Кисель

Баллада о мечте

Рассказ

Дощатый домик насосной станции повернулся боком к Ангаре. И Олегу все время кажется, что это не река спешит мимо насосной, а он плывет навстречу волнам. А если не замечать обрывистый Пурсей, который каменной тучей навис над домиком, может показаться, что он на корабле, в открытом море.

Хр-р-р... Хр-р-р...— захлебываются трубы под домиком. Снова затянуло галькой! Мгновенно исчезают и остров, и море. Олег сбрасывает майку и ныряет в нагретый котлован, из которого он выкачивает воду.

После смены на перемычку приходят бурильщики. Они моют руки и плечи в мутной, укрощенной перемычками воде и кричат:

— Эй, на лайбе! Скоро воду откачаешь? Задерживаешь нас!

Олег смущается и сердито дергает вентиль насоса, который равнодушно сосет и сосет себе, словно дед люльку. Олег знает, что от него зависит, когда бурильщики перейдут в котлован. И поэтому он не уходит домой в тот день, когда заболел сменщик. Остается и в ночь, потому что воды в котловане совсем уже мало, и он хочет утром обрадовать бурильщиков.

А когда на рассвете выступили, наконец, из воды, каждую секунду увеличиваясь, влажные плеши донных валунов, он выходит на берег.

Солнце уже взобралось на вершину огромной сосны, что на мысе Пурсей. Бурильщиков еще нет и машины в город тоже. И Олег спускается в только что освобожденный от воды котлован, ложится на камень, согретый солнцем, и засыпает. Засыпает на земле, им самим сотворенной, на земле, на которую не ступала до него нога человека.

И. И. Комогорцев

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ НА МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XIX ВЕКЕ

В этом году исполнилось 100 лет с того дня, когда русским царем Александром Вторым были подписаны проект «Положений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» и манифест, возвещавший о реформе. Отмена крепостного права в России была вынужденным действием царского правительства. Крепостное право и вся феодально-крепостническая система тормозили экономическое развитие России на пути капитализма.

Крестьянства Восточной Сибири реформа 1861 года почти не коснулась, крепостных помещичьих крестьян в Восточной Сибири не было, как не было и помещичьего землевладения. Но реформа 1861 года имела непосредственное отношение к горнозаводским рабочим, занятым на казенных предприятиях в Сибири. 8 марта 1861 года был отдан «Высочайший указ» о распространении на «нижних и рабочих чинов» Алтайского и Нерчинского округов, Колыванской шлифовальной и Екатеринбургской гранильной фабрик «Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов». Этим положением предписывалось «уволить всех нижних и рабочих чинов казенных горных заводов навсегда и с потомством от обязанностей службы заводам» и вместе с тем «даровать им права свободных сельских обывателей»[1].

Накануне отмены крепостного права и освобождения горнозаводского населения от обязательных работ кадры металлургических заводов Восточной Сибири составляли работные люди из числа ссыльнокаторжных и вольнонаемных людей и мастеровые, прикомандированные из уральских и сибирских заводов. По социально-правовому положению они подразделялись на ссыльнокаторжных и людей «честного имени», или «заводских и горных служителей». В действительности такого разграничения не было. Заводские служители обязаны были работать на том заводе, к которому они были приписаны. И те и другие выполняли одну и ту же работу, материально жили почти одинаково и подвергались внеэкономическому принуждению во всех его многообразных формах. Сами каторжные говорили людям «честного имени»: «Нет кривых во святых, дети милые, мы каторжные, да и вы такие же, потому что наше отродье. Не работать нельзя — работайте!» О печальной судьбе «заводского служителя» рабочие старой Сибири пели песни:

Там с убийцею мученья
Одинакие сносил;
Тот страдал за преступленья,
Он страдал за то, что жил.[1]

«Заводской служитель» начинал работать с 12 лет и продолжал до самой старости, которая ничего, кроме увольнении «на свое пропитание» или, как вписывалось в отпускное свидетельство, «на пропитание именем христовым»[2], не обещала. Люди «честного имени» нередко специально совершали преступления, чтобы получить срок наказания, а затем раз и навсегда избавиться от пожизненной завод-

[1] Государственный архив Иркутской области (в дальнейшем ГАИО), ф. 712, оп. 1, д. 201, л. 1/об.

[1] А. Гуревич. Песни и устные рассказы рабочих старой Сибири. Иркутск, 1940, стр. 43.

[2] Государственный архив Читинской области (в дальнейшем ГАЧО), ф. 70, оп. 1, д. 10, л. 701/об.

ской работы, или той же каторги. Но наиболее распространенным путем избавления работных и мастеровых людей от заводских работ были побеги.

В 1855 году из Николаевского чугуноплавильного и железоделательного завода бежало 155 человек из 529 человек всех рабочих и служащих завода. Из Петровского завода [1] бежало 46 человек, из них 42 ссыльных и 4 человека «честного имени». В том же году с нерчинских заводов бежало 766 человек, с сибирских солеваренных — 184, частных золотых промыслов — 1257, с заводов и приисков Енисейской губернии — 220 человек [2]. Всего, таким образом, с горнозаводских работ в 1855 году бежало 2628 человек. Председательствующий в совете главного управления Восточной Сибири генерал-лейтенант Венцель писал по этому поводу: «Столь значительная масса беглых каторжных, ссыльнопоселенцев, мещан и разночинцев не может не обратить на себя внимания правительства и местного главного начальника» [3].

Царские чиновники и горнозаводская администрация скрывали истинные причины частых побегов рабочих с заводов. Писали о том, что бежали «бродяги, люди привыкшие к праздности, для которых оседлость и домоводство есть тягость», что это «люди без завтра» [4] и т. д. Но, вероятно, люди потому и бежали, что думали о своем «завтра». Причины все возраставшего количества побегов состояли в тяжелых, невыносимых условиях принудительного труда и плохого содержания рабочих. Мастеровые работали в смрадных, наполненных едким удушливым газом цехах по 12 и более часов в сутки. Работали за гроши, которых не хватало на скудное содержание семьи.

Изнурительный труд при постоянной крайней напряженности мускульной энергии, плохие производственные и жилищные условия, нерегулярное и плохое питание, частые поборы в форме вымогательства, грубое обращение горного и заводского начальства, безжалостные побои — все это изматывало рабочих, подрывало их силы. Рабочие часто болели. Высокой была смертность людей. Но это нисколько не беспокоило горное и заводское начальство и тем более царских чиновников, которые шли по пути усиления внеэкономического принуждения. Были созданы специальные карательные органы, состоящие из полицейских и казачьих команд и церковников. Так, например, по штату Николаевского завода предусматривалось иметь «полицейский аппарат 27 человек во главе с приставом», палача с содержанием 25 рублей в год, отряд казачьей команды в количестве 26 казаков во главе со старшим урядником и церковь с 15 церковнослужителями»[1], административный аппарат численностью 75 человек. Итого 144 человека административно-церковно-полицейского состава на 450 человек рабочих (не считая служащих). В проекте предусматривалось иметь при заводе 86 солдат линейного батальона во главе с поручиком.

[1] Ныне Петровск-Забайкальский металлургический завод в Читинской области.

[2] ГАИО, ф. 71, оп. 1, д. 44, лл. 14—14/об.

[3] Там же, л. 15/об.

[4] Там же, д. 30, л. 169/об.

Существовала и применялась целая система наказаний:

«а) изменение одежды (на арестантскую и по категориям),

б) наложение ножных оков,

в) приковывание к тачке,

г) тюремное заключение до «исправления»,

д) одиночное заключение в тюрьму,

е) перевод в отряд «неисправимых»,

ж) приковывание к стене,

з) наложение «лисы»,

и) побои самые различные и неограниченные...» [2]

Что же касается наград за отличие в работе, то «награды» заключались в отмене наказаний «в обратном порядке до возвращения «честного имени» и повышении жалованья.

Особенно жестоко наказывали за побеги. Самой малой мерой наказания в этих случаях было 500 ударов шпицрутенами. А было и такое, что человеку наносили по 4000—4500 ударов по голому телу. Так, например, рабочего Петровского завода Гавриила Ташлыкова прогнали через пятьсот человек 8 раз, а Пимена Козлова, рабочего того же завода,— 9 раз! [3] Нетрудно догадаться, что могло статься с человеком в результате такого наказания. П. П. Баснин в статье «Из прошлого Сибири (мученики и мучители)» писал: «Да, тяжело жить в нашей Сибири, нет в ней правды, нет радости, как нет и справедливости» [4].

«В истории Сибири кровавыми буквами вписаны имена разных исправников, начальников и т. п. мелких властей, находивших удовольствие при виде истерзанного в клочья человеческого тела» [5].

[1] ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 30, лл. 26—27.

[2] ГАИО, ф. 712, оп. 5, д. 15, л. 202.

[3] ГАЧО, ф. 70, оп. 1, д. 3, л. 549.

[4] П. П. Баснин. Из прошлого Сибири. Исторический вестник, № 11, 1902, стр. 542.

[5] Там же, стр. 562.

В 1855 году указом правительствующего ната от 30 июня был установлен «Порядок оизводства дел по проступкам и преступлеям ссыльных и о мере наказания за оные»[1]. законе определены наказания за побеги, перемену имени и бродяжничество. Согласно ого закона всех беглых каторжников и ыльнопоселенцев, в пределах Сибири или не оной» пойманных, помимо наказания за бeги плетьми или шпицрутенами, подвергать лейменню особым клеймом с натиранием ейм на теле для неизгладимости оных опреленным для сего составом»[2]. В Иркутском, итинском и других краеведческих музеях и перь хранятся эти «реликвии» прошлого.

Но никакая сила не могла остановить побеги рабочих. Побеги рабочих с заводских рат увеличивались по мере усиления внеэкомического принуждения. Характерно, что в тидесятых годах XIX века побеги стали массовыми. Бежали обычно по сигналу «генерала укушкина», то есть весной, по теплу, когда аспускались деревья и начинала куковать укушка. Нередко побеги приурочивались к раздничному торжеству — пасхе. В 1857 году о время пасхи с 7 до 29 апреля из Николаевского завода бежало 95 человек, из них тольо двое были пойманы казаками, остальные шли.

Надежной заступницей бежавших рабочих то время была тайга, безбрежная сибирская айга, в которой было где укрыться беглому аторжнику или человеку «честного имени». И рабочие бежали в леса, теряя свое «честное имя», они обретали свободу. Их ловили, наказывали, возвращали снова на заводы, а они снова бежали. Бежали отовсюду: с нерчинских заводов и рудников, Карийских золотых промыслов, из акатуйской тюрьмы и других каторжных мест, но наибольшим количеством побегов всегда отличались Николаевский и Петровский металлургические заводы. Самой страшной тюрьмой в Сибири считалась акатуйская. Это о ней писал известный сибирский поэт Дмитрий Давыдов в своем стихотворении «Думы беглеца на Байкале», которое превратилось в песню и широко распространилось под названием «Славное море — священный Байкал». Там есть слова:

Шел... — и пришел, наконец,
К бочке, дресвою залитой.
. . . .
Тесно в ней было бы жить омулям;
Рыбки, утешьтесь моими словами:
Раз побывать в Акатуе бы вам,
В бочку полезли бы сами.[1]

[1] ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 44, л. 15/об.
[2] Там же, л. 16.

Но и эта печальной славы акатуйская тюрьма не могла сравниться с Николаевским и Петровским заводами по числу побегов, из которых каждый год бежало по 150—200 человек. Петровский завод, в котором было больше ссыльнокаторжных, славился особым способом побега — побега «на уру». Делалось это так. Арестанты, решившиеся бежать группой, надпиливали в окне железную решетку, затем раздевались наголо, разрывали свои ветхие рубахи и обматывали тряпками кандальные цепи. А когда группа арестантов была готова к побегу, все каторжники по единому сигналу кричали: «Ура-а-а!» Этот многоголосый боевой клич, раздававшийся внезапно и все более и более нараставший, приводил в смятение команду охраны. Арестанты, кричавшие «ура», привлекали внимание конвойных на себя, а тем временем смельчаки, выбив решетку и подхватив руками ножные оковы, бежали в лес, в горы. Побеги «на уру» были обычно удачными. Большинству бежавших удавалось уйти, а кого настигали пули конвойных, тем, как говорили, «на людях и смерть красна». Бежавшие освобождались в лесу от своих «ножных браслетов» и свободными (свободными даже от арестантской одежды) уходили дальше от ненавистного им завода. Голыми и голодными шли они до первого селения, а там местные жители снабжали их одеждой и пищей. Тех, кому не удавалось убежать совсем, били нещадно и возвращали обратно на завод. При этом несчастного обязывали отработать время, которое он провел в бегах, в праздничные дни «без особливой за то оплаты»[2].

Наиболее непокорных приковывали на цепь к тачке или тюремной стене. Приковывали обычно на пять лет, а иногда и на десять. Так, в сентябре 1851 года к стене петровской заводской тюрьмы было приковано 15 человек, из них 4 человека сроком на десять лет. А в 1860 году закованных в цепи в Петровском заводе содержалось уже 43 человека, из них 7 женщин[3]. Число бежавших из завода и не возвращенных из бегов составляло 926 человек, из них 16 женщин и 24 заводских служителя[4].

Массовые побеги готовились специально, беглецы имели своих организаторов. Так, из

[1] Д. П. Давыдов. Стихотворения. Под редакцией Ф. А. Кудрявцева. Иркутск, 1937, стр. 32.
[2] ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 44, л. 73.
[3] Там же, д. 126, л. 115/об.
[4] Там же, л. 117.

рапорта николаевской заводской полиции нам известно, что каторжный Николай Камраков «говорил своим товарищам, что им нужна свобода». Он «склонил рабочих к побегу»[1].

Побеги рабочих с заводов — это не только средство избавления от тяжелой работы и обездоленной жизни, это вместе с тем средство борьбы, протеста против существовавшего тогда феодально-крепостнического строя старой России.

В результате массовых и частых побегов в рабочих кадрах металлургических заводов в пятидесятых годах XIX века наблюдалась большая текучесть. При таких условиях практически невозможной была специализация рабочих, а без специализации рабочих не могли нормально действовать заводы. В это время заводы работали с перерывами, значительно сократился выпуск готовой продукции. Постоянно не хватало рабочих на Николаевском чугуноплавильном и железоделательном заводе. Так, например, по штату 1857 года было положено иметь 662 рабочих, а работало в сентябре всего 451 человек. Рабочих не хватало на основных участках производства: горнозаводских, выжеге угля и добыче руды. Добыча руды и заготовка угля резко сократились. На Николаевском заводе из-за недостатка угля вынуждены были переплавлять руду дровами. На Петровском заводе, наоборот, людей было больше, чем требовалось. Чтобы убыль рабочих не вызывала остановку завода, администрация посылала в Петровский завод все новые и новые партии каторжан, в результате вместо 929 человек, положенных по штату, на заводе было более 1300 человек. Оба эти факта, как недостатки, так и избыток рабочей силы, свидетельствуют об отрицательных последствиях принудительного труда.

Такова была обстановка на металлургических заводах Восточной Сибири накануне реформы 1861 года. Производственные отношения того времени находились в явном противоречии с производительными силами. Это тормозило развитие производства. Царское правительство вынуждено было освободить горнозаводских рабочих от обязательных работ, как и крестьян из-под крепостной зависимости.

Для объявления «Высочайшего указа» и «Положения» из Иркутска были командированы трое служащих главного управления Восточной Сибири: Мордвинов, Попов и Расторгуев. Мордвинов выехал в Нерчинский горный округ, Попов — в Николаевский завод, а Расторгуев — в Петровский. 11 апреля в Петровском, а 12 апреля в Николаевском было объявлено всем рабочим и служащим об освобождении их от обязанностей службы. «Освобождение» объявили в церквах, после литургии, а затем отслужили «благодарственное господу богу молебствие». Словом, «дарующие» свободу старались обставить этот акт торжественно. Но рабочие восприняли объявление об освобождении очень хладнокровно. Среди рабочих-металлургов Петровского завода во время объявления положения в петропавловской церкви находился известный декабрист И. И. Горбачевский. Вот что он писал по этому поводу своему другу Евгению Оболенскому: «И вот с 11 апреля здесь объявлена свобода труда, обязательная работа уничтожена, но все еще продолжается старое с малыми переменами, в ожидании новых правил и указаний; вообще народ принял такую перемену очень хладнокровно, даже с каким-то сомнением, говоря: «много нам было и прежде читано, а все мы работали день и ночь, что будет, посмотрим»[1].

В первую очередь освобождали тех, кто проработал 20 и более лет. Через два года «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов» вошло в силу полностью. Обязательный труд был заменен трудом вольнонаемным. Повсюду была введена сдельная заработная плата. На заводы Восточной Сибири начали прибывать освобожденные от крепостного гнета люди из центральных областей России.

В это время в России быстро развивался капитализм. Развитие промышленности и сельского хозяйства, которое усилилось после реформы 1861 года, особенно развитие золотопромышленности, приток населения в Восточную Сибирь, освоение Амура и оснащение военно-морских портов в Приморье — все это резко повысило потребность в черных металлах. В шестидесятых годах XIX века потребность в черных металлах в Восточной Сибири удовлетворялась всего на 1/3. С этого времени в Восточной Сибири начинается значительное развитие черной металлургии, которое осуществлялось по трем путям: по пути технического переоборудования старых металлургических заводов, повышения их мощности, по пути строительства новых металлургических заводов и по пути повышения технологического процесса на всех действовавших предприятиях.

В третьей четверти XIX века было осуществлено коренное переоборудование Николаевского и Петровского заводов, паровые машины

---

[1] ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 44, л. 148.

[1] Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. М., 1925, стр. 262.

обеспечивали действие всех основных цехов и агрегатов этих заводов, внедрены в производство новые методы получения железа и стали. Одновременно были осуществлены меры по изучению и перенесению на металлургические заводы Восточной Сибири опыта лучших отечественных и зарубежных металлургов. В результате производительность Николаевского завода по сравнению с пятидесятыми годами XIX столетия была увеличена в 7,5 раза, а Петровского — в 5 раз.

Были построены новые металлургические заводы: Абаканский и Яковлевский в Енисейской губернии, Лучихинский в Иркутской.

Все это позволило довести производство черных металлов в Восточной Сибири по выплавке чугуна до 700 000 пудов и по выпуску железа, стали и разных металлургических изделий до 500 000 пудов в год. Это был наивысший уровень развития черной металлургии Восточной Сибири в досоветское время. Основная потребность Восточной Сибири в черный металлах в то время удовлетворялась за счет местного производства. Железо уральских заводов продолжало поступать в Восточную Сибирь, но оно было дорогим и основной роли в обеспечении восточносибирского потребителя не играло. Четыре из пяти заводов черной металлургии Восточной Сибири тогда принадлежали частным лицам, то есть капиталистам, и только один — Петровский — оставался казенным.

Наибольшего развития достиг Николаевский чугуноплавильный и железоделательный завод. Николаевский завод был самым прочным и выгодным предприятием восточносибирских капиталистов Бутиных. По сырьевым ресурсам и транспортным возможностям Николаевский завод занимал весьма выгодное положение. Неистощимые запасы железных руд, качеством не уступающих лучшей уральской руде, полная обеспеченность топливом как в виде дров, так и угля, передовое по тому времени производственно-техническое оснащение, расположение завода на судоходной реке в центре всех восточносибирских бассейнов, среди всех без исключения сибирских золотопромысловых систем и полнейшая монополия в сбыте готовой продукции на обширном пространстве многих тысяч километров — все это в совокупности делало положение Николаевского завода исключительным. Продукция Николаевского завода разнообразная как по сортам железа, так и в изделиях, выпускаемая в большом количестве, сбывалась очень успешно. Рынок сбыта продукции был довольно широк: от Енисея до Тихого океана. В то время Николаевский завод был известен не только в России, но и за границей. С 1876 года его изделия выставлялись на Парижской всемирной выставке. В 1878 году на Всемирной выставке в Париже заводу была присуждена серебряная медаль. В 1882 году на Всероссийской промышленной выставке в Москве за разнообразные и высококачественные изделия Николаевского завода и за постройку 120-сильного парохода «Нерчуган» заводу присужден Государственный герб Российского государства, а в 1883 году — большая золотая медаль на станиславской ленте.

Николаевский завод был одним из многих капиталистических предприятий Восточной Сибири, но он наиболее ярко характеризовал развитие здесь капитализма. Наряду с капитализмом рос и развивался могильщик капитализма — пролетариат, который напомнил о себе довольно скоро. «...падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу»[1]. Тяжесть горнозаводских работ, плохие условия труда и быта, постоянные обсчеты и невыплата заработной платы, обман и грубость заводского начальства — все это пробуждало сознание рабочих. Рабочие начинают организованно выступать на защиту своих интересов.

Первое организованное выступление рабочих-металлургов в Восточной Сибири произошло в 1870 году на Николаевском заводе. В качестве специалистов на Николаевском чугуноплавильном и железоделательном заводе работали мастеровые уральских и сибирских заводов. Работали они на основе контрактов, заключенных с заводоуправлением. Мастеровым, приехавшим на работу с Урала, выплачивали проездные, или «прогонные», в оба конца. Несоблюдение контрактов новым заводовладельцем Лаврентьевым вызвало волну протеста со стороны рабочих, которые отказались выйти на работу. Это были Иван Борисов, Кузьма Кондратьев, Филипп Кузнецов, Долмат Белозеров, Терентий Тепляков, Маркел Дехтерев, Михаил Камаганцев, Макар Широков, Иван Щербинин, Григорий Кузнецов, Яков Ивонин и другие, всего 47 человек. Организаторами этой стачки были сами рабочие во главе с Иваном Борисовым и Федором Шуриновым. В результате одновременного невыхода на работу 47 мастеровых литейная фабрика и другие цеха завода остановились.

5 декабря 1870 года инспектор железных и солеваренных заводов статский советник Грамматчиков рапортом на имя председа-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 65.

тельствующего в совете главного управления Восточной Сибири доносил: «Честь имею донести В. П-ву, что по принятии Николаевского завода почетным гражданином Лаврентьевым от гг. Трапезниковых, все вольнонаемные мастеровые уральских заводов, нанятые бывшими владельцами гг. Трапезниковыми и их доверенными, отказались работать новому владельцу в присутствии моем и г. полицмейстера». И далее: «...во время остановки действия литейной фабрики... было предлагаемо им идти на другия заводския работы, но они от них отказались»[1] (разрядка моя.— *И. К.*).

Отказались от работы 47 человек, это из 130 всех «способных к работе» и работавших на заводе мужчин. К тому же это были мастеровые, которые были расставлены на основных участках производства. Это значит, что все основные участки работы завода были парализованы, бездействовали. Главной причиной массового протеста рабочих Николаевского завода было плохое материальное и бесправное по существу положение рабочих. Поводом к выступлению послужило несоблюдение заключенных ранее контрактов новым заводовладельцем. Рабочие Шуринов и Борисов, выступившие в качестве «доверителей» забастовавших мастеровых, обратились 11 февраля 1871 года с заявлением к председательствующему в совете главного управления Восточной Сибири. Объясняя причины отказа от работы мастеровых, они писали о том, что «мастеровым вместо заработной платы выдаются записки на получение товаров из лавки заводовладельца, товар этот, как ненужный им, они должны продавать за бесценок, дабы иметь возможность оплатить семейное содержание», что им «уменьшена плата против контрактов»[2]. Этот документ, авторами которого были сами рабочие, проливает свет на истинные причины забастовки мастеровых Николаевского завода, начавшейся в 1870 году. Остается выяснить продолжительность ее.

Первый документ, свидетельствующий об этом событии — это рапорт статского советника Грамматчикова, командированного на место происшествия «экстраординарно», датирован 5 декабря 1870 года. В этом документе Грамматчиков сообщает о том, что мастеровые отказались выйти на работу во время передачи завода новому владельцу. Следовательно, стачка николаевских рабочих началась не позднее 5 декабря 1870 года. Следующий документ — это «прошение» или заявление доверенных участников ставки Ивана Борисова и Федора Шуринова, оно датировано 11 февраля 1871 года. И третий документ — это рапорт опять-таки советника Грамматчикова на имя генерал-губернатора Восточной Сибири, датированный 1 апреля 1871 года, в котором Грамматчиков сообщал: «Во время же бытности моей в заводе Лаврентьевым было прислано 16 000 руб., которыми мастеровые уже удовлетворены и некоторые из них, получив прогоны от г. Трапезникова, уехали на Урал»[1].

Таким образом, стачка мастеровых Николаевского чугуноплавильного и железоделательного завода 1870—1871 гг. продолжалась не менее трех месяцев, и, судя по последнему рапорту инспектора Грамматчикова, мастеровые добились удовлетворения их требований.

Мастеровые Николаевского завода сообщали о том, что им вместо денег выдавали записки. Это верно. По запискам рабочие получали продукты и товары, а если им требовались деньги, то они должны были продать эти продукты или товары по значительно более дешевой цене. Нередко за неимением денег заработная плата рабочим выплачивалась... железом. Да, да, самым настоящим железом, нередко ржавым. Это железо рабочие здесь же продавали местным скупщикам за бесценок. Они вынуждены это делать, потому что нужно было содержать семьи и жить самим.

Заводы черной металлургии, как правило, находились вблизи железорудных месторождений и вдалеке от экономически развитых районов. Так, например, Николаевский завод находился в 25 километрах от Братска и более чем в 500 километрах от Иркутска, Абаканский завод — в 200 километрах от Минусинска. Отдаленность металлургических заводов от экономически развитых районов давала возможность владельцам заводов закабалять рабочих в экономическом отношении.

Были случаи, когда владелец завода умудрялся рассчитываться с 500 рабочими 50 рублями и каждому давал по полтиннику. Делалось это так. Заводовладелец объявляет рабочим, чтобы завтра, допустим, они приходили за получкой, только поочередно: 100 человек утром, 100 до обеда, 100 в обед, 100 после обеда и 100 вечером. С утра против конторы открывается кабак, где продается водка «со специями» и «без пециев». Рабочие, получив

[1] ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 789, лл. 60, 82/об.
[2] Там же, д. 1857, л. 76.

[1] ГАИО, ф. 712, оп. 1, д. 1857, л. 77.

о полтиннику, спешат в кабак. К приходу второй партии рабочих 50 рублей, а то и с прибылью, снова лежат в конторе. И так «рассчитывали» всех 500 рабочих. Но от этого плохое материальное положение рабочих не улучшалось. Заводовладельцы доводили рабочих до отчаяния. Об этом свидетельствует рапорт начальника абаканского полицейского отделения полицмейстера А. Посина енисейскому гражданскому губернатору от 11 декабря 1877 года № 1414. «Второго декабря на всех лицах, живущих в заводе было что-то радостное и в заводе сделалось какое-то особенное движение, народ ходил кучками и повсюду было слышно: «Старик приехал», «Старик приехал» (так называли рабочие владельца завода Пермикина.— *И. К.*). «Слава богу, теперь уж непременно деньги будут» и т. д.

3 декабря все живущие в заводе носы повесили еще пуще прежнего. В это число народ заявился к старику Пермикину и что же услышал на их приветствия: «Вот что, ребята, кто хочет служить у меня — служите, кто не хочет, можете рассчитаться. Денег у меня нет. Куда хотите, идите жалуйтесь».

Невообразимый ужас был на всех лицах, никто даже слова не мог сказать, некоторые посмелее разинули рты да так и оцепенели, а когда одумались, то Пермикина пред ними уже не было...» (разрядка моя.— *И. К.*).

4 и 5 рабочие ходили артелями и ничего не добились.

5 вечером привезли бочку вина.

6 была раздача денег по рублю, и в этот же день отворили кабак, понятно, что все эти рублики очутились в кабаке. Бочки этой не хватило, как надо полагать, не все рублики собрались, послано было за другой бочкой и этой другой бочкой все кончилось, рублики возвратились с процентами. Я нарочно ходил в кабак, и в народе слышны то и дело проклятия и, кроме того, говорят: «Вот роздали по рублику, да и те назад с прибылью»[1].

Рабочие Абаканского завода находились под постоянным наблюдением полицейских. Отсутствие денег, вздорожание продуктов в условиях разгула спекуляции — все это вызвало недовольство, а затем и волнение рабочих завода. К осени 1876 года события на Абаканском заводе настолько осложнились, что они немало обеспокоили не только Иркутск, но и С.-Петербург. 14 сентября 1876 года в Иркутске была получена зашифрованная телеграмма следующего содержания:

[1] ГАИО, ф. 25, оп. 9, д. 1276, лл. 622—623.

«Иркутск генерал губернатору

Получены сведения о крайне возбужденном состоянии рабочих на заводе Пермикина в Минусинском округу. Благоволите сообщить в какой мере эти сведения справедливы.

Князь Лобанов»[1].

Князь Лобанов, как известно, в то время был управляющим Министерства внутренних дел. Немедленно были приняты «энергические» меры по разрядке напряженности на Абаканском заводе. Заводовладелец Пермикин в то время находился в С.-Петербурге. Для розыска его послана срочная телеграмма небезызвестному «С.Петербургскому градоначальнику генерал-адъютанту Ф. Ф. Трепову». Усилен полицейский надзор. Переброшены казаки. Изысканные в срочном порядке деньги на почтовых доставляли в заводоуправление.

И трудно сказать, что могло бы произойти среди рабочих Абаканского завода, если бы здесь не создалась артель мастеровых, которая своими самостоятельными действиями обеспечила успешную работу предприятия в течение двенадцати лет, и тем самым рабочие показали блестящий пример того, на что способен пролетариат даже в условиях ограниченных возможностей.

Исследователь В. Вагин в своей книге о Николаевском железоделательном заводе упоминает о том, что в 1885 году на заводе были опять серьезные волнения рабочих, причиной которых была «ненормальность отношений между заводским управлением и рабочими»[2]. Волнения рабочих были прекращены после применения усиленных полицейских мер.

Следующая забастовка рабочих Николаевских заводов состоялась в 1899 году. В то время николаевские заводы принадлежали обществу восточносибирских чугуноплавильных, железоделательных и механических заводов. Правление общества находилось в Москве, а на месте было управление заводом. Общество, затратив весь свой капитал на переоборудование Николаевского завода и на оснащение Новониколаевского завода, а также на содержание правления общества в Москве, ничего не оставило на организацию производства, на выплату заработной платы рабочим. Наоборот, управление заводом задолжало 270 000 рублей, из них 120 000 рабочим, 70 000 служащим завода и 80 000 за перевозку грузов крестьянам окрестных сел. Заработная плата рабочим не выдавалась в течение нескольких

[1] ГАИО, ф. 25, оп. 9, д. 1275, л. 178.

[2] В. Вагин. Николаевский железоделательный завод. Иркутск, 1887, стр. 31.

месяцев. Рабочие николаевских заводов забастовали. Окружной инженер Иван Арханов, бывший в то время на Николаевском заводе, сообщал:

«К пасхе между рабочими поднялся ропот, для остановления которого окружному инженеру пришлось прожить на заводах всю пасхальную и фомину недели»[1]. «Волнения рабочих прекратились только после удовлетворения их требований. Для удовлетворения требований рабочих была создана специальная правительственная комиссия, которая добилась освобождения 148 000 рублей из залога общества в Министерстве путей сообщения. Рабочим выдали деньгами и припасами 120 000 рублей, после чего рабочие разошлись, а заводы окончательно остановились»[2].

[1] ГАИО, ф. 135, оп. 1, д. 1648, л. 57/об.
[2] Там же, л. 58.

Итак, рабочее движение на металлургических заводах Восточной Сибири начинается сразу же с формированием рабочего класса. Со временем оно все более нарастает. Так, если в 1870—1871 гг. в забастовке участвовала только часть рабочих Николаевского завода, то в 1899 году проявился массовый отказ всех без исключения рабочих завода от работы. Рабочие-металлурги выступают более организованно, настойчиво и небезуспешно — добиваются удовлетворения их требований. В процессе все более возраставшего рабочего движения зрело сознание рабочих, которое со всей полнотой проявилось в годы гражданской войны в Восточной Сибири. Рабочие-металлурги одними из первых вступали в отряды Красной гвардии, в партизанские отряды и вписали немало замечательных страниц в историю борьбы за власть Советов.

СТОРОНА СИБИРСКАЯ

Б. Вержуцкий

ПЕРНАТЫЕ СЛУЖАТ ЧЕЛОВЕКУ

ПЕСНИ И ПЕВЦЫ

Весна, идет весна!.. Льются каскады солнечных лучей, заполняя и небо, и землю, и все сущее вокруг. Разноголосому журчанию ручьев вторят бесконечные песни жаворонков. Дальние клики проплывающих в синеве гусиных стай и караванов журавлей тревожат сердце и зовут, зовут с собой...

Сколько разных птичьих голосов звучит в этом не знающем дирижера, но дивно согласном хоре? Сотня? Пожалуй, и не одна. Всего в нашем своеобразном крае, в Прибайкалье, иркутский орнитолог (птицевед) Татьяна Николаевна Гагина насчитывает 330 видов птиц. Это составляет половину птиц страны — больше, чем даже в прославленном щедростью природы Уссурийском крае. Но всего разнообразнее орнитофауна (мир пернатых) в тропиках. В долине реки Амазонки, например, обитает тысяча видов птиц — почти восьмая часть всех пернатых земли.

Впрочем, малое разнообразие птиц еще не говорит вообще о бедности пернатыми. Так, знаменитые птичьи базары составлены немногими видами птиц: в основном кайрами, меньше чистиками, люриками и чайками-моевками. В неоглядных тундрах обитает лишь около сотни различных птиц, но летом там, по выражению Успенского, изучавшего животных Арктики, «воздух звенит от птичьих криков и пенья».

Кроме разнообразия, наши птицы уступают тропическим в яркости и пестроте окраски. Но резкие, неприятные крики большинства южан несравнимы с теми чудесными песнями, которые можно услышать в наших лесах, на иркутском птичьем базаре, в домах многочисленных любителей-птицеловов.

Как лучшие певцы в животном мире и одни из привлекательнейших на земле существ, птицы с каждым годом все больше ценятся человеком. «Прекрасное, — говорил В. Гюго,— столь же полезно, как полезное. Быть может, еще полезнее».

ОХОТА ПО ПЕРУ

Когда речь идет о хозяйственной роли пернатых, обычно прежде всего имеется в виду их охотничье (промысловое) значение. Охота — самый древний способ использования птиц. Советский Союз по обилию и многообразию дичи занимает одно из первых мест в мире. Ежегодная добыча ее в стране составляет несколько десятков миллионов тушек — это, кроме пуха и пера, тысячи тонн первосортного мяса. Исстари славятся непревзойденные гастрономические свойства боровой дичи: рябчика, тетерева, глухаря, белой и серой куропаток.

Охота по перу в Сибири несколько меньше развита, чем в западных районах Союза. Один из корифеев отечественного охотоведения Д. К. Соловьев уже в советское время писал о Прибайкалье, что здесь «птицы пока мало останавливают на себе внимание истого промышленника. Стоит ему тратить время на глухаря или рябчика, когда он может добыть соболя или изюбря... Кроме того, летом убитая дичь не может выдержать нескольких дней, пока дойдет до отдаленного потребителя, поздней же осенью стоит самое горячее время охоты на различных зверей».

В наше время в Иркутской области добывается ежегодно от 9 до 23,5 тысячи тушек дичи. Больше всего поступает ее из Катангского, Жигаловского и Качугского районов. Понятно, названная цифра — это не все коли-

чество дичи, добываемой в области. Охотников-промысловиков у нас насчитывается девять тысяч, а с любителями-спортсменами число занимающихся охотой переваливает за двадцать тысяч. Никто из них не пренебрегает охотой по перу, и, надо думать, каждый добывает не по одной птице в год для личного потребления.

Были в свое время птичьи базары на Байкале. Составлялись они гнездящимися колониально большими бакланами и особенно чайками: серебристой и сизой. Рыбаки и местные жители с таким усердием собирали яйца, что начисто вывели птиц на базарах. В середине прошлого столетия знаменитый путешественник-натуралист Густав Радде писал, что «корморанны (бакланы) осенью покрывают тысячами Баргузинскую и Селенгинскую бухты и целыми тучами поднимаются с озера». 25 лет назад зоолог Новиков отмечал, что в «Чивыркуйском заливе их особенно много». К 1957 году в этом заливе осталось лишь 12 бакланов, а сейчас они вовсе в нем исчезли.

В тридцатых годах на острове Ольхон предлагали построить консервный завод для переработки бакланьего мяса. Теперь там гнездятся лишь одиночные пары бакланов. Специалисты считают, что через десять лет бакланы на Байкале будут полностью истреблены, если не предпринять мер к их охране.

Основу птичьих базаров на Байкале составляют сейчас чайки, но и они быстро уменьшаются в числе. На острове Чаячьем несколько лет назад местные жители собирали за один раз по полтысяче яиц сизых чаек. Теперь не собирают и сотни, но кладки яиц попрежнему опустошаются ими целиком. Видимо, очень скоро Чаячий остров останется без чаек.

На Байкале и многочисленных озерах БАССР каждой весной регулярно опустошаются гнезда водоплавающей птицы. Известны случаи, когда на сковородку попадали и яйца дрофы, почти совсем уже исчезнувшей в Забайкалье из-за постоянного преследования. Тут требуются не только строгие меры по охране птиц в гнездовой период, но и повседневная пропаганда значения птиц, разъяснения того, что истребление яиц диких пернатых не только варварство, но и преступление, расхищение общенародных богатств.

ПОЛЬЗА ПТИЦ В СЕЛЬСКОМ И ЛЕСНОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Даже при беглом знакомстве с жизнью пернатых выясняется, что суммированный доход от охоты на птицу не сравним с пользой, приносимой птицами сельскому и лесному хозяйству. Птицы уничтожают сорняки, грызунов и прежде всего вредных насекомых. Уже в первой печатной работе об охране птиц, вышедшей в прошлом веке в Германии, автор обосновывает необходимость защиты пернатых единственно пользой — уничтожением ими насекомых — вредителей растений. «Птицы,— говорит он,— призваны самой природой быть поддерживателями равновесия между растениями и насекомыми и тем самым приносить нам, людям, именно сельским хозяевам, лесоводам и плодоводам, величайшую пользу...»

Поедая яйца личинок и взрослых насекомых, птицы постоянно удерживают численность вредителей на каком-то определенном уровне, не допуская их размножения в размерах, катастрофических для культурных растений и леса. Если вспышка массового размножения вредных насекомых все же произойдет, в очагах же размножения незамедлительно собираются большие стаи насекомоядных и хищных птиц, снижая потери от вредителей, а нередко и полностью погашая вспышку. Близ Большого Соленого озера на западе Соединенных Штатов воздвигнут громадный памятник чайкам. Этот монумент — знак признательности первых фермеров Солт-Лейк-Сити, которым чайки спасли урожай и самую жизнь, уничтожив саранчу, в массе появившуюся на полях. Хозяйственное значение чаек на Байкале пока неизвестно. К изучению его приступили в прошлом году научные работники Иркутского университета.

Любопытны опыты по подсчету количества пользы, приносимой птицами сельскому хозяйству. На территории советской Средней Азии было выяснено, что каждая колония розовых скворцов за гнездовой период, то есть примерно в течение месяца, истребляет 100 тонн саранчи — бича среднеазиатского хозяйства. Еще более разительные цифры получили в 1921 году американцы. Оказалось, что ежегодный ущерб США от вредных насекомых составляет биллион долларов! Установлено, что убытки были бы на целую треть больше, если бы птицы не снижали численность вредителей.

Деятельность птиц в своей повседневности на глаз обычно малозаметна. Лишь тогда чувствуем мы всю громадную потенциальную силу пернатых, когда доводится увидеть их вдруг собравшимися в единые скопища. В октябре 1959 года иркутян поражали слетавшиеся на ночевки в центре города сонмы оглушительно гомонящих домовых воробьев. Казалось, они слетелись сюда со всего Иркутска, хотя на самом деле это была незначи-

тельная часть городских воробьев, до трех с половиной тысяч. Во всем же городе их обитает, видимо, несколько десятков тысяч (в Москве учтено около миллиона домовых воробьев). Именно эти невзрачные серые существа охраняют труд и средства, вкладываемые ежегодно в озеленение города. В парках их заменяют другие птицы, а уличные насаждения оберегаются от вредителей только воробьями.

Иногда птицы заслуживают благодарности прямо противоположной деятельностью — распространением семян полезных растений. Лишь в последние десятилетия установлено, что кедровка — одна из полезнейших птиц Сибири. До этого ее считали вредителем леса, так как питается она семенами сибирской сосны (кедровыми орехами). При тщательном изучении поведения кедровки и судьбы семян обнаружилось, что она помогает кедру расселяться. Делая на зиму запасы, она далеко уносит и прячет орехи, а затем обычно забывает про свои тайники. Так появляются всходы кедра в местах, куда семена его, большие и тяжелые, никак сами попасть не могли. Поедание кедровкой семян кедра всем этим больше чем окупается.

Наиболее чувствительный ущерб сельскому и лесному хозяйствам после насекомых приносят грызуны. Они страшны своей многочисленностью и плодовитостью. У хищных птиц, питающихся грызунами, выработались особые черты поведения и жизни, очень полезные с точки зрения человека. Во-первых, они быстро слетаются в места, где обильно размножились грызуны. Во-вторых, если пищи много, большинство хищников пожирает лишь головы пойманных зверьков. Количество умерщвляемых вредителей в этом случае резко увеличивается. В-третьих, в годы массовых размножений грызунов у питающихся ими пернатых резко возрастает число откладываемых яиц, а часть хищных птиц, как сипуха и болотная сова, выводят два или даже три поколения птенцов за лето вместо одного. Таким образом, за размножением грызунов незамедлительно следует рост численности их пернатых потребителей.

Но и в обычные годы большинство хищных птиц очень чувствительно помогает полеводам. Обыкновенные канюки или сарычи, наводняющие в весенние дни Иркутскую область, вылавливают в день в среднем каждый по 10 мышей и полевок. По самым скромным подсчетам, в год это составляет нашему хозяйству 2 тысячи рублей экономии от одной птицы.

Еще более искусные охотники за грызунами — ночные хищники (совы). Вспоминается случай, как однажды в погреб, где размножились крысы и кошки уже не могли с ними справиться, посадили сову. Наутро в погребе нашли девять обезглавленных крыс, а уже через две недели сова начала голодать, и ее пришлось подкармливать.

ПРИРОДНЫЕ САНИТАРЫ

Многие птицы, не питающиеся обычно грызунами, в «мышиные» годы переходят почти исключительно на питание ими. Очень интересны наблюдения одного из старейших иркутских зоологов Ивана Петровича Брома над нашими черными воронами. Когда заполнялось Иркутское водохранилище, грызуны должны были уходить от наступающей воды и в массе скапливаться по берегам. В этих местах легко могла вспыхнуть эпизоотия — повальная болезнь зверьков, а это угрожало бы безопасности населения города. Бром, определяя изменения количества грызунов близ уровня быстро поднимающихся вод нового моря, заметил, что во всех тех местах, где зверьков оказывалось больше, обязательно собирались и вороны. Весной Бром наблюдал, как вороны на берегах водохранилища разыскивали вытаивающие из снега и льда трупы погибших зимой полевок и без остатка пожирали их.

Санитарами вороны становятся не только в таких исключительных случаях. Долгую северную зиму они проводят близ человеческого жилья и поневоле с великим усердием все холодное и голодное время отыскивают и подбирают то, что весной начало бы гнить и могло стать источником возникновения заразных болезней. У Иркутска проводят зиму более двух тысяч ворон, каждая из которых представляет своеобразный «универсальный мусороуборочный комбайн» в миниатюре.

Но еще полезнее в человеческих поселениях в качестве санитаров домовые и полевые воробьи. Они круглый год подбирают съедобные отбросы и вылавливают летом у помоек мух, распространяющих возбудителей опасных болезней.

Если бы множество птиц не кормилось у железной дороги, возникла бы серьезная проблема — необходимость тщательной очистки путей от пищевых отбросов, остающихся за пассажирскими поездами. Кое-что съедобное, а следовательно и способно разлагаться, выпадает и с товарных поездов. На рассвете, если идти от вокзала по полотну железной до-

роги в сторону Слюдянки, можно видеть многочисленные сборища домовых и полевых воробьев, скалистых и сизых голубей, ворон. Если приглядеться, окажется, что они собираются больше на отдельных участках полотна: у стрелок, мостов, на поворотах дороги, где вагоны больше трясет и из них скорее может что-нибудь выпасть. К Смоленщине у дороги появятся сороки, снегири, а за Большим Лугом — вóроны. После Подкаменной останутся лишь вóроны, сойки да снегири. В зимнее время они собираются сюда со всей тайги, летом это меньше заметно, и место снегирей занимают другие птицы.

О ВРЕДНЫХ ПТИЦАХ

Велика и разнообразна полезная деятельность диких птиц. Но трудно назвать такой вид пернатых, который всегда и всюду приносил бы одну лишь пользу. Тот же воробей, пока буквально незаменимый в больших городах, заслужил справедливые упреки налетами на посевы пшеницы, риса, проса, конопли. Такому воробью, воробью-вредителю, следует без долгих рассуждений подкладывать отравленную приманку (зерно, вымоченное в растворе арсенита натрия).

Садоводы подчас недобрым словом поминают птичьи стаи, повадившиеся расклевывать поспевающую вишню, черешню, виноград. Но те же птицы выкармливают своих птенцов вредными насекомыми, то есть, пока не поспел урожай, они ревностно, хотя невольно, охраняют его. Этих пернатых по осени выгоднее отпугивать, нежели уничтожать.

Хищных птиц бранят чаще других, они де и мелких полезных птиц ловят, да и цыплят таскают. Это неверное мнение. Безусловно, подлежат истреблению лишь ястреб-тетеревятник — гроза дичи и промыслового зверья до зайца включительно, затем перепелятник — специалист по мелким птичкам да лунь болотный — тоже охотник на небольших пернатых, но он же не упускает случая и изловить ондатру, широко теперь у нас распространенного пушного зверька. Очень чувствительный убыток наносит болотный лунь на Байкале, в Кударинском ондатровом хозяйстве.

Для всех остальных хищных птиц вопрос об их пользе и вреде нужно решать для каждой местности отдельно. Конечно, канюк, привыкший таскать цыплят с фермы,— наглый разбойник, подлежащий уничтожению. Но в то же время нельзя забывать, что канюки в основном питаются грызунами и их, за малым исключением, следует охранять, а не преследовать.

Совершенно необоснована практикуемая охотничьими и заготовительными организациями выдача премий за всякие птичьи когтистые лапы, то есть за каждого добытого пернатого хищника. В Северо-Байкальском, Курумканском и Баргузинском районах БАССР был проведен таким методом отстрел «вредных хищных птиц», среди которых бóльшая часть оказалась полезнейшими мышеедами: совами и мелкими соколками. Орнитологи Иркутска установили, что в Северо-Байкальском районе на пять вредных птиц отстреливалось четырнадцать безвредных и полезных. Это непродуманное истребление хищников недешево обошлось нашему хозяйству.

В европейских странах народной демократии с хорошо организованным охотничьим хозяйством, где почти каждый зверь и птица на счету, от большей части хищных птиц избавляются разными способами. Но и здесь приходится соблюдать чувство меры: известен случай, когда в стремлении увеличить число белых куропаток специальная охрана уничтожила всех хищных птиц. Количество добываемых куропаток выросло до небывалой цифры — 450 тысяч в год, но затем добыча стремительно упала до 900 штук за сезон и очень долго не поднималась. Птицы гибли от заразных болезней, в то время как раньше хищники отлавливали первых же заболевших и ослабленных куропаток, не позволяя болезням широко распространиться.

ПТИЦЫ ДОМАШНИЕ И ОДОМАШНИВАЕМЫЕ

Особое место в хозяйстве человека занимают домашние птицы. От старинных районов цивилизации до самых диких уголков Центральной Африки почти неизбежны они в человеческих поселениях. Птицеводство имеет особое преимущество перед другими отраслями животноводческого хозяйства в том, что дает в самые краткие сроки большое количество высокопитательных продуктов. Оно быстро развивается и в Иркутской области. Сейчас на наших птицефермах содержится 800 миллионов птиц разных видов и пород, а через два года их будет на треть больше.

Многие пернатые, от канареек и попугаев до лебедей и павлинов, одомашнены как декоративные птицы, украшающие комнаты, сады, парки. К слову, одомашненными считаются лишь животные, размножающиеся в неволе. Значит, даже совсем ручная чечетка — еще не

домашняя птица, а канарейка, живущая в природе лишь на Канарских островах (близ Испанской Сахары), вполне одомашнена. Получить потомство даже от птиц, сравнительно давно размножающихся в неволе, — дело совсем не простое. Волнистых попугайчиков держат многие иркутяне, а птенцов от них получает только столяр А. Канцелярчик, большой любитель комнатных птиц.

Для самых различных целей разводят голубей — и для получения мяса, и ради красоты, и для связи (почтовые голуби), и как лабораторных (подопытные) животных, и для выпуска в торжественных случаях. На фестивале в 1957 году в Лужниках было выпущено сразу 30 000 голубей! В Иркутске голубеводы многочисленны и деятельны: организуют встречи, выставки голубей. По воскресеньям плотная бурлящая толпа голубятников составляет основу иркутского птичьего базара.

Дикая орнитофауна считается у животноводов золотым фондом для обогащения птицеводческих хозяйств путем одомашнивания диких животных, скрещивания их уже с домашними. Известна старая практика охотников по выведению подсадных уток с нужными свойствами путем скрещивания домашней утки с селезнем кряквы. В красноярском заповеднике «Столбы» были поставлены довольно удачные опыты по разведению в неволе глухарей. Такие же эксперименты ведутся сейчас в Баргузинском заповеднике С. П. Кирпичевым.

В европейских странах народной демократии многих диких птиц, в частности фазанов, держат в полувольном состоянии, и это приносит большую выгоду, так как эти пернатые требуют очень мало средств и забот. По мнению птицеводов и охотоведов, в Иркутской области вполне может себя оправдать подобное разведение фазана и бородатой куропатки. Куропатка бородатая, близкая родственница серой (распространенной в Европе и Западной Сибири), легко приручается. Зимой, в холода и бескормицу, она утрачивает всякий страх перед человеком, собираясь к гумнам и кошарам. В большие морозы она даже не пытается улететь при приближении людей, и ее берут прямо руками.

ОХРАНА И ПРИВЛЕЧЕНИЕ ПОЛЕЗНЫХ ПЕРНАТЫХ

Если даже рассматривать диких птиц лишь как объект будущего одомашнивания, они уже представляют для человека громадную ценность. Эта мысль проводится и в опубликованном в октябре 1960 г. «Законе об охране природы в РСФСР». Охрана природы провозглашается в нем «важнейшей задачей и делом всего народа». В законе указывается, что в хозяйственный оборот вовлекаются все новые и новые природные ресурсы страны, что эти богатства нужно уметь использовать как можно полнее и в то же время экономно, не допуская их истощения.

Пока что мы только берем от мира пернатых, ничего почти взамен ему не давая и слишком мало заботясь о восстановлении взятого. На прошедшей три года назад конференции по охране природы Сибири было указано, что «охота по перу и убой мелких птиц при отсутствии дичи происходят во всякое время года вне связи с действующими законоположениями». И как следствие этого «за последние десятилетия наблюдается явное оскудение запасов охотничьих птиц, что особенно отмечается на Байкале». Чтобы дичи добывалось больше, а запасы ее не сокращались, прежде всего каждый охотник должен стать разумным, рачительным хозяином в своих угодьях. Не егеря, не лесная охрана, а лишь сами потребители дичи могут заставить тайгу дать много больше, чем она дает сейчас. В обеднении Сибири промысловыми птицами виновны прежде всего браконьеры, которых немало и среди охотников, сплошь да рядом пренебрегающих установленными сроками охоты. Тощий рябчик, ошалело идущий на манок весной, — добыча, конечно, более легкая, но и куда более дешевая, чем осенний тяжелый выводок.

В отношении насекомоядных и хищных птиц самая малая затрата труда и средств по привлечению их в места, где они более нужны, окупится быстро и с лихвой. Хищник может охотиться равно над пашней и над лугом, но стоит поставить среди посевов шесты с перекладинами, и охраняться будут в основном культурные растения.

Насекомоядные птицы очень неприхотливы, но все же они с большим трудом отыскивают себе подходящие места для гнездования. Там, где условия для их поселения благоприятны, разные птицы гнездятся очень густо, целыми колониями. Если в парке достаточно зарослей кустарника и вывешены дупляки — в этом парке не будут плодиться вредители и птицы придадут ему естественную привлекательность, незаменимую никакими плакатными украшениями.

Нельзя только с экономической точки зрения рассматривать и пернатых Байкала. Для отдыха, экскурсий и туризма сюда собираются любители природы со всего Союза, и не толь-

ко Союза. А каким пустынным и безжизненным стало бы без птиц громадное озеро-море! Сколько пленительной и своеобразной прелести ушло бы с исчезновением чаек от величавых его берегов и вод! Охота на байкальских птиц сейчас запрещена в трех отдельных пунктах: в дельте р. Селенги (с прошлого года), в истоке р. Ангары (на 10 лет) и в Баргузинском заповеднике (на 45 лет). Но пока не прекратятся систематические разорения гнездовий, пока туристы и многочисленные экспедиции будут брать с собой фактически ненужное им огнестрельное оружие, особенно малокалиберные винтовки, численность пернатых на Байкале будет сокращаться.

Весь комплекс действий, направленный к охране и улучшению условий существования нужных человеку пернатых, называется обычно защитой птиц. Действия эти тогда лишь бывают удачны, когда они опираются на знание всех повадок, всей жизни пернатых. Эпиграфом старинных книг по орнитологии стоял девиз: «Научитесь прежде всего понимать жизнь птиц, ежели вы желаете с полным успехом защищать их».

В Иркутске ежегодно с большим торжеством вывешиваются дуплянки для скворцов, которых здесь нет. Делать дуплянки и другие искусственные гнездовья все-таки надо, но следует их приспосабливать конкретно для синиц или горихвосток, мухоловок, трясогузок.

Известно, что даже одна и та же птица в разных местностях ведет себя совсем различно. Сибирский скворец, гнездящийся и в западных районах нашей области, совсем не селится в вывешиваемых дуплянках, предпочитая им естественные дупла деревьев. Видный советский орнитолог В. В. Строков предполагает, что, возможно, отверстия в скворечниках — летки, размеры которых берутся по западному шаблону, для крупных сибирских скворцов малы. Но, может быть, причина и не в этом.

В каждой библиотеке имеются руководства с описаниями полезных и вредных птиц, способов охраны и привлечения наиболее ценных пернатых. В большинстве это хорошие книги, но написаны они почти все для Европейской части СССР. Для проверки пригодности их в наших условиях, для отыскания новых, простых и дешевых путей защиты пернатых нужно много крепких рук, соединенных с большой любовью к нашей природе, сказочно богатой и бесконечно прекрасной.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Молодость, творчество, современность — под таким девизом прошла в апреле в Иркутске областная конференция творческой молодежи, юных дарований. Ее смысл и значение определил в своем докладе секретарь обкома ВЛКСМ Н. И. Мальцев.

— Молодость всегда впереди, она ищет новых путей в раскрытии средствами искусства нашей замечательной действительности, величия и красоты нашего современника, преобразователя Сибири. Долг старших товарищей, опытных творческих работников — вырастить из молодежи достойную смену.

И естественно, главный разговор на конференции сосредоточился вокруг самых животрепещущих вопросов — о путях к высокому художественному мастерству и о создании произведений литературы и искусства, достойных нашего времени, о месте писателя и художника в жизни, о муках творчества и творческой учебе. В течение трех дней и на пленарных заседаниях, и при обсуждении творчества молодых в секциях в полный голос об этом говорили поэты и прозаики, художники и артисты, музыканты и кинолюбители, ведя страстные дискуссии, споры, обмениваясь опытом творческой работы.

На конференции царил дух делового товарищества опытных творческих работников и творческой молодежи. Тут был и откровенный двусторонний обмен мнениями о том, как надо учить и учиться, и обмен творческим опытом, и взыскательная справедливая критика первых произведений и первых работ молодых дарований, и добрый совет, и напутствие на будущее. Перед творческой молодежью выступили известные иркутские писатели и литературоведы, художники и музыканты, деятели театра и кино: Г. Кунгуров, Ф. Таурин, Л. Огневский, В. Тычинин, В. Марина, А. Абрамович, М. Сергеев, Е. Жилкина, П. Реутский, Н. Кузнецова, Э. Зиннер, Л. Лисин, Е. Макарова, В. Рогаль, О. Волин, А. Радин, В. Лещев, Ф. Данилова, Г. Люрис и другие. С большой речью обратился к молодым творческим работникам заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС В. И. Мочалов.

Деятельное участие в конференции приняли московские писатели и композиторы. Прозаик Ариадна Громова и поэт Марк Соболь активно выступали на семинарах, делились с молодежью творческим опытом, своими глубокими, доброжелательными и справедливыми замечаниями помогли молодым авторам наглядно увидеть недостатки и ошибки в представленных на обсуждение произведениях.

Конференция творческой молодежи, в которой участвовало более шестисот человек, несомненно удалась. Она ярко продемонстрировала рост художественных сил и подъем творческой работы в области, выявила новые таланты и дарования.

Ниже публикуются статьи Ариадны Громовой и Марка Сергеева об итогах работы на конференции секций прозы и поэзии.

А. Громова

РАЗГОВОР О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ

Разные, очень разные люди приехали на конференцию творческой молодежи в Иркутск. Несхожими были их профессии и характеры, различный был у них жизненный опыт, интересы и устремления. На секции прозы обсуждались повести и рассказы бетонщика Николая Попова из Шелехова и балетмейстера Альбины Афониной из Тулуна, слушателя высшей партийной школы Дмитрия Милюкова из Нижнеудинска и воспитательницы общежития Галины Кисель из Братска; из Ангарска привезли на обсуждение свои рукописи физик

Алла Конова и фармацевт Елизавета Замащикова. Но в названии конференции — «Молодость, творчество, современность» — было охарактеризовано то, что роднило их всех. Люди, начинающие сложный и трудный писательский путь, собрались, чтобы серьезно поговорить о жизни и ее отражении в литературе, о задачах и возможностях литературы, о ее правах и обязанностях.

Разговор шел серьезный, без всяких скидок. Он был иногда очень страстным, даже резким по тону, но всегда искренним и деловым. Ведь и самая страстность и резкость порождались именно искренней заинтересованностью выступавших, их горячей заботой о литературе и ее молодом пополнении. И стоило посмотреть, как живо реагирует аудитория на выступления, какие вопросы и реплики слышатся с мест! А ведь большинство участников конференции находилось в трудном положении: организаторы этого интересного дела не все продумали и учли — молодые писатели не имели возможности ознакомиться с произведениями своих сотоварищей, и сидевшим в аудитории приходилось судить о содержании, о сюжете, о главных героях обсуждавшихся произведений лишь по тем поневоле отрывочным и неполным сведениям, которые можно было получить, слушая выступления. И все же разговор горячо интересовал всех, потому что спорили о конкретных и очень важных вопросах: о принципах отбора и изображения фактов, о соотношении между правдой жизни и художественной правдой, о приемах композиции, о характере конфликтов, о языке.

Поспорить было о чем. У каждого из тех авторов, чьи произведения обсуждались на конференции, есть какой-то жизненный опыт, их замыслы в той или иной степени опирались на жизнь, на конкретную реальную действительность наших дней. Николай Попов сам работает на стройке, которую описывает в повести «Полный вперед!». Дмитрий Милюков не только бывал на строительстве дороги, о которой пишет в повести «На земле сибирской», но и работал там; Елизавета Замащикова жила в селе, о котором идет речь в ее повести «Жизнь продолжается»; Галина Кисель по самому характеру своей работы находится в постоянном и близком общении с рабочей молодежью, о которой она говорит в своих рассказах... Словом, о каждом из них можно сказать, что его произведения имеют какое-то реальное обоснование, опираются на конкретное изучение жизни, даже об Альбине Афониной, положившей в основу своей «Пачки писем» рассказ об очень необычной любви, даже об Алле Коновой, авторе фантастической повести «Осколки тяжести»; ведь Конова — физик, и научные проблемы, исходя из которых она строит свое фантастическое повествование, знакомы ей на практике.

Но ведь знание фактов — это еще не все. Николай Попов, например, знает жизнь своей стройки, ее людей очень хорошо — ведь он сам рабочий. Однако значит ли это, что в его интересной, задорной, темпераментной, хоть и несколько небрежно написанной повести «Полный вперед!» жизнь изображена вполне правильно? Нет. Из-за молодой горячности Николай Попов придает слишком большое значение некоторым фактам, волнующим его, и не то что не видит, а в азарте отбрасывает другие, ничуть не менее важные, из-за этого картина жизни у него получается неполной, односторонне освещенной. И вполне понятно, что, обсуждая его повесть, участники конференции особенно живо и горячо говорили об умении отбирать и точно освещать факты и что разговор о композиции вещи, о приемах изображения героев, о языке особенно прочно сливался здесь с разговором о жизненной позиции писателя, о его способности правильно судить о событиях.

Другого рода споры шли о повести Альбины Афониной «Пачка писем». Позиция автора тут была выражена достаточно ясно, даже декларативно, и в основе своей не вызвала особых сомнений; конечно, изображение сильной, настоящей любви, возвышающей и облагораживающей человека, можно лишь приветствовать. Сомнения вызывало другое — конкретные приемы изображения этой любви, сюжетные ходы, методы обрисовки главных героев повести и их взаимоотношений. Многие считали, что в любовь Волдиса и Наташи нельзя поверить, что не может возникнуть любовь заочно, лишь на основании переписки (тем более переписки с заключенным, с человеком, совершившим тяжелое преступление), что Наташа выглядит слишком экзальтированной и неспособной здраво рассуждать. Отмечали также, что вторая часть повести, где изображается семейное счастье молодой пары, производит впечатление слишком облегченной, закрашенной в сплошной розовый цвет, что любовные сцены даны автором в довольно однообразной, излишне сентиментальной манере.

И тогда, когда говорили о романтических по тону рассказах Галины Кисель, необычайно сжатых, лаконичных, и тогда, когда шел разговор о развернутом реалистическом повествовании Елизаветы Замащиковой или

Дмитрия Милюкова, и в спорах по поводу остросюжетной фантастической повести Аллы Коновой — всюду чувствовалась искренняя, доброжелательная заинтересованность в произведении, в его авторе, в судьбах нашей современной литературы. И молодые прозаики, и те, кто читал их произведения, разговаривали от души, открыто, по большому счету; и это был, безусловно, полезный разговор.

Трудно сказать сейчас, как пойдет дальнейшая авторская работа над обсуждавшимися произведениями, когда удастся авторам, так сказать, довести эти вещи до кондиций. У каждого из них свои трудности, свои задачи, свой путь. Однако можно, по-видимому, надеяться, что совещание это поможет им более точно определить свой путь, более уверенно пойти по нему, более взыскательно и вдумчиво относиться к своему творчеству.

Марк Сергеев

О ВЕСНЕ И СТИХАХ

Апрель. Пора ледолома, время, когда первые соки тянутся от земли по стволам разминающих плечи деревьев, когда свежие ветры тревожат, волнуют, зовут из закупоренных домов в широкий и добрый мир. А тут вдруг — тесная комната, в которую втиснулось почти семьдесят человек, и кто-то регистрирует присутствующих, и кто-то пишет протокол... Но это тоже весна, ибо весна и стихи — неотделимы.

Светлое апрельское настроение поселилось в наших сердцах еще и потому, что состав поэтической секции на конференции «Молодость, творчество, современность» оказался очень сильным, причем на обсуждение не были поставлены произведения молодых поэтов, чьи имена уже довольно широко известны читателям: Владимир Гусенков, Борис Лапин, Светлана Кузнецова, Георгий Эдельман, Сергей Иоффе находятся уже на пороге первых книг, произведения их обсуждались на «литературных пятницах» и на предыдущей конференции молодых авторов. И сейчас речь пойдет не о них. Давайте познакомимся с теми, чьи имена, а в этом мы уверены, придут в литературу завтра.

Валентин Уруков живет в Зиме. По профессии он следователь. Мы знакомы с его стихами по немногочисленным публикациям в иркутской прессе, но в течение долгого времени его литературная работа была скована цепями чрезмерной подражательности, в стихах было, да и пока остается немало литературных штампов:

Росла неприметной...
В веснушчатых крапинках,
Косички торчали, как хвостик у мышки.

Или:

Береза сухая у пыльной обочины
Грустила, как будто хотелось прилечь ей.

Влияние поэтов «хороших и разных» и особенно поэзии Сергея Есенина чувствуется в стихах Валентина Урукова и сейчас, но это уже не реминисценции, не слепое копирование,— это литературная учеба у замечательного поэта земли русской. Свой голос, свой почерк, пусть еще не совсем четкий, появляется у Валентина Урукова, и это очень радостно.

Опять провода загудели,
Запели тревожно столбы,
И белая лошадь метели,
Вся в мыле, встает на дыбы.

. . . .

Ликующим ржаньем зайдется,
Хвостом заметая следы,
И встанет на миг у колодца,
Как будто попросит воды...

Надо сказать, что молодые поэты, приехавшие на конференцию со всех концов области, очень требовательно отнеслись друг к другу, выступили искренне и придирчиво (иногда даже придирчиво сверх меры), подвергали тщательному анализу творчество своих братьев по перу. Давно уже не было такого горячего, заинтересованного спора о творчестве, о том, как выражается современность в художественном произведении, о поисках собственных решений, о многогранности поэзии, о рифмах и ритмах. В пылу полемики разговор иногда шел очень резкий, но он никого не обижал, ибо негласно было решено: пусть каждый выскажет до конца все, что он думает о творчестве своего товарища. Мне кажется, что студенту медицинского института Владимиру Березину досталось поделом за подражательность, за неточность образов, за неряшливость в стихах. Но, на мой взгляд, ринувшись в бой со свежими силами (стихи В. Березина обсуждались в первый день конференции),

участники семинара несколько переборщили. Владимира Березина критиковали как поэта сложившегося, а ведь он только начинает, делает первые шаги в литературе, ему всего девятнадцать лет, и человек он способный, в его стихах есть немало находок, блесток, есть свежесть восприятия мира. А все остальное — умение делать стихи, отделять главное от неглавного, искать свои решения, а не шествовать в кильватерной колонне за ракетоносителем — это придет. Придет, если Владимир Березин, если другие участники семинара всерьез задумаются над теми замечаниями, которые были высказаны не только в адрес каждого в отдельности, но и всех вместе. В частности, мы убедились на совещании, что многие из молодых слабо знают историю поэзии, мало следят за творчеством интересных (не только молодых!) современных поэтов, а повторяют в ухудшенном варианте давно пройденные этапы. Хочется верить, что хорошим толчком в будущее станет для наших молодых обсуждение их рукописей добрыми и придирчивыми друзьями на поэтической секции.

Впервые выступил со своими произведениями Геннадий Пакулов, геолог. У него своеобразное дарование — в стихах крепко-накрепко поселилась история. Причем, у Пакулова удивительно точное чувство языка, в ткань произведения так тонко введены и старые слова и синтаксис древнерусского языка, что нет ощущения архаичности, зато время, эпоха передаются верно. Естественно, что и в его работе не все гладко. Некоторые стихи построены в том же ключе, что и знаменитые «Зодчие» Дмитрия Кедрина, и это сразу же рождает ощущение подражательности (оговорюсь, что сей грех имеется в небольшой части стихов), иногда строки синтаксически излишне утяжелены, усложнены, сделаны небрежно. Но все, о чем говорилось выше,— недостатки роста. Геннадию Пакулову нужно больше писать, нужно попробовать создавать не только поэмы, но и короткие стихи на историческую тему, столь близкую сердцу автора, и, главное, не бояться поставить работы свои на суд товарищей, ибо без литературной среды процесс творческого идет замедленно.

Настоящим открытием были для всех участников семинара стихи Юлия Файбышенко, учителя из Куйтунского района. Окончив в Туле педагогический институт, приехал Юлий в сельскую школу, работает преподавателем. Его стихи вызвали большой спор, но зато никого не оставили равнодушным. Особенно интересным показалось его размышление в стихах «Мое и наше», где очень точно и предельно лаконично показано, к чему привела человечество жажда стяжательства с момента, когда первый человек сказал: «Мое!», до произносящих это заклятие огромных, всепоглощающих капиталистических концернов.

Мое и наше—это берега,
Реки из слез и крови.

В каждом стихотворении Юлия Файбышенко есть интересная мысль, предельно четкая формулировка, умение отыскать предельно точные образы, коротко выразить самую глубокую мысль. Но подчас ему недостает чувства меры, он не может порой остановить вовремя перо, стихи излишне удлиняются, образы нагромождаются. Но уже явно чувствуется в работе Юлия Файбышенко то, что Виктория Ярмицкая — участница семинара — определила так: «Стихи Юлия совершенно точно соответствуют названию нашей конференции —«Молодость, творчество, современность».

Еще одно качество показалось нам у этого молодого человека очень важным: он не торопится печататься. Возможно, об этом не стоило бы упоминать, если бы не большой резкий разговро по поводу творчества бодайбинца Николая Денисова. Несколько лет назад он присылал в Союз писателей стихи, причем среди них были и такие, которые говорили, что автор их — явно способный человек. Мы направляли его стихи в газеты, одно опубликовали в альманахе «Ангара». И вот то, что представил Николай Денисов на конференцию, заставило нас призадуматься: что случилось с человеком? Главным качеством его стихов стала скоропись, она губила даже интересные по замыслу миниатюры и пейзажные зарисовки, она врывалась в гражданскую поэзию струей напыщенного, ложного пафоса. В чем же дело? Оказывается, районная газета публикует его стихи без разбора: тяп-ляп — и на полосу.

Естественно, это дезориентировало Николая Денисова, он перестал прислушиваться к мнению товарищей, он решил, что так и надо писать. Резкая критика на конференции, доброжелательные, но принципиальные выступления участников семинара помогли молодому поэту понять заблуждения. Будем надеяться, что пройдет энный срок и мы снова увидим стихи Николая Денисова, настоящие стихи.

Неровно пишет Юрий Артюхов, учитель из Еланцов. В его произведениях излишне много созерцательности, необязательного. Но человек он явно способный, ибо наряду с ничего не говорящими стихами вдруг прорывается настоящая поэзия:

Ходят по базару голуби, их никто не замечает.
И я про них, пожалуй, и не вспомнил бы,
Когда б не тот мальчишеский восторг,
Живое удивленье:
«Мама, голуби!»
И мать сказала:
«Голуби, сынок...»

Тут, конечно, можно придраться к никудышной рифме «восторг — сынок», но как-то забываешь о ней, чувствуя подтекст, подлинность интонации.

Произведения Валерия Алексеева все чаще появляются на страницах альманаха «Ангара», газеты «Восточно-Сибирская правда» и «Советская молодежь». Он участник совещания молодых авторов 1959 года. И вот его рукопись снова обсуждается.

Ему указали на недостатки. Но все участники поэтического семинара, его руководители, в том числе и представитель правления Союза писателей РСФСР поэт Марк Соболь, пришли к единому выводу: рукопись, представленная на обсуждение Валерием Алексеевым, может и должна стать книгой. Такого единодушного высказывания не было ни по одной рукописи. Думается, что к этому мнению прислушается наше издательство. На пленарном заседании поэт Петр Реутский очень верно сказал, что от совещания до совещания молодые поэты должны отчитываться книгами. Мы верим, что к следующей конференции у Валерия Алексеева будет, пусть небольшая, книга стихов.

Окончив Иркутский педагогический институт, уехал в Жигаловский район Николай Винокуров. Появляется он теперь в Иркутске редко, главным образом в период летних каникул. Но, находясь там, в своем далеком-далеке, продолжает Винокуров совершенствовать свои стихи. Они стали точнее, взволнованней, интересней.

Вот белый ферзь уже в пути,
вошли в прорыв лихие кони,
и трудно королю уйти
от необузданной погони.
Своей агрессии не рад,
монарх теряет власть былую:
— Ведь я, поймите, демократ,
вот разве пешками рискую...

(«Шахматы»)

В заключение хочется рассказать еще об одном участнике семинара. Владимир Гусев, слесарь из Братска, очень любит творчество В. В. Маяковского. Естественно, что именно этого замечательного поэта копирует Владимир Гусев в своих стихах. У В. В. Маяковского учится молодой поэт мускулистости строк, четкости ритма, энергии стиха:

История
гонит восстаний валы,
Круша
угнетенья законы.
Взлетел
на гребень звенящей волны
Корабль —
непокорное Конго.

Владимир Гусев уже многого достиг. У него верный зоркий глаз, у него свое видение мира. И это очень хорошо. Плохо только, что во многих стихах он перестает быть самостоятельным, учеба у великого поэта превращается в подражание. Думается, что Владимир — он человек еще молодой — постепенно избавится в своей литературной работе от этого недостатка и мы услышим новый, свежий, интересный поэтический голос.

Работа семинара не ограничивалась только обсуждением произведений. Более двадцати авторов получили устные консультации по рукописям, присланным в Союз писателей и обком комсомола, молодые писатели выступили перед рабочими, служащими, студентами Иркутска на литературных вечерах.

Хочется сказать нашим молодым друзьям: мы собрались на добрый принципиальный разговор весной. Пусть же весна поселится в ваших стихах, пусть весенние ветры выметут из ваших стихов все наносное, плохое, неинтересное и принесут в них пробуждение подснежников, запах хвои, радость жизни, свежесть восприятия, новизну ощущений. Доброго вам пути!

П. Боровский

ИМЕНИ И. И. МОЛЧАНОВА-СИБИРСКОГО

Иркутской областной библиотеке присвоено имя поэта Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского. Это знаменательно!

Дело не только в том, что И. И. Молчанов-Сибирский являлся выдающимся общественным деятелем в нашем области, был старейшим организатором и руководителем местной писательской организации, но вместе с тем он в своем творчестве, в своей работе всегда был тесно связан с библиотекой, с читателями библиотек города и районов области.

С давних лет установилась большая дружба библиотекарей и читателей с иркутскими писателями. Вошли в традицию постоянные их взаимные встречи, выступления в библиотеке. И самая большая заслуга в этом И. И. Молчанова-Сибирского. Еще в 1925 году в библиотеке звучали стихи поэта, читаемые им на встрече с читателями.

Зазвенит железо, золото заблещет...
Не узнает края и луна-объездчик.
Загремят мартены, заклокочут домны.
Скоро станет бурным край мой
тихий, скромный.

Уже тогда поэт мечтал о времени индустриального преобразования родного края — эта тема становится на долгие годы излюбленной темой писателя.

Молчанов стал частым гостем библиотеки. Не раз он читал здесь свои лирические стихи. Однажды он выступил перед читателями со своей маленькой поэмой «Рыбачка». Он работал над ней в 1927—1933 годы. Под влиянием высказанных слушателями суждений поэма не раз подвергалась переработке, в нее вносились дополнения, исправления, вписывались новые строфы. С поразительной скромностью и иногда с жестокой самокритичностью принимал поэт замечания читателей. Сохранилась стенограмма обсуждения первого номера альманаха «Новая Сибирь» в 1948 году. Один из выступающих высказался отрицательно о стихотворении Молчанова-Сибирского «Тайна партизанки». И поэт в своем выступлении тогда говорил: «...я принимаю упрек в том, что мое стихотворение «Тайна партизанки» оказалось недостаточно выразительным... Это стихотворение было написано под горячую руку. Оно сыграло свою роль. В свое время принесло соответствующую пользу, но оно не выдержало проверки времени и поэтому не осталось в художественной литературе».

Хочется еще привести одно свидетельство того, насколько поэт всегда стремился к встречам с читателями. Где бы они не происходили, с какими трудностями дорог это не было бы связано, Молчанов всегда настойчиво их добивался и шел, ехал туда, где его ждали.

Писатель И. Дворецкий, вспоминая о встрече с писателем на строительстве Братской ГЭС, говорит:

«Большой спокойный человек, он стесняется спросить у местного начальства о каком-нибудь транспорте и прыгает в пыльные грузовики, «голосуя» на дорогах. А потом, ночью, не спит, тяжело дышит и принимает лекарство...»

Таким он был — скромным, беспощадным к себе, идущим в ногу с временем. И будто сегодня написаны им строчки:

Пусть бушует Падун.
Дни его сочтены.
Скоро море заплещет в Сибири,
На просторах могучей реки
Ангары
Строим ГЭС небывалую
в мире.

Да, нам дорого имя, имя человека, борца, товарища, друга — имя Ивана Ивановича Молчанова-Сибирского.

Пусть это имя живет в славных делах Иркутской областной библиотеки, в памяти читателей.

Критика и библиография

В. Трушкин

ГОРИЗОНТЫ ПИСАТЕЛЯ

(О творчестве Гавриила Кунгурова)

Творческий диапазон Г. Кунгурова весьма широк и разнообразен. Далекое историческое прошлое и бурное кипение современности, Китай и Монголия, образы первых русских землепроходцев и сегодняшних энтузиастов-цветоводов, быт и нравы кочевников эвенков и нелегкая судьба инвалида Отечественной войны, фронт и тыл — все эти разнообразные проявления жизни в прошлом и настоящем привлекают к себе пристальное внимание художника.

Творческая биография писателя тесно сплетена с его личной, просто человеческой биографией. Сын забайкальского рабочего-железнодорожника, он с детства горячо полюбил родную Сибирь. В бурные годы гражданской войны судьба забрасывает юношу Кунгурова на Дальний Восток в красногвардейский отряд. С этого времени начинается беспокойная, полная разнообразных жизненных впечатлений трудовая и общественная деятельность будущего писателя. В 1922 году он вступил в члены комсомола, с 1928 года Кунгуров состоит в рядах ленинской партии. Прежде чем стать профессионалом литератором, ему пришлось испробовать немало профессий. Он был телеграфистом и музыкантом, художником и простым учителем, директором средней школы и, наконец, заведующим областным отделом народного образования. До настоящего времени Кунгуров, имеющий ученую степень кандидата филологических наук и звание доцента, продолжает читать лекции студентам.

Г. Кунгуров — неутомимый и любознательный путешественник. Он прекрасно изучил Сибирь и Дальний Восток, посетил отдаленные уголки витимо-олекминской тайги, был и за полярным кругом — в Таймырском национальном округе. Не раз приходилось ему подолгу бывать в Монголии. В последние годы писатель посетил Китай, Венгрию и Индию.

Печататься Кунгуров начал сравнительно рано. Еще будучи студентом Иркутского университета, он в 1925 году в студенческом сборнике опубликовал свою первую статью по этнографии народов Севера. Эта ранняя работа надолго предопределила круг его научных и в первую очередь педагогических интересов. Коренные сибирские народности — эвенки, ненцы, буряты, якуты — отныне будут в центре внимания Кунгурова, педагога и методиста. Организация первых школ на Севере, создание алфавита, принципы и методика преподавания — всем этим будущий писатель занимается всерьез и глубоко, как вдумчивый специалист. В 1934 году он выпускает отдельной книгой большую работу, посвященную вопросам политехнизации в школах Крайнего Севера. На протяжении десятилетий он собирает по крупицам драгоценные россыпи народного творчества, изучает и популяризирует образцы фольклора бурят и эвенков, якутов и монголов. В его обработке и переводах изданы на русском языке сборники бурятских и эвенкийских сказок.

Яркий национальный колорит лежит на первом художественном произведении писателя — повести «Топка», впервые изданной в 1935 году в Ирукутске. Буквально с первых же страниц вы ощущаете шорохи и запахи таежного леса, слышите легкий треск сухих

веток — на вас сразу же повеяло чем-то непривычным, чуточку экзотичным. Автор рассказывает о празднике большого медведя, на который съезжаются эвенки из далеких стойбищ, об охоте и рыбной ловле, о том, как женщины эвенки хозяйничают: шьют одежду, разбивают чум, вялят и сушат рыбу.

Вообще следует заметить, что писателю в его первой повести особенно удались те места, где рисуются обычаи, распорядок жизни, сама обстановка, легенды и поверья, одним словом, весь склад мышления и поведения «лесных людей».

В этой привычной с колыбели обстановке растет пытливый и любознательный мальчик Топка. В целом ряде сцен и эпизодов хорошо передана непосредственность детской психологии, стремительная реакция на новое, невиданное и необычное. Эта же почти детская непосредственность отличает и взрослых эвенков.

Нелегок путь эвенкийского мальчика к знанию. Старым эвенкам обучение их детей представляется пустой затеей: «Оленя учить надо, собаку — тоже, а человека зачем учить? Человек и так умный».

Писатель интересно рассказал о пути Топки от пастушонка до первого знатного человека в родном стойбище, до руководителя северного оленеводческого колхоза, названного именем Ленина «Ленин Хоктон».

В повести «Топка» правдиво показан процесс становления новой жизни у небольшого отсталого народа Севера, проникновение в его среду культуры, новых человеческих взаимоотношений и социалистических преобразований.

Незатейливый рассказ о судьбе одаренного эвенкийского мальчика, его пути к знанию полюбился юным читателям. Книга выдержала несколько изданий. Одно из них появилось уже в послевоенные годы в Болгарии. Вот что писали из Софии в феврале 1955 года автору «Топки»: «Ваша книга нашла теплый прием среди наших юных читателей. Позвольте вас поблагодарить от их и нашего имени за удовольствие, полученное от вашей книги».

В 1937 году из-под пера Кунгурова выходит новая повесть для детей «Артамошка Лузин». На сей раз в основу повествования легли события отдаленного прошлого. Действие повести перенесено в семнадцатое столетие. Деревянный и грязный сибирский городок Иркутск, с маленькими покосившимися домиками, разбросанными, точно кочки по большому болоту, в окружении царских кабаков и обжорок. А рядом стеной стоит нетронутая, дикая тайга.

В центре повествования фигура Артамошки Лузина, бойкого и смышленого паренька, сына мастерового, сбежавшего в леса от гнева воеводы и ставшего атаманом привольной казачьей ватаги. События в повести нарастают бурно и стремительно. Юный, да и взрослый читатель с неослабеваемым вниманием следит за многочисленными приключениями непоседливого и отважного героя. Образ Артамошки Лузина — несомненная творческая удача Кунгурова.

Писатель в своей повести нарисовал в целом правдивую картину жизни и нравов трудового сибирского люда далекой эпохи. Здесь и острота классовой борьбы между народной массой и царскими воеводами, доходящая до открытого столкновения, и сочные, реалистические зарисовки быта, и выразительно написанные батальные сцены. Особенно хорош эпизод, изображающий штурм Братской крепости казачьей вольницей под предводительством Филимона Лузина, где бок о бок с русскими сражаются лихие бурятские конники и не менее отважные лазутчики — эвенки; все они дерутся отчаянно и горячо против общего врага — ненавистного и жестокого царского наместника.

С проникновением во внутренний мир героя он выписывает привлекательный образ эвенкийского юноши Чалыка, с симпатией рисует крепнущую дружбу между Чалыком и Артамошкой Лузиным. Но своеобразная живописность эвенков, их быта подчас настолько увлекают писателя, что он забывает о художественной соразмерности, перенасыщая местами текст повторными описаниями одних и тех же явлений, чрезмерно перегружая речь персонажей, да и самого автора элементами фольклора и этнографии.

И все-таки книга эта подкупает своей занимательностью, яркостью образов ведущих героев, живостью и непосредственностью сцен и картин. Кроме того, она интересна и в чисто познавательном отношении, раскрывая перед юными читателями малознакомые страницы истории, в особенности сибирской, еще недостаточно освещенной в научной и тем более художественной литературе.

Накануне войны, в 1940 году, Кунгуров публикует третье свое крупное произведение — историческую повесть «Путешествие в Китай», впоследствии переименованную в «Албазинскую крепость». На наш взгляд, это, пожалуй, одно из лучших и увлекательнейших созданий писателя. События, развивающиеся в повести, относятся ко второй половине XVII века, ко времени царствования Алексея Михайловича.

Действие в ней разветвляется на два рукава, два стремительных потока, протекающих параллельно и идейно взаимосвязанных. Сам автор следующим образом характеризует эту особенность «Албазинской крепости»: «В повести две линии, тесно переплетающихся между собой,— поход к рубежам Серединного царства, в Даурию, русских смельчаков землепроходцев, закрепивший восточные границы России на Амуре, и посольство Николая Спафария в Китай. И представители русского оружия, и представители русской дипломатии в одинаковой мере осуществляли путешествие в неведомое Серединное царство, являясь подлинными первооткрывателями»[1].

Предприимчивый и смелый Ярошка Сабуров, обуреваемый ненасытной жаждой познать и изведать неведомые земли, тоской по привольному житью без царских воевод и начальников, сколачивает отряд из казаков, таких же, как и он, перекати-поле, отчаянных головушек, и устремляется по реке Лене на север. За пазухой у него древний заветный пергамент — «чертеж землицы Сибирской».

Писатель не идеализирует своего героя, он стремится в соответствии с исторической правдой показать его в конкретной обстановке, в типических для его времени и эпохи обстоятельствах. Казачий атаман бывает и жесток, и своенравен. Суровой рукой подводит он под власть московского царя малые сибирские народы — эвенков, бурят, даурцев. Ватажники Сабурова, говорит автор, «где огнем, где обманным словом, где нехитрим подарком смиряли сибирских коренных жителей». Но из одного только этого факта неправильно было бы делать вывод об исторической миссии русских на Востоке. Вместе с мечом первые русские землепроходцы несли с собой и более высокую культуру, избавление от грабежей и налетов монгольских и китайских феодалов, прекращение кровавых междоусобиц среди туземных племен. Не случайно автор «Албазинской крепости» отводит десятки страниц рассказу об эвенкийском князе Гантимуре, добровольно перешедшем вместе со своим племенем из Китая под власть московского царя. Ни щедрые подарки, ни лесть, ни увещевания маньчжуров — ничто не могло его заставить изменить своего решения. Вместе с пограничным гарнизоном Гантимур на протяжении длительного времени самоотверженно оберегал российские рубежи от разбойных набегов иноземцев.

[1] Г. Кунгуров. Повести и рассказы. Иркутское кн. изд., 1949, стр. 482.

В лице своего главного героя и его сподвижников писатель запечатлел, таким образом, типические черты первых русских землепроходцев. По признанию автора, «в собирательном образе Ярофея Сабурова отражаются черты Хабарова, Бекетова, Пояркова и многих других отважных русских землепроходцев, открывателей новых земель».

Для Ярофея Сабурова превыше всего казачья вольница, при случае он не прочь и расправиться с царским воеводой или же на казачьем кругу подкрепить свой авторитет и власть в рукопашном поединке. Но в глубине души его живет гордость русского человека, глубокое чувство близости к далекой родине, и ради славы ее и чести он не раз готов пожертвовать собственной жизнью. Умный, волевой и талантливый предводитель казачьей вольницы, проложивший нелегкий путь к далекому Амуру, чтобы воздвигнуть на берегах его мощную крепость, он вызывает симпатию у читателя.

Исключительно привлекательны женские фигуры повести, образы казачьих «жонок», неразлучных спутниц и боевых подруг вольных казаков в их ратной, беспокойной судьбе. С особой любовью выписывает автор образ Степаниды, жены Ярофея Сабурова. Сиротою-подростком сбежала она, переодевшись в мужское платье, из родных мест, примкнув к ватажникам Ярофея. «К концу бродяжьего похода стали примечать ватажники диво: раздался сухопарый паренек в грудях, в бедрах, округлился и прозываться стал не Степкой, а Степанидой. Подтянули ватажники кушаки, заломили шапки и заходили гусаками».

Через всю жизнь свою пронесла она любовь к Ярофею, делила с ним и горести и скупые радости. В нравственном облике ее черты размашистого, удалого русского характера гармонически сочетаются с глубоким, нежным чувством женщины, тоскующей по безоблачному, незатейливому семейному счастью в тихой избушке, где пахло бы свежевыпеченным хлебом и медом душистым, вдали «от ратных походов, от бездомной жизни, от невзгод...»

Создавая образ Степаниды, писатель часто обращается к мотивам фольклора, к краскам, почерпнутым из устной народной поэзии. «Время ли о теплом угле плакаться, — корит себя Степанида за минуты уныния, — Ярофеюшку печалить, сокола храброго, вольного и безудержного... Смотрит он в белые дали...»

Тихой грустью, согретой поэзией верности и постоянства, дышит и последняя сцена, рисующая угасание этой простой русской женщины. Здесь снова вплетаются в повествование излюбленные образы фольклора, легенда

и явь сливаются воедино. У входа в пещеру, возле умирающего костра, сидела старуха и плела иссохшими пальцами венки из желтых степных цветов. Венков было много. На блеклые цветы из потухших глаз старухи падали крупные слезы, цветы расправляли нежные лепестки, загорались и оживали... Старуха подняла голову, взяла венки из желто-огневых цветов, протянула их пришельцам и чуть слышно сказала:

— Ноги мои немощны и служить отказались... Снесите венки, сплетенные из Степанидиных слез, на могилу моего Ярофеюшки...

С той поры по Амуру желтые степные цветы и называются «Степанидины слезы».

Обаятелен и другой женский образ, созданный автором «Албазинской крепости», — Марфы Яшкиной. Неунывающая, озорная казачья «жонка», певунья и затейница, она взволновала сердце ни у одного чубатого казачины. Попав в плен к эвенкам, Марфа горячо и страстно полюбила молодого и щеголеватого эвенкийского князя Чапчагира, родила ему сына. Но ее же, любящую и счастливую жену и мать, ничто не удержало от помощи русским, едва лишь она прослышала о коварно замышляемом походе Чапчагира на крепость Албазин. Рассказ о ее поступке, стоившем ей жизни, выдержан опять-таки в духе народного сказа, близок по характеру своему к фольклорным мотивам.

Оставляют впечатление хорошо написанные сцены похода Ярофея Сабурова и его сподвижников в неизведанные таежные просторы Сибири и Дальнего Востока. Большую роль здесь играют описания не тронутой человеком, суровой и одновременно щедрой сибирской и дальневосточной природы. Эти картины повышают изобразительную силу авторского повествования, придают ему большую наглядность и художественную конкретность, давая возможность читателю почувствовать во всей непосредственности живую атмосферу изображаемой эпохи. Так, рассказ о приходе сабуровцев на Амур и строительстве Албазинской крепости предваряется красочным описанием этого могучего дальневосточного красавца, с буйной растительностью его побережий, жирной «землицей», ждущей своего пахаря.

Такие же пейзажные зарисовки обрамляют и другие куски повести, органически врастая в повествование об отважных землепроходцах, перед изумленным взором которых раскрываются невиданные доселе красоты, изобилие живности и богатства девственных лесов и рек.

Столь же живо переданы эпизоды, рисующие встречу казаков с даурцами, жизнь и распорядок в Албазинской крепости, сражение с маньчжурами.

Вторая сюжетная линия повести, связанная с посольством Николая Спафария в Китай, разработана с не меньшей наглядностью и художественной достоверностью. Особенно хорош образ Спафария, ученого мужа, грека по национальности, беззаветно полюбившего Русь и ставшего одним из ее талантливых и умных послов. Сцены в посольском приказе и царских палатах перемежаются здесь с описанием тяжелого многомесячного путешествия по снежным просторам Сибири и вьюжным монгольским степям, эпизодами, связанными с пребыванием посольства в Китае. Конкретность авторских зарисовок жизни средневекового Китая дополняется искусно созданными дневниковыми записями Спафария. Двор богдыхана, раболепие сановников, жалкие плавучие лачуги бедняков, построенные прямо на воде, и показная роскошь императорского дворца — все это не укрылось от взора наблюдательного русского посла. Писатель наделяет своего героя (а Спафарий, кстати сказать, лицо историческое) мудрой выдержкой, высоким человеческим достоинством, умением не уронить чести России.

Рассказ о пребывании русского посла в Китае так же, как и описание похода Ярофея Сабурова, часто сопровождается пейзажными зарисовками. Но краски здесь уже иные. Они становятся нежнее и мягче. Масло сменяется акварелью. Густые, полновесные тона вытесняются легкими, прозрачными, придающими всей картине налет полуфантастической таинственности, окрутывающей загадочное Серединное царство.

Занимательность рассказа, сочность бытовых деталей и обстоятельств, в которых развертывается действие, наконец, живость рельефно очерченных центральных персонажей повести, значимость содержания невольно заставляют забывать об отдельных просчетах художника, создающего интересную и талантливую книгу о далеком историческом прошлом русского народа.

«Албазинская крепость» — важная веха в творческом развитии писателя. Собственно, этим произведением и завершается первый, ранний период его работы как художника.

Наступившая вскоре Великая Отечественная война находит свое отражение в целом ряде очерков и рассказов Г. Кунгурова, в повести «Свет не погас». В 1941 году выходит небольшой его сборник «Моя родина непобе-

дима». За ним следуют «Тыловые рассказы» и очерки, названные автором записками из путевого блокнота, «С подарками на фронт». В основу последней книги легли непосредственные впечатления писателя, посетившего в 1942 году фронт вместе с делегацией трудящихся Иркутской области.

В «Тыловых рассказах» рисуется жизнь и труд сибиряков в условиях военного времени. Со страниц их встают образы скромных советских тружеников, главным образом сибирской колхозной деревни, занятых повседневным, таким, казалось бы, незаметным, будничным, но в основе своей героическим трудом. Перед нами проходят таежные охотники и кузнецы, трактористы и комбайнеры — люди разных возрастов и профессий — от одиннадцатилетнего мальчугана, колхозного водовоза и гармониста, до престарелой бабки, которая упорно желает научиться грамоте, чтобы самой отвечать на письма сыновьям, сражающимся с фашистами.

Эти маленькие новеллы безыскусственны по композиции и сюжету. В них не чувствуется особой авторской погони за необычным содержанием, исключительной занимательностью, острыми конфликтами. Незамысловатое повествование ведется, как правило, от первого лица — рассказчика или же самого героя, как это сделано, скажем, в рассказе «Охотники». Но за этим спокойным, бесхитростным повествованием вы невольно чувствуете обаяние, душевную красоту простых русских людей.

В рассказах, созданных писателем в военное время, нет ни исключительных ситуаций, ни особого драматизма, ни броских выдающихся характеров. Обычная обстановка, обычные люди. Но именно они, эти внешне ничем не примечательные мужчины и женщины, и были настоящими героями тыла в лихую годину войны. И художник сумел почувствовать это.

Драматическая судьба человека, опаленного войной, составляет содержание и повести «Свет не погас», написанной в 1947 году. Положив в основу своего произведения отдельные факты из жизни знакомого ему по педагогическому институту студента, ослепшего на войне, писатель стремится раскрыть благородные черты советского человека, на которого неожиданно обрушилось тяжелое, непоправимое несчастье. В повести нет сюсюканья. Она сурова и мужественна. Автор ее не боится говорить во весь голос о нравственных страданиях своего героя, тяжелых минутах горечи и, кажется, безысходного отчаяния. С глубоким психологическим подтекстом написаны сцены Прозрения в ремесле — об овладении заново любимой профессией ослепшим на фронте слесарем Николаем Усачевым: умение находить свое рабочее место, обращение с токарным станком, отработанность и точность движений и т. д.

Мастерски изображены эпизоды с больными в палатах госпиталя: их повышенная раздражительность, обостренная реакция на окружающее, на запах, звуки и шумы внешнего мира. Рождение этого второго, внутреннего «видения» передано писателем с подлинной художественной экспрессией. Это, пожалуй, лучшие страницы повести... «Николай жадно вслушивается в этот мир. Он удивляется всему: и тому, что те же голоса и звуки кажутся совершенно иными, когда ощущаешь их через открытое окно палаты; если подставить лицо солнцу и вдыхать теплый, терпкий воздух, он без запаха, а в тени — пряно-сладковатый, душистый; ночью шумит сад тяжело, угрюмо, а днем — весело, ликующе, радостно... Вот потянулась тончайшая нить: жужжал шмель, его перебивало птичье щебетанье, где-то высоко над головой звенела и таяла девичья задорная песня. «Это далеко, — думал Николай. — Это, наверное, за рекой, а как хорошо слышно...»

— Сестра, вы слышите, как падают капли с листьев? Как поют жуки, да, поют? Не слышите? Нет? Как жаль... Это настоящий концерт. Выключите радио, вслушайтесь. Очень интересно. Вы знаете, мне кажется, я вижу: вот громкоголосые, это обязательно черные или синие жуки, а тихие, застенчивые голоса — это у светлых, желтых жучков, честное слово...»

В повести есть и другие удачные места, живо схваченные эпизодические сценки и фигуры. Хорош, например, эпизод с выступлением Николая в роли слуги на клубной сцене, когда он, растерянный, под оглушительный хохот всего зала долго не мог потушить свечу и неуклюже топтался на месте.

Посчастливилось найти автору и удачное композиционное решение. Герой повести после тяжелых испытаний, выпавших на его долю, возвращается в «строй», к любимой профессии, восстанавливается нарушенный войной ритм жизни. Эта мысль о восстановлении ритма в жизни героя нашла свое выражение в своеобразном кольцевом обрамлении произведения. Повесть открывается и завершается началом трудового дня. «Хорошо гудит гудок. Эхо катится и тает в утреннем звонком воздухе, далеко за сизыми сопками. Николай открывает глаза, потягивается. «Сколько людей

подымает неугомонный, — шепчет он. — Чудна жизнь».

Так начинается день в довоенное время у старшего слесаря депо Николая Усачева. Заключительная сцена повести как бы возвращает нас мысленно к ее началу: «Хорошо гудит гудок. Эхо катится и течет в утреннем звонком воздухе. Семья техника вагоноремонтного завода Николая Фомича Усачева встает рано...».

И все же в повести «Свет не погас» не все одинаково удалось автору. Философия этой повести, очевидно, должна была, по замыслу писателя, противостоять буржуазной литературе с ее неверием в человека, проповедью пессимизма и фатальной обреченности. Не случайно уже в самом названии произведения чувствуется едва прикрытая полемика с известным киплинговским рассказом «Свет погас». Но своего развернутого звучания эта мысль в повествовании Кунгурова не получила. Герой его лишен той подлинной яркости и значительности характера, которая отличает предшественников Николая Усачева — Павла Корчагина и Алексея Маресьева. Так и кажется, что это сугубо личная, случайная биография довольно-таки заурядного человека, рассказанная образной речью художника.

Подчас писатель как будто намеренно снижает и принижает своего героя. Едва ли можно признать эстетическим, скажем, такой прием характеристики, как многократное указание на пристрастие Николая Усачева грызть ногти и пр. Особого упрека заслуживает первая часть повести, в которой образ Николая рисуется почти изолированным от окружающей жизни, вне ярких, запоминающихся типических обстоятельств.

И все же повесть «Свет не погас», написанная на животрепещущую тему, появившись почти сразу же после окончания войны, когда сотни и тысячи искалеченных войной людей искали свое место в жизни, привлекла внимание читателей своей суровой правдой. Книга выдержала несколько изданий, была она переведена и на польский язык.

Как мы уже знаем, писателя на протяжении многих лет интересовали взаимоотношения русских не только с коренным населением Сибири — эвенками, бурятами, но и с пограничными народами — даурцами, китайцами, монголами. Особенно упорно и долго он занимался изучением Монголии. Она привлекала его внимание и как художника, и как историка. В 1946 году почти одновременно выходят о ней две книги Кунгурова — исторический очерк «Аратская революция», написанный в соавторстве с И. Сороковиковым, и книга рассказов «Золотая степь». Эти произведения русского писателя были тепло встречены прежде всего в самой Монголии. Маршал Чойбалсан с чувством благодарности писал в 1946 году автору «Аратской революции»: «Книга по объему небольшая, но события первых лет монгольской революции изложены в ней коротко и интересно. Слушая устный перевод книги («Аратская революция» в то время только что появилась и не была еще переведена на монгольский язык. — *В. Тр.*), я ясно представлял себе все события, описываемые в ней».

В другом своем письме к Г. Кунгурову, датированном 16 июня 1950 года, Х. Чойбалсан признается: «Мне весьма лестно, что вы пишете произведения о жизни нашего народа и нашей Родины, что ваши произведения о МНР издаются на языках народов стран народной демократии... Нам было бы очень приятно, если вы изберете новые темы о нашей Республике, о жизни и борьбе монгольского народа»[1].

Такую же высокую оценку и признание получили произведения Кунгурова и со стороны монгольской интеллигенции, и у современных руководителей правительства и народно-революционной партии. Так, Ю. Цеденбал в августе 1956 года обратился к нему со словами дружбы и признательности. «Глубокоуважаемый т. Кунгуров! — писал Цеденбал. — Я от души рад представившемуся случаю написать вам коротенькое письмецо. Шлю вам, русскому писателю, искреннему другу нашего народа, свой горячий и сердечный привет и выражаю самые наилучшие пожелания доброго здоровья и новых успехов в вашем творческом труде... Благодарю вас за книгу. Она — свидетельство растущих интересов советских людей к жизни МНР. Спасибо вам...»[2]

«Золотая степь» более, чем другие книги писателя, получила поистине широкое распространение. За десять-двенадцать лет она выдержала тринадцать изданий в СССР и в странах народной демократии. Рассказы о Монголии дважды выходили в Москве, печатались в Минске, Иркутске и Новосибирске. За рубежом книга издавалась в Югославии, Германской Демократической Республике, в Венгрии, Монголии, двумя изданиями она вышла в Чехословакии и Китае — на китайском языке и во Внутренней Монголии — на древнемонгольском. Книга вызвала многочисленные отклики в письмах и в печати на русском и иностранном языках.

---

[1] Письмо Чойбалсана приводится по оригиналам, хранящимся в архиве писателя.

[2] Там же.

Народный Комитет издательства Внутренней Монголии писал автору в связи с выходом его книги на древнемонгольском языке: «Читатели приветствовали ваши книги: от этого большая польза нашей культуре. Поэтому мы выражаем глубокую благодарность»[1].

«Золотая степь» объединяет 12 рассказов, которые издавались в разное время на протяжении нескольких лет. Первый из них — «Чагдар»— датирован еще 1945 годом; завершается же книга рассказом «Гомбо и Тумур», под которым стоит дата —1957—1958.

Сам писатель «Золотую степь» назвал рассказами о людях Монголии. И действительно, это книга о прошлом и настоящем монгольского народа, о его вождях Сухэ Баторе и Чойбалсане, о пастухах — аратах и народных воинах — цириках, о певцах — хурчи и искусных мастерах — дарханах. Писатель рассказывает о росте новой монгольской интеллигенции — ветеринарах и студентах, о рабочих и членах правительства. Его книга проникнута уважением и симпатией к монгольскому народу, его революционным традициям, образу жизни, национальным обычаям и нравам. Он рисует сцены сватовства и женитьбы, выступлений народных певцов, конных состязаний, массовых празднеств, борьбы сильнейших борцов-атлетов.

Повседневная жизнь детей степи и революционная героика начала двадцатых годов сливаются здесь воедино. Вы слышите топот партизанской конницы Сухэ Батора, вихрем несущейся на Маймачан, занятый врагом, и видите его же переодетым в простого погонщика верблюдов, медленно и важно вышагивающих по степи. Автор приведет вас и в юрту арата, где два достойных монгола — гость и хозяин — мирно посасывают свои трубки.

Из рассказов Кунгурова можно узнать, насколько сурова и мужественна жизнь пастуха — арата, пасущего свои стада и в палящий летний зной и в зимнюю стужу, когда в степи бушуют бураны и стаи голодных волков, эти серые степные разбойники, подстерегают скот. И не раз ему приходится выдерживать настоящие сражения то с разъяренным орлом, подкарауливающим только что родившегося ягненка, то с прожорливой оравой волков.

Вы видите, как усталый караван поднимается в гору, и каждый из запыленных путников, обоженный солнцем и ветрами, спешит запастись каким-нибудь предметом, чтобы прийти к «хозяину горы» не с пустыми руками. И вовсе неважно, каков будет этот предмет — он может быть монетой, обломком кости или рога, даже простым камнем — все равно: «хозяин горы принимал любой дар, если дар давался от сердца».

Посмотрите, наконец, как умирает старый хурчи Тудуп, когда он почувствовал, что пришла дряхлость, и не захотел быть в тягость окружающим. Он уходит в горы и бросается вниз со скалы, а его звонкоголосый моринхур — музыкальный инструмент, с которым он не расставался всю свою жизнь, повис над пропастью, застряв грифом в узкой щели. Это вообще одно из поэтических мест книги. Погибает старый певец, народный любимец. Но как всегда зеленели травы и пели птицы, пастухи пасли свои стада, по степи шли караваны верблюдов и скакали всадники — степь жила вечной жизнью. А высоко над нею, на самой вершине скалы, «пел морин-хур, он напоминал людям о бессмертии песни. Проезжая мимо скалы, каждый трепетно вслушивался в эти вечно живые звуки, каждый искал в них ответа на мучительные сомнения жизни. Одни узнавали в этих звуках Тудупа, другие — сладкозвучный морин-хур Галсана, третьи — радости и невзгоды своего сердца. Люди назвали скалу Мунку-ду — вечная песня».

Повествование в рассказах о Монголии развертывается медлительно, как сама жизнь в степи, как тягучая песня кочевника. Для многих из них характерна замедленность действия, обилие описаний, своего рода статичность. Стиль приобретает орнаментальную окраску. Фраза расцвечивается, становится яркой, как восточный ковер. Особенно много пышных словесных узоров в таких рассказах, как «Чагдар» и «Певец степей». Оба они посвящены теме искусства, говорят об одаренности народа, его прославленных умельцах и мастерах.

Образ старого мастера дархана Чагдара из одноименного и, возможно, лучшего рассказа сборника как бы символизирует судьбу всего монгольского народа, талантливого и отважного, которого долгое время держали в рабской покорности, нищете и забитости свои и иностранные угнетатели. Чагдар по натуре своей художник, искусный мастер. Он рано познал непреложную истину, что тайна высокого искусства дархана — в его сердце. «Дархану нужно большое сердце,— убежденно говорит он. — И часто рубиновый глазок на заколке воротника пустой и глупой красотки совсем не рубиновый глазок, а капля крови сердца дархана». Много мытарств пришлось вынести на своем веку этому человеку, пока его талант не пригодился народу — красным цирикам Сухэ Батора, вставшим на защиту своей родины.

Тема искусства и народа лежит и в основе

[1] Все цитаты даются по рукописям из архива писателя.

рассказа «Певец степей». Окруженный всеобщим почетом Галсан-хурчи своим искусством служит родному народу. Оно несет людям радость и счастье. «Хорошая песня, однажды спетая, вечно тревожит сердца людей, живет, как небо и степь, как звезды и солнце».

Песни Галсана-хурчи любят друзья и весь трудовой люд от мала до велика. Их страшатся враги и злые люди. Сердитый погонщик, забивший насмерть мать верблюжонка, бежит от позора преследуемый гневной песней хурчи и, наконец, умирает в отчаянии. Коварный и жестокий правитель, бессильный бороться с песней, приказывает вырвать языки у всех хурчи. А песня живет, несмотря ни на что, вопреки всему и вся. «Певец ушел, но осталась его песня. Люди понесли ее во все концы. Она разжигала сердца смелых, будила сонливых, упрекала беспечных, огорчала знатных. Имя Галсана-хурчи славили пастухи, проклинали князья и министры».

В монгольских рассказах Г. Кунгурова история постоянно переплетается с современностью, вчерашний день с днем настоящим. Поэтому в книге такое значительное место занимает рассказ от первого лица, рассказ-исповедь. Старая Галима вспоминает свое безрадостное детство и раннюю молодость, когда бедняки родители продали ее в жены чванливому старому князю. Цирик Их Дамба пишет взволнованное письмо другу и в нем раскрывает свою душевную драму; двадцать трубок выкуривает дедушка Чагдар, пока длится его безрадостный рассказ о многолетних скитаниях по родной стране и чужбине.

Эпизоды из истории монгольской революции, из жизни Сухэ Батора запечатлены в рассказах «Золотой ключ» и «Письмо Ленину». А рядом с ожившими страницами истории вырастают новые люди, обрисовываются черты новой, современной Монголии. Растут своя национальная интеллигенция, свои рабочие кадры. Окончивший институт юноша Готоб возвращается на родину, воины Гомбо и Тумур, отслужив в армии, идут на вновь созданные предприятия — рудники и шахты, девушки становятся артистками, ветеринарами. Да и привычная степь уже не та. Там, где раньше единственным видом транспорта был верблюд, теперь мчатся курьерские поезда, пылят автомобили.

Писателю удалось в лучших рассказах «Золотой степи» передать в стиле, в самой манере повествования своеобразие национального колорита. Образы и сравнения берутся им из повседневного обихода арата. Ус у дедушки Чагадара «длинный, тонкий, как хвост полевой мыши». Если же он огорчен, то и «глаза его потухают, как угли в забытом очаге».

Г. Кунгуров прекрасно имитирует весь склад мышления и представлений монгола, пытается передать самый ход его раздумий и ассоциативных связей. Здесь нам хотелось бы привести чрезвычайно любопытную цитату из статьи чехословацкого критика Владислава Старовского. Ничего не зная об авторе, он в своем предисловии к «Золотой степи» с полной серьезностью причисляет Кунгурова к монгольским аратам. «Кунгуров,— пишет чешский критик,— есть арат (ошибка, заметим, для писателя похвальная! — *В. Тр.*). Мыслит, как арат, пишет о Монголии, как о своей матери, пишет об аратах, как о своих братьях, пишет о врагах аратов, как о своих врагах».

Это признание весьма симптоматично. Писатель действительно изображает жизнь Монголии изнутри, глазами монголов. Он вплоть до мелочей стремится соблюсти верность в деталях, в поступках и чувствах людей. Даже в авторской речи мы встречаемся у него с таким подбором красок: «Счастливые глаза,— говорят люди нашего хошуна,— степное раздолье» или же: «Наш дедушка — почтенный монгол; знают его всюду — и за северными горами, и за песками Гоби, и в Тибете, и в Китае», «Я помню хорошо Чагдара, но многое уплыло из моей памяти. Ведь и у меня, его племянника, седая голова».

Речь самого Чагдара выдержана в эпически плавном и неторопливом темпе, живо гармонирующем со всей обстановкой юрты, где у очага, в окружении молодежи, посапывая своей трубочкой, старый монгол вспоминает «дела давно минувших дней». «В степи юрт, как звезд на небе: человек никогда не потеряется. Солнце всходило и пряталось за горы — я шел, луна блистала, дрожали звезды — я шел; уплывала луна, умирали звезды, новая луна рождалась — я шел».

Словесная ткань «Золотой степи» расписана узорами народной мудрости, вековыми наблюдениями над жизнью людей и окружающей их с детства природы. Все эти языковые и стилистические средства изобразительности придают особую эмоциональную окрашенность «Золотой степи».

По-настоящему хороши в «Золотой степи» пейзажи, они щедро рассыпаны по всей книге. Да это и понятно: монгол от колыбели до могилы живет в окружении природы, она его родная стихия. Он наблюдает дорогую для него степь во все времена года, в любое время дня и ночи. И писатель вслед за своими героями спешит видеть и слушать степь — вечером при закате солнца, глухой ночью, на ранней

заре и в знойный полдень, в любую стужу и метель. Вот мимо окон мчащегося поезда мелькнуло озеро —«среди знойных песков эта зеленая чаша, врезанная в золотую оправу, ослепительно блестела на солнце». А посмотрите, каким пышным цветением красок, запахов, звуков напоена степь, в какой бы момент вы ею не любовались. В палящий зной она отливает одними красками, ночью — другими. «Жгучее в степи солнце. В знойном воздухе над блеклыми травами повисла розовая пыль. Небо отсвечивает серебряным отливом, оно раскалено».

Но интересная, весьма своеобразная книга Кунгурова не лишена и некоторых погрешностей. Подчас читателя утомляет обилие описаний, медлительность повествования, создается впечатление некоторого однообразия картин и ситуаций. Автор иногда повторяется в решении тех или иных сюжетных ходов. Так герой «Певца степей» в момент своей свадьбы оставляет невесту и уходит в отряд Сухэ Батора. Этот же мотив полностью повторен и в рассказе «Шарап и Наран». Местами в рассказах не чувствуется единства действия, сюжетно-композиционной стройности. Слабее других выглядит, в частности, рассказ «Чегмет — золотые руки». Он оставляет впечатление растянутости, описательности. В нем много чисто внешнего перечисления примет нового. Путь героя от простого арата до бригадира механического цеха крупнейшего промкомбината Монголии намечен чисто внешне, без углубленного психологического раскрытия характера. Но это частности. «Золотая степь» прочно вошла в читательское сознание как правдивая и яркая книга о делах и людях Монголии, твердо вставших на путь борьбы с вековой отсталостью, на путь борьбы за социализм. Это книга дружбы и братства.

В 1959 году отдельным изданием вышел большой роман Г. Кунгурова «Наташа Брускова». Работа над романом потребовала от автора почти десятилетнего напряженного труда. Эта книга о людях современности, о тех, кто, пережив ужасы войны, пронес через нечеловеческие страдания и горе светлую мечту о красоте родной земли, о зеленых, утопающих в цветах городах и рабочих поселках.

Наша литература в последние годы все чаще и чаще стала обращаться к таким темам, которые раньше почти не привлекали к себе внимания художников слова. Писатели во весь голос заговорили о бережнем отношении к природе и ее богатствам, о сохранении и приумножении зеленого покрова земли с ее лесами и реками, садами и цветами. Нельзя безнаказанно расхищать кладовую природы, какой бы неисчерпаемой она ни казалась. Поэтому-то выдающийся русский писатель Л. Леонов создает свой роман, проникнутый страстным призывом в защиту леса, этого надежного «зеленого друга», что придает красоту и очарование милому облику родной земли.

Эту тему разрабатывают и сибирские писатели. Г. Марков пишет «Соль земли», об алтайских садоводах-энтузиастах, ведущих постоянную и напряженную борьбу с суровым сибирским климатом, рассказывает в своем «Саде» А. Коптелов. Сибирским цветоводам посвящает свое произведение и Г. Кунгуров.

Едва ли можно считать случайным появление подобных книг именно в последнее время. Мы стали внимательнее к человеку, к его запросам и нуждам, к условиям его существования. Забота о красоте родной земли означает прежде всего заботу о самом человеке. Это придает особое, подлинно гуманистическое звучание названным произведениям. Ведь и Леонов пишет свой роман не просто о лесе, как таковом, а опять-таки прежде всего о людях, равно как и Г. Марков, размышляя о сибирском красавце кедре, думает в первую очередь о судьбе своих земляков. Тот же пафос лежит и в основе «Сада» А. Коптелова, «Наташи Брусковой» Г. Кунгурова. «Может быть, Сергей,— говорит Наташа, обращаясь к товарищу детства и юности,— я глупая фантазерка, но это мои мечты, и я верю в них: вернуть городам зеленую красоту природы. Ведь человека скоро задавят камни, железо, бетон, он задохнется в парах бензина. Пригородная дача — идеал; люди из городов рады убежать в леса дремучие, чтобы урвать глоток чистого воздуха, а не лучше ли наоборот».

Мечта ее жизни приблизить природу к людям, покрыть зеленым покровом городские улицы, напоить благоуханием цветов пыльный городской воздух, превратив парки, газоны и скверы в сплошное море из местных декоративных цветов-многолетников — этих «суровых красавцев, пришельцев из тайги, с прибайкальских и приангарских гор».

Теми же мечтами живет и ее старый университетский учитель профессор-ботаник Кропотов. «Цветы любите,— говорит он студентам,— цветы не только питают пчел, украшают нашу жизнь, они наполняют любовью сердца человеческие».

В романе Г. Кунгурова раскрыта сложная, драматическая судьба простой русской женщины. Тяжелое детство (Наташа рано осталась сиротой и воспитывалась у многодетной тетки), студенческие годы с первыми радостя-

ми любви и счастья, прерванные войной, фронт, бесчисленные страдания, смерть близких людей и, наконец, снова университет, ученая степень, работа, семья.

Через многие страницы идет рассказ о душевных муках Наташи, пережившей утрату горячо любимого мужа Володи Тумашова, с которым они вместе росли, учились, мечтали. Их развели дороги войны. В романе правдиво показано, как прихотливо подчас складываются человеческие судьбы, сколько горя пришлось пережить тем, чью жизнь искалечила война. Володя Тумашов, порывистый, увлекающийся юноша, возможно, будущий ученый-садовод, возвращается с фронта жалким калекой, дряхлым и разбитым стариком. Нельзя читать без волнения сцену неожиданной встречи с ним Наташи после долгих лет разлуки. «Наташа подвинула стул и села у изголовья Володи. Он взял ее руку, пытаясь улыбнуться, рот кривился, лицо не улыбалось. Не сводя с Наташи утомленного взгляда, ласково поглаживал ее загорелую руку своими бледными, иссохшими пальцами. Глаза его ни о чем не спрашивали, не упрекали, не жаловались... Что виделось ему? Несбыточное: он здоров и бодр, перед ним весеннее небо, цветут вишни и яблони. В легкой дымке качаются отяжелевшие от цветов ветви, бело-розовые лепестки нанизаны густо, их запахом напоен воздух. Слышится песня. Кто поет? По солнечной тропинке сада идут двое. Они и поют. Какая короткая песня... Она уже оборвалась, и небо погасло, ветер качает деревья, безжалостно срывая листья. Что, уже осень? Всюду груды посохших листьев, они желтые, ломкие и тоскливо шуршат под ногами. Улетели птицы, и сад опустел. ...Володя лежит неподвижно. В комнате нестерпимо тихо, бьется о стекло и надоедливо жужжит муха».

Очень поэтичны те места книги, где автор изображает хорошо знакомую ему студенческую среду. Атмосфера дружбы и заразительного молодого веселья, горячие, порой наивные споры и по-мальчишески озорные шалости, студенческие вечера и первые признания в любви — все это отлилось в живые картины и характеры. Тут и Володя со своей неизменной «фараоновой гробницей» под мышкой — непомерно большим и громоздким портфелем, и какой-нибудь Петр Пухов, важная птица, председатель профкома, прозванный студентами Обещалкиным за его излюбленное «Обещаю, будет сделано, точка!» и сразу же забывавшем об этих обещаниях.

Привлекателен в своей непосредственности образ Нины Шумовой, хохотушки, с ее беспечной влюбчивостью, любительницей поспать и повеселиться, но в сущности милой и обаятельной девчушки. Невольно вы запомните и Виктора Суслова, этакого глубокомысленного поэта университетского масштаба, напыщенного и важного, а по существу вздорного человека.

Привлекает в романе и пейзажная живопись, то великолепие мира, которое окружает героев Кунгурова, безудержное цветение жизни. «В стекло окна ударился шмель, брызнул раскаленным угольком и очутился на лепестке флокса в букете на подоконнике. У шмеля изумрудная головка на голубенькой шейке, тонко перехваченная талия и солидное брюшко с желто-огненными опоясками. Едва очнувшись от испуга, шмель заработал лапками и хоботком, копошась в чашечке цветка».

Писатель знает, как шумит и пахнет тайга, как купаются, играя в лучах солнца, байкальские чайки, как плещется по камням безыменная речка. Вместе со своими героями он воскрешает неповторимые впечатления детства. «Плес родной Серебрянки; на нем сверкающие монетки — солнечные пятнышки; кто их с такой щедростью рассыпал? С берега над самой водой склонились камыши, приветливо качались над ними головки желтых лилий; сладковатый запах мяты и бузины; истекала смолистыми соками сосна, янтарные капли горели на солнце. Сидели они с Володей на уступчатом камне возле реки, и лица отражались в тихой воде. У Наташи поблескивали глаза, косички топорщились, по ветру развевалась ленточка. По воде пробежала колючая рябь; лица смешно вытянулись, потом расплылись и растаяли».

Действие романа охватывает довольно большой отрезок времени: предвоенные и военные годы и, наконец, наши дни. Вполне естественно, что проследить последовательно эволюцию героев на протяжении полутора десятков лет — задача для романиста не из легких. Г. Кунгуров решил ее своеобразным путем, путем композиционных смещений, которые избавляли бы автора от подробного хронологического изложения событий. Роман начинается возвращением Наташи Брусковой, молодого кандидата наук, специалиста по цветоводству, в город ее юности — Светлогорск, расположенный вблизи Байкала. Дорожная встреча с университетским учителем профессором Кропотовым будит в ней с новой силой воспоминания о первых годах студенчества в Светлогорске. Это обстоятельство позволяет писателю развернуть широкую картину студенческой жизни, которая уже дается

не через призму воспоминаний, а непосредственно, как нечто совершающееся в данное время. Позднее повествование снова прерывается введением в текст романа фронтового дневника Наташи.

Следует заметить, что и дневник, и сцены студенческой жизни оставляют у читателя сами по себе сильное впечатление. Но они невольно разрывают повествование, замедляют действие и тем самым создают раздвоенность читательского восприятия. Больше того, этот прием так или иначе сковывает, связывает Наташу, мешает ее характеру проявиться в действии. По существу та Наташа, с которой уже знаком читатель по первым страницам романа, бездействует на протяжении доброй половины книги. Она, а вместе с ней и читатель никак не могут добраться до Светлогорска. Беспрерывно идет предыстория теперешней Наташи, рассказ, может быть, и талантливый, но о ее прошлом житье-бытье. Читатель все время ждет — и слишком уж долго! — когда же наконец она начнет действовать, проявлять себя как активная личность, индивидуальность.

Таким образом, в первой половине романа почти нет коллизий, столкновения убеждений, то есть всего того, что движет сюжетом, придает занимательность рассказу, позволяет полнее выявиться характерам. Писатель стремится в своем произведении спроецировать на одну плоскость фактически три временных изображения, три потока его — современность, период войны и довоенные годы. Такой прием в искусстве слова не новый. С ним мы встречаемся в «Русском лесе» Л. Леонова, отчасти в «Сентиментальном путешествии» В. Пановой, да и у других литераторов. Однако здесь необходимо строжайшее соблюдение пропорций. Студенческие годы Наташи Брусковой в какой-то мере заслонили от нас теперешнюю Наташу, того напористого ученого и человека, что воюет за свои «многолетники», лазает по горным склонам и пробирается сквозь таежные чащобы, обретает так долго не дававшееся ей личное счастье.

На наш взгляд, художнику на сей раз изменило чувство меры. А это в свою очередь снизило в какой-то степени и, разумеется вопреки воле автора, упругость повествования. Такое впечатление, возможно, создается еще и потому, что в романе не чувствуется особенно острого конфликта, всей силы сопротивления противоборствующих обстоятельств. Писатель не дал Наташе достойных противников. Ведь нельзя же считать серьезным противником начальника горзеленхоза Петра Пухова, изображенного, к слову сказать, с подлинным писательским блеском. Есть в «Наташе Брусковой» и спорные детали. Едва ли можно признать убедительным психологически достоверным эпизод, в котором сообщается о том, как Наташа дважды пыталась повидать в госпитале тяжелораненого Володю и дважды ей было отказано. В это как-то трудно поверить и тем более при ее характере — напористом и мужественном.

Но спорные стороны романа не могут от нас заслонить достоинств этого значительного произведения, согретого дыханием нашего времени, произведения, которое вторгается в повседневный быт, проникнутого заботой о советском человеке, желанием видеть жизнь его прекрасной и радостной, в зелени цветов и парков. Не случайно роман вызвал многочисленные жаркие диспуты на читательских конференциях, отклики в письмах.

Судьба Наташи и других героев романа волнует своей большой человеческой правдой. Особенно по душе пришлась книга простым людям труда — каменщикам, штукатурам, плотникам и фрезеровщикам Иркутска и Ангарска, Черемхово и Братска. «Я с удовольствием,— пишет в газете «Советская молодежь» читательница М. Стрекаловская,— прочитала книгу писателя Г. Кунгурова «Наташа Брускова». И меня заинтересовало: действительно есть ли на Байкале такая редкостная ботаническая станция, как Носовка? Где сейчас Владимир Сидорович Тумашов?»

Автору пишут о его романе учителя, ученые, свои же братья писатели. Вот что говорит в своем письме к писателю сельская учительница, у которой, как и у Наташи, тяжело складывалась личная жизнь: «Наташа Брускова» доставила мне большое удовольствие... Переживания Наташи всколыхнули мои чувства».

По словам писательницы А. А. Кузнецовой, «книга... получилась интересной, нужной. Чувствуется,— говорит она,— прекрасное знание материала. Я прочитала «Наташу Брускову» с удовольствием». Венгерский профессор Бихари пишет о романе: «Я тотчас начал читать его; он читается легко, сюжет очень интересен. Поздравляю тебя с этим прекрасным романом, я очень горд, что у меня такой друг в далекой и все-таки очень близкой Сибири».

Для творческого облика Г. Кунгурова характерна разносторонность интересов. Историческая повесть и роман о современности, злободневная публицистика и исследования по дореволюционной культуре Сибири, рассказы о Монголии и литературоведческие очерки о писателях-современниках В. Я. Шишкове и

А. С. Ольхоне — таков диапазон художника и ученого, исследователя литературы. Перу Кунгурова принадлежит немало статей и очерков о распространении литературы в старой Сибири, литераторах сибиряках — Н. А. Полевом, Калашникове, Федорове-Омулевском.

Произведения Г. Кунгурова — интересное и правдивое повествование о прошлой и современной Сибири, ее гордых и талантливых людях, некогда проложивших путь на Амур, а ныне преобразующих страну изгнания и ссылки в цветущий край, жемчужину России.

Н. Кузнецова

САЯНЫ ШУМЯТ[1]

В ноябре 1960 года в Москве проходил творческий семинар армейских и флотских литераторов, созванный Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского флота и правлением Союза писателей СССР. Немало хороших слов было сказано на семинаре о романе нашего земляка подполковника Константина Николаевича Шней-Красикова «Шумели Саяны».

«На тысячи километров от Алтая до Иркутска тянутся Саяны — суровый, труднопроходимый сибирский край...» Так начинает автор свое повествование о жизни хорошо известной ему Восточной Сибири, о молодом поколении, вступившем в бой не в октябре 1917 года, а уже за завоевание социализма, в период революционной ломки деревни. Начало романа — зима 1932 года. Суровое и решительное время. Тогда перед партией стояла задача окончательной ликвидации капиталистических элементов в СССР. «Это не могло не вызвать отчаянного сопротивления остатков умирающих эксплуататорских классов... Открыто выступать теперь они не могли. У них не было для этого сил. Но они не прекращали борьбы. Затаив злобу против советской власти и партии, эти люди занимались вредительством, расхищали государственное и колхозное имущество, стремились подорвать основу советского строя — общественную собственность» [2].

В эти бурные годы автор романа — секретарь Саянского райкома комсомола, а после окончания комвуза работник органов внутренней безопасности, не просто свидетель, а непосредственный участник описываемых событий — жил напряженной и горячей жизнью. «В романе я писал только то, что видел собственными глазами, что испытал на собственном хребте»,— вспоминает Шней-Красиков. И тем не менее «Шумели Саяны» — это прежде всего художественное произведение, а не иллюстрация к историческим событиям, произведение, в котором писатель использовал свое право на авторский вымысел, на типическое заострение сюжета, характеров и обстоятельств.

Острые жизненные ситуации, положенные в основу сюжета, динамичность действия делают роман увлекательным, и читается он с неослабеваемым интересом. И еще одно несомненное достоинство книги: она написана страстно, взволнованно, убежденно. Пусть не всегда одинакова степень художественного мастерства, но авторская позиция отчетлива и ясна всегда: мы видим, чувствуем, кого любит, за что борется писатель, что ненавидит и отмечает он. Отсюда подчеркнутая контрастность описания, постоянная смена света и теней: два противоположных миропонимания, две психологии, два различных критерия эстетических и нравственных оценок потребовали разных красок, разных художественных приемов. Убедительно показал Шней-Красиков, как близость к народу, понимание исторических задач общества и борьба за выполнение их непрерывно обогащают и облагораживают человека. Растут и мужают, ошибаются и ищут Костя Белогорец и Каур, Дуся Баранько и Марианна, Андрей Колесников, дед Дубовик, Зиновей... В борьбе за новую жизнь становятся еще лучше и красивее эти люди, разные по возрасту, общественному положению, культуре и образованию, но одинаковые по

[1] К. Шней-Красиков. Шумели Саяны, Гос. изд. БССР, Минск, 1960.

[2] История Коммунистической партии Советского Союза. М., Госполитиздат, 1959, стр. 456.

своим стремлениям, готовые всем пожертвовать во имя великой цели. С ними автор. Думается, немало личного вложено им в их разные характеры. Им отдает он незлую шутку, глубокое лирическое раздумье, высокий пафос.

Удачен в романе образ Кости Белогорца — комсомольского вожака, неподкупно честного, порывистого, страстно убежденного в великой правде социализма. Писателю удалось создать яркий характер, показать, как на протяжении 8 лет мужал он, как вырос из неопытного вожака комсомольской ячейки, горячего и самоуверенного паренька, секретарь райкома комсомола, ответственный работник органов внутренней безопасности, член крайкома партии.

Запоминается образ секретаря Саянского райкома партии Каура — этого «солдата партии», волевого и принципиального коммуниста, беспощадного к врагам, внимательного и заботливого с друзьями. Писатель стремится показать близких ему героев не только как общественных деятелей, но и в личной жизни. Большое чувство, которое через все годы пронес Костя Белогорец к самой красивой казачке станицы Дусе Баранько, отношения к матери и друзьям делают его характер еще более жизненным и убедительным. Несколько надуманным представляет конфликт в семье Каура. Эта ставшая в целом ряде произведений последних лет неудачная семейная жизнь ответственного партийного работника ничего, думается, не добавляет к характеру Каура.

С большой теплотой дан образ Зиновея. «Высокий, подтянутый, будто собранный в тугую пружину, уполномоченный выглядел бодро, хотя Каур знал, как нелегко приходится этому человеку в последние месяцы и дни. Спит не больше двух-трех часов, все остальное время в разъездах, постоянно начеку, как взведенный курок. Но ни жалобы, ни намека на усталость. Железный человек. Чекист». Эта первая «заявка на характер», первая авторская характеристика полностью подтверждается всем дальнейшим, всеми действиями Зиновея, дальновидного, умного и принципиального человека.

Много еще надо расти, работать над собой, учиться сдерживаться и разбираться в людях бывшему партизану, человеку с крутым и горячим нравом Андрею Колесникову, избранному председателем сельсовета.

К сожалению, не все образы удались писателю в равной мере. Не всегда идет он от характера героя, ограничиваясь часто внешними приемами характеристики, и тогда вместо живого человека перед нами условная схема, наделенная «чертами характера». Нет в романе черт характера председателя Тинского колхоза двадцатипятитысячника Дубровина. Формально все верно, все узнаем о Дубровине, все данные, как в анкете, а характера нет. Вот рассказывает он на собрании о себе:

«...Мне сорок лет. Мальчишком начал работать на Путиловском заводе, вместе с отцом. Подрос — стал слесарем. В октябре семнадцатого года вступил в партию. Брал Зимний. Состоял в Красной Армии. В гражданскую войну воевал против Юденича и против Колчака. После войны вернулся на завод. Окончил рабфак. Немного был на партийной работе в Ленинграде, а затем по мобилизации партии приехал в Сибирь..» Хорошо. Предельно кратко, лаконично сообщены необходимые данные о человеке. Вот теперь автору и раскрыть бы этот характер, показать бы дела человека, его поступки, может быть, ошибки, сомнения... Но ничего этого нет. Поэтому даже удачные страницы, рассказывающие о том, как завоеван был авторитет, как пришли любовь и уважение народа к председателю, как из Дубровина превратился он в «Петровича» и стал «совестью станицы», воспринимаются как авторская информация.

Не совсем удался и образ подруги и любимой Кости Дуси Баранько, «высокой, чернобровой казачки», активной комсомолки, смелой и решительной девушки. Здесь есть характер, и раскрывается он в действии, и даже любовь есть, «внутренний мир», а почему-то теплоты, симпатии не чувствуешь к Дусе. Очевидно, автор хотел создать положительный идеальный характер и наделил свою героиню слишком большой рассудочностью. Особенно в конце романа она все время поучает, речь ее становится невыносимо «умной и скучной». Кажется, чувство меры несколько изменило автору, когда он заставляет молодую девушку во время очень важного и решительного разговора с любимым человеком говорить следующее:

«...Видишь ли, Костя, у нас еще очень часто встречается пошлость в жизни. Многие на женщину смотрят по-старому, равноправной ее считают условно, как необходимость политической агитации (?), а на деле — крепостнический взгляд, как на предмет наслаждения...»

А несколькими страницами ниже, поучая подругу, как надо жить и бороться за любовь, Дуся говорит:

«Пойми, ведь раньше закрепощенная женщина выбирала средствами самки. Иных у нее не было... А у нас женщина раскрепощена во всем. Она вольна выбирать себе друга прямо, честно, по-человечески, без пошлости. У нее есть и другие средства для этого, средства

верной подруги, неутомимой деятельности, а не самки, не прожигательницы жизни, то есть средства равноправной гражданки».

И когда Марианна в ответ на ее тираду говорит: «Какая ты умная, Дуся», — это звучит несколько иронически.

Однако эти отдельные неудачи не меняют общего характера того светлого, радостного мира, жизненность которого утверждается его людьми — красивыми, сильными, волевыми.

Совсем иначе даны люди враждебного лагеря. Их характеристики предельно лаконичны и серьезны. Здесь нет места шутке, пафосу. Писателю удалось создать запоминающиеся образы врагов, показать звериную сущность тех, кто противопоставил себя народу, торгует честью, совестью... Интересна в этом отношении уже первая глава романа.

Неспокойно стало в станице Тинской. «По заснеженным окраинам ее серыми тенями замелькали голодные волки, а к середине станицы, к одному из больших пятистенных домов, такими же серыми тенями потянулись в одиночку настороженные человеческие фигуры: шаг шагнет — остановится, озирается вокруг, прислушается и, как хищник, крадется дальше...»

Не названо пока ни одного имени, но это уже законченная групповая характеристика, и совершенно ясно, что не для доброго дела собрались в эту ночь кулаки, которые далеко за полночь, «как из звериного логова, хоронясь от людей, с черными думами расползались по домам». Отдельные фигуры из этого звериного логова даны писателем убедительно и ярко, чаще всего через дела, поступки и поведение, реже через авторскую характеристику. Почти совсем не показана их личная жизнь, и это не случайно: родственные связи, чувства — все давно ими растоптано, давно не осталось ничего святого. «Нынче все люди звери, никому верить нельзя, ни брату, ни свату»,— говорит один из руководителей кулацкой банды. Особенно запоминается образ матерого врага, бывшего контрразведчика в войсках Колчака, кулака Ивана Михайловича Кошевого, который в двадцатые годы помог уничтожить много видных партизанских вожаков. Сейчас вел он себя тихо и осторожно, в станице слыл за самого грамотного и умного человека. «Открытое русское лицо, умные спокойные глаза, деловая речь, почтенный возраст — все это располагало к нему... Всегда выбритые щеки, аккуратная черная борода, добродушный грудной смешок и особенно открытый взгляд создавали впечатление о нем, как о самом безобидном человеке...» Страшное нутро у этого «безобидного человека», на любое предательство пойдет он, дочь продаст, жену, нет у него ни Родины, ни семьи, но умело носит он благопристойную маску и много успеет вреда принести прежде чем будет уничтожен. Есть в романе более откровенные враги, и действуют они прямолинейнее, не умея скрыть своей ненависти. Это Степан, Данила, молодой звереныш Санька, Ефим Перепелка.

Предательства, убийства, поджоги, уничтожение скота — ни перед чем не останавливаются кулаки. С большой реалистической силой написана сцена убийства деревенской активистки молодой женщины Андреевой и двух ее детишек кулаками Данилой и Санькой. На трехлетнего малыша поднялась рука убийцы: «Вырастет — большевиком будет»,— прохрипел Данила, сжав тяжелую рукоять ножа, шагнул к печке, где комочком свернулся трехлетний мальчонка...» А через несколько часов он уже не думает о минувшем — мало ли что было? Его волнует будущее: «К весне в тайге соберется много своих людей. Можно дела делать! В первую очередь занять Саянск, объявить мобилизацию, а там соединиться с Кежмой, Абаканом, да и ударить на Канск. Японцы, конечно, сразу выступят, дадут оружие, и советская власть в Сибири — поминай как звали. Даниле мерещится сибирская автономия. Вот жизнь! Десятин шестьдесят земли, полсотни лошадей, два десятка батраков при хозяйстве. Небось, перед таким любой шапку снимет, в пояс поклонится...» Ничего почти не добавляет автор к этой характеристике врага. Все ясно. Ненавистью дышало кулачество. Продать Сибирь японцам, кому угодно, лишь бы не было советской власти, лишь бы и дальше сосать кровь из мужиков.

Хорошо показана в романе обреченность кулацкого мятежа, оторванность этой жалкой кучки от народа, бессилие их ярости и полный разгром.

С гневом и презрением пишет автор о тех, кто, прикрывшись партийным или комсомольским билетом, по трусости или подлости, а иногда по «идейным убеждениям», становится предателем. К таким народ не знает пощады. Отвратителен в романе образ уполномоченного райисполкома Кузнецова, самовлюбленного, трусливого и безнравственного человека. Такие и становятся сначала пособниками врагов, а потом изменниками Родины. Развитие этого характера вполне логично и мотивировано. Возражение вызывает другое: почему так долго не разоблачен он, сначала просто недалекий, зазнавшийся комсомолец? Как могло случиться, что он избран первым секретарем горкома комсомола, даже если это устраивало кого-то из руководящих работников крайкома

партии? Но ведь кругом-то не слепые, а ничтожество и подлость Кузнецова хорошо были известны всем.

Роман Шней-Красикова затрагивает очень сложные и серьезные вопросы тридцатых годов, и делается это с позиций сегодняшнего дня, в соответствии с правдой жизни и истории. Писатель показал, что и в условиях победы социализма, после того как все эксплуататорские классы были уничтожены, необходимо было соблюдать бдительность в отношении отдельных элементов из разбитых оппозиционных групп троцкистов, зиновьевцев, правых, националистов, которые, особенно троцкисты, в ходе борьбы против партии не раз ее обманывали, переходили рамки советской законности, нередко смыкались с контрреволюционными элементами.

Вместе с тем в романе убедительно показано, что означал практически в жизни общества тезис о неизбежности обострения классовой борьбы в период победы социализма. Все это органически входит в сюжет романа, определяет судьбу его героев, делает произведение политически острым, художественно убедительным.

Роман о суровой и решительной классовой борьбе в основе своей глубоко лиричен. О себе, о своем времени пишет автор, не таясь, рассказывает о своих сокровенных мыслях и чувствах, часто, словно задерживает читателя, предлагает ему внимательно вглядеться в жизнь, задуматься над ней. Эти лирические отступления в большинстве своем сливаются с сюжетом, входят в повествование, и, несколько задерживая действие, делают его более глубоким. Особенно удачны в романе картины сибирской природы. Уже в самом названии романа «Шумели Саяны» угадывается что-то очень близкое автору, романтическое и вместе с тем сурово сдерживаемое. Любит писатель сибирскую тайгу, хорошо знает ее неписаные законы, умеет слушать ее звуки, гордится крепким сибирским народом. «Тайга для сибиряка — дом родной. Какие думы не навевает она, необъятная, какие струны человеческой души не приводит в движение ее неизмеримая сила!..»

...«Величаво стоит тайга, грозная, как воин на рубеже отчизны. Сколько врагов похоронила она за многие свои века! Гниют здесь кости самураев, белогвардейцев и наглых янки. Здесь насмерть бились с врагами красноармейские полки и партизанские отряды, и ты, тайга, была их домом, ты кормила, одевала их, а в час невзгоды укрывала в своих дебрях.

Тайга, тайга! Как не любить тебя сибиряку! Где б не находился он, а не забудет свою Сибирь, всем сердцем будет стремиться к ней.

Тайга, тайга! Сколько силы, богатства и раздолья в тебе!

А какой народ, народ сибирский! Под стать тебе, могучая природа. Прямой, трудолюбивый, в опасности отважный, к гостям радушный, щедрый, но скупой на слова...»

Иногда действие романа естественно переходит в раздумье автора, которое чаще всего обращено в будущее, к тем, для кого тридцатые годы станут далекой историей. Именно так заканчивается один из самых напряженных эпизодов в романе — бой в тайге, уничтожение кулацкой банды. В этом бою смертью героя погиб дед Дубовик. Шумит тайга над его одинокой могилой. «Сколько таких одиноких могил разбросано вдали от кладбищ! В лесах и степях, в горах и долинах стоят одиноко то крест, то пятиконечные звезды, потемневшие от времени. И спят вечным сном в этих могилах солдаты первой пятилетки.

И когда ты, потомок, будешь проходить мимо места их вечного покоя, остановись, склони голову в скорбном молчании и, если дети оказались здесь, расскажи им о битвах за хорошую жизнь, о ее героях. Павшие заслужили вечную славу и достойны вечной памяти у живущих поколений».

Небольшим лирическим вступлением начинается седьмая глава романа. Оно словно подготавливает читателя к серьезным изменениям, которые произошли с людьми, к необходимости некоторой переоценки героев.

...«Растет, мужает, стареет человек, а в старости грустит о прошлом, о молодости. Лишь молодость не грустит. Она торопится жить и часто стремится казаться взрослее, чем есть. Течет время, меняется жизнь, изменяются люди...» Все последующее в романе — седьмая глава и эпилог — как бы раскрывает это вступление. Завершились судьбы и характеры одних, окрепли, возмужали в борьбе и готовы к решению новых задач другие, нелегким путем пришли к пониманию правды третьи. Много пережили честные советские люди Каур и Зиновей, через большие испытания прошел Костя Белогорец и Марианна, погиб преданнейший делу партии коммунист Губин, оклеветанный и уничтоженный врагами. Такова суровая правда жизни, и автор говорит о ней в полный голос, утверждая неодолимость всего передового, счастье борьбы за новую жизнь.

...В жаркое солнечное лето предвоенного года празднично убранный Иркутск принимал многочисленных гостей из Москвы, Ленин-

града, Новосибирска, Красноярска. Сюда приехали маститые ученые и молодые инженеры, партийные работники и горячие комсомольцы, геологи и таежные охотники. «Начинался большой разговор об Ангаре, о Байкале, о будущем необъятных просторов Сибири».

Шумят Саяны, мужают и готовятся к новым боям ставшие близкими нам герои. Где будут они в сороковые годы, какие рубежи Родины будут защищать Костя Белогорец, Каур, Зиновей, Марианна? Об этом рассказывает автор во второй уже написанной им книги «Шумели Саяны». Третья книга, над которой писатель сейчас работает, будет написана о сегодняшнем дне Сибири, о ее грандиозных стройках, о ее людях.

Книга К. Шней-Красикова не оставляет читателя равнодушным. Не все бесспорно в ней, не все одинаково хорошо. Можно было бы назвать много неудачных выражений, есть ненужная риторичность, герои вдруг начинают говорить, словно плохую лекцию читают,— а вот почему-то писать об этом не хочется. У автора есть художественное чутье — он сам почувствует и исправит многое. Главное же в том, что книга волнует, хочется следить за судьбой полюбившихся героев, хочется вновь услышать шум Саян.

До новых встреч с героями и автором.

САТИРА И ЮМОР

Э. Шмулевский

Рассказ

Альфред Сеньков считал своего отца человеком совершенно отсталым.

— Старина...— жаловался он друзьям.— Институт окончил, ответственным считается, а меня, своего единственного отпрыска, Федькой назвал. Я — Федька? Пришлось мне уже в зрелом возрасте в собственное имя коррективы вносить.

Разговор этот проходил за столиком в ресторане, где друзья с такими же замысловатыми именами, чокаясь рюмками и фужерами, одобрительно поддакивали и сочувствовали своему собутыльнику.

Альфред, ободренный вниманием, решил положить своего отца, как говорят спортсмены, на обе лопатки.

— Любит мой фатер хвалиться своей комсомольской юностью. И как рот раскроет, не остановишь. У меня, мол, таких друзей, как у тебя, не было. Мои товарищи мозоли на руках имели (чем хвастается). А знали бы вы, какие допотопные стихи старик читает, со смеху помрешь. Вот послушайте:

Любовь — она, конечно, не картошка,
Ее не выроешь в один прием.
Но все ж решил
Комсомолист Тимошка
На этот раз поставить на своем...

Я так и не знаю, что решил этот самый Тимошка-комсомолист. Там дальше что-то про гармонь говорится. Мне просто смешно, как

это можно любовь и картошку в одну кучу свалить.

Альфред при этих словах залился таким громким смехом, а его друзья так дружно подхватили, что другим посетителям ресторана стало не по себе. Они постарались быстрее закончить ужин и уйти в более тихое место.

Друзей это мало трогало. Они продолжали пить и вели свою шумную беседу. Перестав поносить родного отца (деньгами которого, кстати сказать, он в этом ресторане нередко рассчитывался), Альфред переменил тему и должен был признаться друзьям, что влюблен.

— Да, да,— говорил он пьяным голосом.— Сражен начисто и безвозвратно. Но пока без взаимности.

— Это тебе-то, Альфреду, не отвечает? Подумаешь, краля! Наказать ее надо. Наказать!

— Ну, чмокни в губки раз-другой, она и растает.

— Ты смелее с ней, смелее, знай, мол, наших.

— Или тряпку какую-нибудь подари заграничную.

Друзья не скупились на советы. Но Альфред впал в меланхолию.

— К ней не тот подход надо. Она особенная — товар первый сорт, понимаете. Имя, правда, Питер, хуже, чем у твоей Вендетты,— Любой ее зовут. Ну, это мы поправим, правда ведь, окрестим ее живо. Назовем по-итальянски — Люция. А? Завтра я сюда на это самое место приведу. Слово Альфреда...

Во второй половине ночи наш герой, нетвердо ступая по асфальту, возвращался домой. В пьяной голове, точно в потемках, бродило одно событие за другим.

«Как хорошо было три года после школы, пока не работал,— думал Альфред.— Спишь до обеда, а потом к приходу отца делаешь вид, что готовишься в институт. Но все попытки попасть туда кончились неудачей. Отец кричал и говорил, что если он, Федька, не будет трудиться, то выгонит его из дому.

Что бы делал он без мамы. Она всегда заступится, всегда поможет. Вот и в этот проектный институт чертежником устроила его мама. Хотя и приходится торчать там целых семь часов, но все-таки не надо пачкать руки где-нибудь на заводе».

Потом его мысли возвратились к Любе. Он даже остановился около большого дома, прислонился плечом к холодной стене. Так легко было мечтать. Альфред сам не понимал, почему ему нравилась эта девчонка. Правда, ее любили все. Но она же была активная, в комсомольском комитете. А он никогда не вступал в комсомол, боясь перегрузки.

«Верно, есть у нас общее, — точно за соломинку ухватился Альфред. — Люба ведь тоже в институт провалила». Но тут снова одолевали сомнения. Девушка вот уже второй год училась вечером. На ум пришел последний довод. «Я красив, — сказал Альфред вслух. — А это что-нибудь значит». Он решил сразу же убедиться в этом, перешел через дорогу и стал разглядывать свое изображение в окне магазина. На него смотрело помятое лицо молодого парня с огромной гривой разлетевшихся на ветру волос. Опять ничего утешительного.

...Итак, наступило завтра. Еще задолго до звонка, извещавшего об обеденном перерыве, Альфред поджидал Любу. Для такого случая он надел свои лучшие фиолетовые брюки, желтый пиджак, повязал добытый через десятые руки французский галстук.

— Бонжур, Люба,— сказал он, когда девушка вышла из комнаты.— Сегодня хочу пригласить вас в ресторан на серьезный разговор и бутылку шампанского. И чтобы никаких отговорок.

Девушка была огорошена. Перед ней стоял по-петушиному одетый парень, которого и она и все ее подружки презирали, и не только за внешний вид, но главное за мысли, которыми он был начинен.

— Давайте встретимся не сегодня, а завтра. И, конечно, не в ресторане, а на вольном воздухе. Вы согласны?

— Ну, ладно,— пусть будет по-вашему. Но учтите, вы не пожалеете о дружбе с Альфредом Сеньковым.

Победно сияя, он возвратился в свой отдел как раз в то время, когда профорг Виктор Иванович объявлял:

— Завтра, товарищи, все поедем в колхоз, копать картошку. Сбор ровно в восемь утра.

«Пардон!»— хотелось закричать Альфреду. Ведь завтра он же дал слово показать Любу друзьям. Слово дал! И потом, он отродясь не копал картошки. Верно, в школе их класс много раз ездил в колхоз, но Федька, то бишь Альфред, в этом не участвовал. Помогала мама, у которой всегда в запасе были справки о его несуществующих болезнях. Можно было и сейчас воспользоваться ее помощью. Но ведь там, на поле, будет Люба, а что если он, не откладывая, признается ей в любви? Будь что будет. «Поеду»,— решил Альфред. И утром, натянув на себя пару свитеров, на которых были вытканы заморские звери, одним из первых явился к месту сбора.

Он устроился в одной машине с Любой и всю дорогу, пытаясь обратить на себя внимание, так и сыпал чужими остротами.

Приехали быстро. Альфреду вручили лопату и велели подкапывать три рядка. Соседкой, тоже с лопатой, оказалась Люба. В платьице с короткими рукавами, она будто и не замечала резкого ветра.

— Вызываю на соревнование!— крикнула она Альфреду. Тот же лишь снисходительно улыбнулся. Ведь он был мужчиной.

Люба не стала ждать. Она ловко начала орудовать лопатой. Альфред так бы и стоял, любуясь, как работает девушка, но надо было копать и самому. Он взял лопату, поставил ее на землю и слегка нажал острым носком своего модного ботинка. Куст стоял на месте не шелохнувшись. «Надо сильнее»,— подумал Альфред и поставил лопату в самую середину. Он вонзил ее в сердце картофельного гнезда и половину клубней рассек на две части.

— Что, сразу на суп картошку режете? — ехидно спросила женщина-экономист, которая шла следом за Альфредом. Он не ответил. Надо было копать. На руках быстро вздулись водяные мозоли, оба свитера стали мокрыми, в модные ботинки набилась земля. Но Альфред ничего не видел, кроме картофельной ботвы. Ему казалось, что ей нет ни конца ни края.

Во второй половине Альфред сдал. Он ковылял позади всех. Та же женщина-экономист ворчала:

— Подкинули нам копальщика — с таким задание за неделю не выполнишь. Помог бы кто-нибудь.

— Здоровый парень, сам справится. Пусть узнает, что картошка растет в земле, а не на сковороде, — говорили мужчины. А у девчат сердце оказалось мягче. Первой пришла на помощь Люба. Но Альфреда это уже не радовало. Не поднимая головы, он еще пытался копать, но руки, непривычные к труду руки совершенно отказались слушаться.

...Альфред постарался не садиться в одну машину с Любой. Он боялся насмешливых глаз девушки. С него будто ветром сдуло обычную развязность. Сердился на себя за то, что согласился поехать на эту проклятую картошку, сердился и на Любу. «А не нарочно ли она подстроила это свидание?»— мелькнула мысль.

И в эти минуты тяжелого раздумья вспомнился отец, человек, который не боялся никакого труда, вспомнились его любимые стихи. Он тихо повторял про себя:

Любовь — она, конечно, не картошка,
Ее не выроешь в один прием.
Но все ж решил
Комсомолист Тимошка
На этот раз поставить на своем...

Как жаль, что Альфред никогда не хотел дослушать этих стихов до конца. Вот этот Тимошка еще в тридцатых годах, видимо, решил, что делать и с картошкой, и со своей любовью, а он, Альфред, считающий себя передовым человеком, не знает. Было грустно, на глаза невольно навертывались слезы.

Ким Ильин

ЛИРИКА И КРИТИК

Шутка

Лирика и критик,
По природе я не нытик,
Не поклонник чепухи...
Как-то раз известный критик
Разбирал мои стихи.
Навострил он карандаш:
— Что ж, проверим опус ваш...
По строке лирической
С быстротой космической
Карандаш графический
Пропорхал критически.
— Где же тут соревнованье?
Где ударное заданье?
Где комсорг и где местком?
Вообще стихи о ком?
Если б героиня ваша
Перекрыла трижды план,
Посвятить ей можно даже
Не поэму,
А роман...
По природе я не нытик,
Но не знаю,
Как мне быть?
Запрещает строгий критик
Непрославленных любить.

Перевод с бурятского В. Киселева

Альманах „Ангара“

Техн. редактор *Т. И. Печерская*

Корректоры *А. В. Пономарева, Н. С. Герасимова*

Сдано в набор 16 мая 1961 г. Подписано к печати 10 июня 1961 г.
Печ. л. 14,76. Уч.-изд. л. 14,79. Бумага 84 Х $108/_{16}$. Тираж 5000. Заказ № К-213. НЕ 03353.

Иркутское книжное издательство, ул. Красной звезды, 18.

Типография № 1 отдела Полиграфиздата Иркутского областного управления культуры, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

60 к.